

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО Science. Culture. Society

№ 2 / 2025

Том 31

Тема выпуска: Междисциплинарные исследования современного общества:
от концептуального осмысления к социальным изменениям

DOI: [10.19181/nko.2025.31.2](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2)

EDN: [BWBNBY](https://www.edn.ru/BWBNBY)

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издаётся с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в перечень ВАК (К2). Включён в Российский индекс научного цитирования
(РИНЦ).

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва
2025

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН).

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, чл.-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Буланова Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и госуправления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, РГГУ.

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет

Дудина Виктория Ивановна, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, профессор, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (Казахстан).

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Константинова Лариса Владимировна, доктор социологических наук, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, доцент, РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор, РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, доцент, Воронежский филиал РАНХиГС.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladimir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marina B. Bulanova, Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Galina S. Denisova, Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University

Victoria I. Dudina, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Mirosljub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirowa, Doctor of Sociology, Professor, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan).

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPa.

Larisa V. Konstantinova, Doctor of Sociology, Professor, Plekhanov Russian University of Economics.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPa.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPa.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPa Voronezh branch.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franc E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

К читателю	6
----------------------	---

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Левичева В. Ф., Диманс С. Л.

Неформальные взаимодействия в обществе: опыт концептуальной интерпретации.	7
--	---

Назаров М. М.

Концепция колонизации данных Н. Коулдри и У. Мехиаса: содержание и методологические основания	22
---	----

Матвеева Н. Ю.

Социологическое понимание субъекта идеологии в классических и современных подходах.	37
---	----

Ивенкова О. А., Итунина Н. Б.

Культура повседневности в условиях современных вызовов: социально-антропологический подход	50
--	----

Мухачёв В. В.

Мещане и мещанство как социальная группа и феномен буржуазной культуры: марксистский подход	62
---	----

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Белова Н. И.

Общественный договор в сфере охраны здоровья советских граждан (1917–1940).	75
---	----

Тартыгашева Г. В.

Общественный договор между художественной интеллигенцией и властью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).	87
--	----

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Китаева М. П.

Андрогинная гендерная идентичность личности в условиях современного общества	99
--	----

Евстифеев Р. В., Евстифеева Г. Г.

Городские гендерные режимы в зеркале критической топонимики.	111
--	-----

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Рославцева М. В.

Ценностная проблематика в национальных проектах Российской Федерации	129
--	-----

OPENING ADDRESS

To the reader	6
-------------------------	---

SOCIAL AND CULTURAL PROCESSES IN THE FOCUS OF SOCIOLOGICAL THEORY

<i>Levicheva, V. F., Dimans, S.L.</i> Informal interactions in society: experience of conceptual interpretation	7
<i>Nazarov, M. M.</i> The concept of data colonization by N. Couldry and U. Mejias: content and methodological foundations.	22
<i>Matveeva, N. Yu.</i> Sociological understanding of the subject of ideology in classical and contemporary approaches	37
<i>Ivenkova, O. A., Itunina, N. B.</i> Everyday culture in the context of modern challenges: a socio-anthropological approach	50
<i>Mukhachev, V. V.</i> Tradesmen and philistinism as a social group and a phenomenon of bourgeois culture: a Marxist approach	62

SOCIAL CONTRACT IN THE CONTEXT OF HISTORICAL SOCIOLOGY

<i>Belova, N. I.</i> Social contract in the sphere of healthcare for soviet citizens (1917–1940)	75
<i>Tartygasheva, G. V.</i> Social contract between artistic intelligentsia and the government during the Great Patriotic war (1941–1945)	87

MEN AND WOMEN IN THE CONTEMPORARY SOCIO-CULTURAL SPACE

<i>Kitaeva, M. P.</i> Androgynous gender identity in the context of modern society.	99
<i>Evstifeev, R. V., Evstifeeva, G. G.</i> Urban gender regimes through the lens of critical toponymy.	111

THEORY AND PRACTICE OF STATE GOVERNANCE

<i>Roslavtseva, M. V.</i> Value issues in national projects of the Russian Federation.	129
--	-----

К ЧИТАТЕЛЮ

Предлагаем вашему вниманию очередной номер журнала, статьи в котором объединены темой: **«Междисциплинарные исследования современного общества: от концептуального осмысления к социальным изменениям»**.

Проблема междисциплинарности не первый раз возникает в современном научном дискурсе, т.к. исследование сложного, находящегося в постоянном изменении мира наиболее полно достигается на стыке дисциплин. Объектом внимания междисциплинарных исследований выступает общество и человек в обществе во всем многообразии их взаимосвязей и проявлений. Такие исследования позволяют создать целостный образ современного мира. Социологии как науке, и, в частности, русской социологии, этот подход был присущ изначально. Известный социолог М. М. Ковалевский в начале XX в. отмечал, что главный вопрос, который призвана решить новая наука об обществе, — её отношения с другими конкретными социальными науками. Эти отношения могут стать взаимно плодотворными и обогащающими в том случае, если конкретные науки, поставляя социологии эмпирический материал, будут, в свою очередь, опираться на общую концепцию социальных изменений, предлагаемую им социологией. По мнению учёного, социология не столько открывает социальные законы, сколько усматривает их в реальном социальном взаимодействии, подмечая то общее, что есть в частном. Это наглядно свидетельствует об особой роли социологии в диалоге с другими науками об обществе. При их взаимодействии происходит социологизация общественного знания, итогом которой являются не только интересные совместные проекты учёных, но и по-настоящему эффективные.

В номере представлены результаты исследований, авторы которых плодотворно работают в междисциплинарном поле. Так, например, на стыке социологии, политологии и философии написана статья В. Ф. Левичевой и С. Л. Диманса о неформальных взаимодействиях в обществе. На стыке социологии, культурологии и социальной антропологии выполнена работа О. А. Ивенковой, Н. Б. Итуниной, посвящённая культуре повседневности. Интересный стык социологии и истории раскрывают: исследование В. В. Мухачёва о природе мещан и мещанстве, статьи Н. И. Беловой и Г. В. Тартыгашевой о теории и исторических практиках реализации общественного договора в российском обществе. Поиск новых теоретических подходов к изучению сложной современной реальности представлен в статьях М. М. Назарова и Н. Ю. Матвеевой. Ценностная проблематика применительно к конкретным социальным реалиям и социальному управлению поднята в статье М. В. Рославцевой. Наконец, хотелось бы обратить внимание на статью М. П. Китаевой, раскрывающую на стыке социологии и психологии сложную тему формирования андрогинной гендерной идентичности личности. Несомненно, привлечёт внимание и исследование городских гендерных режимов, выполненное Р. В. Евстифеевым и Г. Г. Евстифеевой на стыке социологии, истории, этнографии, лингвистики.

Надеемся, что представленные в номере материалы окажутся интересными и полезными для широкого круга исследователей, стремящихся к междисциплинарности, и готовых поддержать это направление своими новыми работами.

*Редактор тематического выпуска,
М. Б. Буланова (ИС ФНИСЦ РАН)*

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.2.1](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.1)
EDN [VVWSIP](https://www.vvwsip.ru)
УДК 316.45

В. Ф. Левичева¹, С. Л. Диманс²

¹ АНО Институт «Справедливый мир». Москва, Россия

² МГАФК. Москва, Россия

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБЩЕСТВЕ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. Цель статьи — представить концептуально-методологический подход к пониманию неформальных взаимодействий как онтологического основания общества и ресурса его развития. Авторы раскрывают их основные сущностные качества — рекурсивность, темпоральность, эластичность, вариативность и ценностную нагруженность, демонстрируя их роль в трансформации политических, экономических и социальных практик. Гибкость и адаптивность неформальных норм обеспечивают сохранение и передачу из поколения в поколение целого спектра положительных поведенческих моделей, ценностей и смыслов, закреплённых за конкретными жизненными ситуациями. Рекурсивная «петля» неформальности обеспечивает неразрывность социальных связей во времени. Неформальные взаимодействия не только дополняют институциональную среду, но и при определённых условиях могут замещать её, формируя новые конфигурации социальной реальности. Они обогащают социальный ландшафт, страхуют общество от постоянно возникающих рисков и создают поведенческие альтернативы. Именно неформальность выступает фактором, который делает каждое исторически сложившееся общество уникальным. Вместе с тем, чрезмерное распространение неформальных практик указывает на дефицит или неэффективность институциональной структуры и может становиться барьером для устойчивого развития.

Ключевые слова: неформальные взаимодействия, институциональность, темпоральность, рекурсивность, страхование рисков, социальное уклонение

Для цитирования: Левичева В. Ф., Диманс С. Л. Неформальные взаимодействия в обществе: опыт концептуальной интерпретации // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 7–21. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.1](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.1). EDN [VVWSIP](https://www.vvwsip.ru).

Введение. Понятие «неформальные взаимодействия» (связи, отношения, коммуникации, практики) достаточно широко используется не только в современном академическом общественном знании, но и в актуальной публицистике. Именно поэтому создаётся впечатление о наличии огромного числа публикаций о том социальном явлении, которое оно фиксирует. Между тем при внимательном анализе нетрудно заметить, что исследования неформальности в обществе распределяются на ряд ограниченных предметных областей. Наиболее обширная из них — неформальная экономика и неформальная занятость. Значительное внимание уделяется неформальным группам, неформальным объединениям молодёжи. Активно используется это понятие при анализе коррупции и делинквентности как негативных социальных явлений. Появились исследования лоббирования как неформального взаимодействия при продвижении

© Левичева В. Ф., Диманс С. Л., 2025

частных, корпоративных и общественных интересов и поселенческих неформальных практик, распространённых в российском обществе.

Свой вклад вносит и публицистика. Когда растущее множество событий захватывает и переполняет воображение, журналисты начинают активно разрабатывать различные конспирологические схемы, объясняющие происходящие события именно в неформальном персоналистском ключе. Распространяемые сегодня в интернете и СМИ конспирологические трактовки всего и вся — это попытка объяснить происходящее недоступными для большинства людей непреодолимыми и невидимыми силами. Конспирология даёт им конкретные имена и тем самым делает их более или менее «понятными».

Но как «засилье» неформальности можно объяснить с научных позиций? При значимых результатах в различных областях проявления неформальности в обществе, её внутреннее содержание остаётся неизученным. Почему именно неформальность обеспечивает неразрывность социальной ткани, выживаемость общества при самых радикальных воздействиях на него? Что лежит в основе социальной повторяемости, которая фиксируется в жизненном опыте поколений? Благодаря каким качествам неформальные взаимодействия оказываются онтологическим основанием общества и его цивилизационным ресурсом? Или, напротив, почему при столь очевидных и быстрых изменениях в российском обществе всё остаётся — «как всегда»?

Наша цель — предложить методологический подход, на основе которого может быть развито понимание неформальности как общесоциального явления.

Разрабатываемая нами методологическая программа обеспечивает аппроксимацию концептуальной интерпретации и фактических кейсов, ставших известными в медиапространстве. Мы далеки от мысли, что эмпирическое исследование неформальности (точнее, тех или иных фрагментов неформальных отношений), проведённое с помощью опросных методов, вообще может что-либо подтвердить или опровергнуть. К сожалению, социологии пока с большим трудом удаётся расширить инструментарий до исследования того, о чем не принято говорить или, наоборот, принято говорить только определённым образом. Приходится действовать постфактум и, нередко, снимать «оболочку» определённым образом «упакованных» речевых высказываний. Поэтому мы вынуждены в данной статье пользоваться общими конвенциональными критериями совместимости, уместности, пригодности и удобства теории для объяснения и интерпретации случая.

Другими словами, неформальные коммуникации, являясь онтологически фундаментальными [1], требуют отдельного концептуального представления, создания своего рода концептуальной «оптики», которая должна существенно увеличить возможности в понимании социальных связей, формирующих общество.

1. Сущностные качества неформальных взаимодействий

♦ **Рекурсивность неформальных практик.** Межличностные и групповые неформальные коммуникации, повторяясь бесчисленное количество раз из поколения в поколение, отражают опыт прошлого и позволяют человеку без прохождения сложного процесса мотивации осуществлять выбор и достигать искомого результата.

Другими словами, неформальные практики рекурсивны, то есть возникают как бы из самих себя, но уже с другими значениями параметров — усложнёнными

ми или, напротив, упрощёнными — подобно изменению фрактальных паттернов по заданному алгоритму.

Рекурсивность неформальных отношений позволяет обществу сохранять устойчивость в условиях неопределённости и адаптироваться к новым ситуациям. Оно приспосабливается одновременно и к внешним вызовам, и к своему социальному прошлому, что напоминает приспособление к среде индивидуального организма, стремящегося выжить, но неспособного вырваться из рамок, задаваемых генетической информацией. Возникает так называемая «рекурсивная петля», конечный результат которой снова запускает процесс с его начального состояния. Она подстраивает поведение индивидов под свои интенции, которые самими индивидами даже не осознаются.

По мнению Э. Гидденса, рекурсия возможна потому, что социальные действия осуществляются акторами не напрямую, а опосредованно, через устойчивые структуры общественных взаимодействий, которые и делают акторов акторами [2, р. 2]. Фактически речь здесь идёт о мотивации поведения людей, определяемой уже сложившимися общественными коммуникациями.

Однако наряду с процессом формирования и распространения некоего рекурсивного кода общественных коммуникаций возможен и процесс его угасания. Поэтому судьба неформальных практик различна: что-то остаётся, а что-то рано или поздно погибает, уходит в фольклор, утратив остатки реальности. Как пишет Лефевр, в социальном пространстве нет ничего от «субъекта» и, тем не менее, оно действует как «субъект», несёт в себе и поддерживает одни социальные отношения, растворяет другие, противится третьим [3, с. 64].

«Тёмная» сторона рекурсивности социальных взаимодействий состоит в том, что она довольно жёстко загоняет алгоритм поведения людей в некие рамки, выход за которые недопустим, что неизбежно снижает актуальность настоящего в угоду прошлому. Как пишет С. Барсукова на примере неформальной экономики, «выросшие из практики правила поведения всегда смотрят “в прошлое”, они плохо работают на будущее, особенно если оно видится через “прицел” реформ» [4, с 95]. Имеются в виду институциональные реформы, чуждые сложившимся практикам.

Именно в этом следует искать ответ на вопрос, почему некоторые общности, народы, страны из-за накопленной социальной памяти веками не могут выбраться из бедности и отсталости. Рекурсивность подавляет возможность системы быть иной со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями. Примеры того, как подобная рекурсивная динамика способна блокировать возможность системного развития, можно найти и в российской истории [5].

♦ **Темпоральность.** Рекурсия включает в себя темпоральное измерение неформальных взаимодействий, что позволяет осмыслить временные аспекты поведения, в том числе исходя из представлений о прошлом как фундаменте для выстраивания настоящего и образа ближайшего будущего. Темпоральные характеристики неформальных практик складываются в символических полях вокруг важнейших социальных структур. Привязанные к различным структурам социального пространства, они создают многообразие субъектов времени и определяют формы их жизнедеятельности, то есть темпоральность для различных неформальных практик будет разной.

Чтобы выявить социальные связи какого-либо сообщества, надо узнать, каким временем оно живёт. По мнению А. Шюца, именно строительство общего

времени является строительством социального. Говорить о «нас» можно только в том случае, если имеет место «темпоральная координация» (общность времени, синхронность действий и др.) [6]. Причём «близость в пространстве» не означает «близости во времени».

Адаптация сообществ к временному ритму происходит по-разному. Поэтому различия в темпоральности или временных несоответствий в сообществах избежать невозможно. Как пишет Х.-Г. Броуз, культура в глобальном мире — это «культура неодновременности», что создаёт для индивидов проблему идентичности и необходимость «всякий раз находить себе новый дом» [7]. Скажем, толерантность как условие совместного проживания индивидов при этническом разнообразии будет иметь смысл только в том случае, если она основана на всеобщей синхронизации временных ритмов. Каждый индивид вынужден согласовывать своё видение прошлого, настоящего и будущего с социальным временем другого, что из-за «культуры неодновременности» удаётся далеко не всегда. Индивидуальный или коллективный шок от перехода от одной социальной реальности к другой, от невозможности быстрой адаптации к другому темпоральному ритму и приводит к широко обсуждаемому кризису идентичности.

Именно из-за трудности понимания временного контекста сложившихся неформальных практик их трудно освоить, если актор принадлежит к другой культуре. Овладеть контекстом можно только со временем, вместе с языком, опытом и включённостью. Гораздо проще оставаться в знакомом кругу общения, в диаспоре, с её временными параметрами, что и происходит с большинством мигрантов в первом поколении.

Поколенческий опыт также накрепко привязан ко времени, к его уникальности и необратимости. Каждое новое обращение к опыту будет порождать разные смыслы в зависимости от момента времени. Кроме того, неформальные взаимодействия той или иной социальной общности могут охватывать жизнь не только одного поколения. Многие поведенческие установки, основания мотивационного выбора, оценки шансов, критерии успешности выбранной линии поведения сохраняются на протяжении нескольких поколений и переходят от одного поколения к другому посредством передачи культурных смыслов, идей, идентификационных признаков, нарративов и пр.

Характерный пример — поведение диаспор, этнических или поселенческих общин, которые формируют надындивидуальные и коллективные цели (например, повышение социального статуса, обеспечение безопасности, воссоединение семей и пр.) и стремятся к их достижению на протяжении жизни ряда поколений. В случае необходимости прошлое перетолковывается для потребностей нынешней ситуации или «настоящее интерпретируется так, чтобы оно находилось в последовательном взаимоотношении с прошлым» [8, с. 125].

♦ **Эластичность.** В отличие от формальных институтов, в неформальных практиках нет осознанной нормативной заданности. По этой причине они крайне вариативны, а сопутствующие им нарративы и смыслы подвергаются постоянной интерпретации, переосмыслению и корректированию в зависимости от событий и ситуаций, в которые вовлекаются индивиды и их сообщества.

Эластичность неформальных практик связана как с их темпоральностью, так и с рекурсивностью. Это, фактически, их способность возвращаться к своему основанию и исходной «модели» после устранения деформирующих сил и обстоятельств. Именно эластичность позволяет неформальным практикам восста-

новиться после глубоких социально-политических и экономических преобразований в обществе и возникших из-за этого межпоколенческих коммуникационных разрывов. Прежние «традиции» либо восстанавливаются, либо заново создаются по тем же «декалам».

Поскольку разнообразие индивидуальных и коллективных мотивов поступать так, а не иначе огромно, вариаций неформальных практик всегда намного больше, чем кажется на первый взгляд. Само понятие «неформальная практика» в самом широком смысле обозначает область индивидуальных и коллективных действий, в которой господствует импровизационный и адаптационный прагматизм и происходят постоянные «эксперименты» с нормой.

Конечно, каждая неформальная практика целостна и исторически кодифицирована неизменным имманентным смыслом. Однако, согласно П. Бурдье, социальная норма всегда иллюзорна. В каждый момент её применения она находится в состоянии динамического испытания, что напоминает противопоставление языка и речи [9, с. 227]. В этой связи П. Бурдье призывает выйти за пределы дуализма «правил» и «исключений», отказаться от соблазна считать предустановленную нормативную систему и навязанные ею роли достаточным основанием для понимания взаимодействий без учёта контекста и ситуации.

Институционально навязываемые практики со своей строгой нормативной упорядоченностью, с «понятными» и «предсказуемыми» нарративами, на деле весьма уязвимы, поскольку их акторы существуют не на необитаемом острове, а в мире, переполненном неопределённостью и враждебностью. С другой стороны, чрезмерная нормативная эластичность чревата идентификационными издержками — люди перестают понимать, кто они есть на самом деле¹.

Однако всегда существуют социальные группы, которые довольно жёстко идентифицируют себя с прошлым и с некогда утерянной авторитетной нормой, бросая все свои символические ресурсы на попытку восстановить её ортодоксальную «чистоту». Жёсткое сохранение аутентичности норм особенно характерно для небольших замкнутых субкультур, религиозных общин и криминальных групп.

Между тем именно гибкость и адаптивность неформальной нормы становится средством сохранения тех или иных социальных общностей. Каждая из них генерирует целый спектр поведенческих реакций, интерпретаций и смыслов, привязанных к конкретной ситуации. Именно вариативные практики, приспособляющиеся к меняющемуся социальному контексту, создают не рационально выдуманную, а живую реальность. Кроме того, неформальные практики часто отражают разнообразие эмоциональной заряженности конкретных событий, добавляя к их контексту присущий им драматизм.

Эластичность неформальных взаимодействий обуславливает то, что рекурсивная «петля» воспроизводства социальных связей со временем не изменяет радикально структуру и компоненты неформального взаимодействия. Так происходит встраивание персональных связей в новые (или «чужие», инокультурные) институциональные структуры. Даже общины с, казалось бы, незыблемыми идентификационными границами нередко перенимают практики соседей без каких-либо отрицательных последствий для себя².

¹ Подобное на этническом уровне Л. Гумилев назвал химерой – этнической какофонией на отдельно взятой территории.

² Так, китайская община (хуацяо), имеет свои особые черты в каждой отдельной стране Юго-Восточной Азии, сохраняя китайскую идентичность и китайское культурное ядро, оставаясь автономной и независимой от страны пребывания.

♦ **Вариативность.** Институциональное пространство всегда тяготеет к однородности. Государство подавляет разнообразие социальных связей всем своим институциональным весом, «спрямляя» социальную и культурную реальность. Оно вводит «царство закона», которое по замыслу должно положить конец конфликтам и противоречиям. Однако подавляя социальную энтропию, государство создаёт чрезмерные напоры норм, которые могут провоцировать нестабильность.

Неформальное пространство, напротив, не подавляет, а воспроизводит различия, что положительно сказывается на социальном гомеостазе. В каждой неформальной практике соединяется субъективный внутренний опыт с не менее разнообразными характеристиками общества. И то, и другое смешиваются в самых разнообразных сочетаниях. Речь идёт именно о разнообразии, а не о фрагментации.

Отдельные локации неформального несоизмеримы или, в лучшем случае, имеют пределы сравнимости, поскольку сложились в совершенно разных исторических условиях и отражают изменчивое социальное состояние и самочувствие социума. Какие-то практики выходят на общий уровень, другие поддерживаются на местах и по разным причинам и поводам.

На местном уровне, в локациях, удалённых от центра, неформальные повседневные практики, невидимые «сверху», особенно масштабны и разнообразны, они адаптированы для конкретных нужд «здесь и сейчас». Разнообразие и различия проявляются в договорённостях о совместном пользовании чем-либо, в молчаливом согласии о неприменении силы, во взаимности и реципрокности, в отношениях к репрессивным формальным нормам, в согласии о том, «что принято» и «как обычно это делается». Убедительное подтверждение этих качеств неформальных взаимодействий приведено Ю. М. Плюсниним при эмпирическом описании российского провинциального общества на локальном уровне [10]. Точки генерации смыслов и целей неформальных практик на местном уровне сходятся там, где они так или иначе включены в локальную повестку. Поэтому даже на сравнительно небольшом удалении от центров принятия управленческих решений можно обнаружить совсем другую жизнь, создающую свою неповторимую грань между институциональными нормами и устойчивыми неформальными практиками.

Нормы неформальных социальных практик — это не только рационально осознанная или неосознанная упорядоченность и повторяемость в действиях людей, но и проявление внерациональных ценностных установок в мировосприятии, что создаёт ещё один «пласт» вариативности неформальных норм.

♦ **Ценностная «нагруженность».** Неформальные нормы и ценности тесно связаны друг с другом отношениями взаимной «востребованности». По Веберу, ценности являются не только мотивом человеческого действия, но и фундаментальной нормой любых видов действий [11, с. 628]. Действительно, ценности являются одновременно и мощным источником мотивации, и ориентиром неформальной целенаправленной деятельности.

Мы определяем ценности как одобренные культурой относительно стабильные символические мотивы и нормативные идеалы конкретных практических действий, встроенных в память социальной системы. На конкретном уровне это некие стратегические детерминанты социальных практик по всей вертикали социальной стратификации, а также модели повседневного поведения лично-

сти, социальной группы и общества в целом в конкретных ситуациях. Ценности а priori создают мотивы и определяют ориентиры поведения людей по принципу «допустимо — недопустимо», «хорошо — плохо», «полезно — вредно».

Ценности нормативны по своей природе. По сути, они есть способ бытия нормы, поскольку задают принципы, убеждения, на основе которых в вертикали социальной стратификации возникают мотивы к определённой целенаправленной деятельности.

Д. Норт также подчёркивал важность сочетания человеческих (ценностных) и институциональных аспектов и на этой основе включал в характеристику человеческого капитала «неформальные институты» (*терминология автора*), создаваемые на основе убеждений. В его понимании вся институциональная структура отражает ценности, убеждения и предпочтения, оформившиеся в том или ином обществе в ходе истории, и определяет её эволюцию [12]. С этим подходом можно согласиться, учитывая, что социальную реальность определяют не только институциональные практики, оформленные элитами в законах, но и давление на них ценностных установок множества общественных групп и слоёв.

Ценностная нагруженность неформальных коммуникаций на порядок выше, чем институциональных. Конечно, в современных законах отражаются, казалось бы, незыблемые ценности — такие как справедливость, свобода, равенство, ответственность. Проблема в том, насколько эти «незыблемые» ценности могут вызвать в локальных контекстах современного общества достойный поведенческий ответ, хотя бы минимально сравнимый с силой ценностных ориентиров повседневной жизни людей. Если мотивационное значение институтов во многом определяется системой поощрения/наказания, то мотивация в системе неформальных связей напрямую связана с их ценностной нагруженностью.

Можно даже сказать, что социальные нормы основаны на ценностях, поскольку являются основными проводниками поведенческих установок общества. Если ценностные параметры институтов — это ответ на извечный вопрос: «Quo vadis?», то ценностное бытие неформальных норм проявляется как социальный (поколенческий, групповой, семейный) опыт, в пределах которого индивиды могут искать допустимые и безопасные способы достижения повседневных целей.

Ценности живут и своей «самостоятельной» жизнью (в виде идей, заповедей, нарративов и пр.), создавая поведенческие установки как бы помимо регулятивных норм. В этом случае ценности описываются категориями волевого, эмоционального и когнитивного ряда, а также психологической сферы. Вместе с тем, как полагает А. Аузан, ценности не дают однозначного выбора поведенческих установок, не приказывают, что и как делать. В отличие от социальных норм, они не жёстко детерминируют поведение, а лишь устанавливают границы³.

Ценности напрямую связаны с интересами, без которых они не обладают практическим значением. М. Вебер трактует «мирские ценности» как свойственное эпохе направление интереса [11]. Если нет интереса и его практического осуществления, то нет и ценностей. Им неоткуда взяться. Вместе с тем

³ Алексеев Э. Чем мы заслужили такую экономику? // Newsland. 06.08.2013. URL: <https://newsland.com/post/2130180-chem-my-zasluzhili-takuiu-ekonomiku> (дата обращения: 29.10.2024).

ценностям свойственна большая устойчивость и определённости, чем интересам, которые могут видоизменяться в весьма широких пределах⁴. Это, в частности, подтверждают результаты европейского исследования, выделяющие различные типы ценностных ориентаций и предпочтений в институциональных «верхах» и неформальных «низах», как в развитых и развивающихся обществах, так и там, где неудачи развития объясняются ценностями, препятствующими ему⁵.

2. Функции неформальных взаимодействий

♦ **Обогащение социальной среды.** Развитие и усложнение общества связаны с повышением значимости процессов самоорганизации. Во многом это обусловлено тем, что сложность неформальных взаимодействий не находит своего отражения в необходимом институциональном разнообразии, которое обеспечивает нормативно организованные и контролируемые общественные процессы. Жизнь всегда оказывается богаче и полнее, чем её упрощённая институциональная модель.

Другими словами, институты не могут быть «ключом» к каждой конкретной социальной ситуации. А неформальные реакции могут. Они функциональны, закрепляются в устойчивых формах опыта людей и прокладывают путь группам интересов не хуже институтов. Зазор между институциональным фасадом общества и реальностью может быть больше или меньше, но он существует всегда.

Каждый новый институт вводит в оборот очередную «порцию» неформальных практик. При усилении институционального давления неформального творчества становится не меньше, а больше. Общество компенсирует плотность формальных институтов ещё большей плотностью неформальных взаимодействий. Причём большинство их в историческом развитии не уходит бесследно, а остаётся как бы в резерве. Даже экономисты, наиболее последовательные апологеты институционализма, пытаясь осмыслить положение дел в современной экономике, не могут обойти обширное поле неформальных взаимодействий, связанное, в частности, с информационными и логистическими технологиями.

Важным свойством неформальных социальных взаимодействий является то, что они, в силу свободы от форм, границ и жёстких правил стремятся расширить свой масштаб, тем самым обогащая социальную среду. Если в каком-то сегменте общественной жизни институты не возникают, то неформальные отношения, основанные на доверии и взаимных личных обязательствах, в большей или меньшей степени существуют всегда и везде. Разумеется, в реальности любые общественные отношения ограничены историей, культурой и здравым смыслом. Но дело в том, что неформальные связи всегда определяются социальным контекстом (цивилизационным, культурным, историческим, этническим и т.п.), а разнообразие контекстов огромно.

⁴ Так, Европейский союз в Лиссабонском договоре прямо записал в свои уставные документы, что он проводит политику, основанную на ценностях (value-based policy). Тем самым прежние трактовки международных отношений как борьбы за интересы как бы канули в Лету. Однако именно это сыграло с Европейским союзом злую шутку: после кратковременного подавления национальных интересов стран-участников наступил настоящий ренессанс «реликтового» национального чувства, что вряд ли входило в задачи архитекторов единой Европы. Более того, активно продвигая ценность толерантности, Европа оказалась перед угрозой возрождения идей национальной исключительности.

⁵ World Values Survey. 2024. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSCContents.jsp> (дата обращения: 15.10.2024).

Можно предположить, что при движении вверх и вниз по лестнице социальной стратификации масштаб неформальных порядков меняется. Принято считать, что ближе к её подножью «теневых» практик становится больше, причём они считаются не только допустимыми, но и социально приемлемыми, особенно если «тень» является основным источником существования людей. Средние слои населения более законопослушны, хотя и не лишены стремления в случае крайней необходимости обойти ту или иную институциональную норму. Всем приходится каким-то образом адаптироваться к условиям современной жизни. В верхах теоретически неформальных порядков должно быть ещё меньше, поскольку там производятся смыслы и задаётся вектор институциональным изменениям.

Между тем в действительности в верхах «теневых» соблазнов и возможностей на порядок больше, чем где бы то ни было. Несмотря на доступность более или менее законных *ad-hoc* решений в пользу конкретных персон, неформальное потакание узкопартикулярным интересам поставлено на поток. Более того, сама власть становится источником неформальности, активно применяя «телефонное право», составляя «черные списки» или, скажем, раздавая «своим» фиктивные атрибуты более высокого социального статуса. В этих условиях институты работают по известной формуле: «друзьям — все, остальным — закон». Всё это обогащает палитру неформальных взаимодействий, однако вместе со специфической для верхов девиацией: административным произволом, волюнтаризмом, вседозволенностью, круговой порукой, двойными стандартами, коррупционными связями. Причём у акторов возникает ощущение естественности сложившегося порядка вещей, уверенность в том, что иначе и быть не может.

В отличие от институтов, закреплённых в законодательных актах, неформальные практики не фиксируются в неких мыслительных конструктах, имеющих разного рода когнитивные ограничения, а являются результатом длительного социального взаимодействия, вобравшего в себя локальные (региональные, местные) социокультурные и ценностные установки, принятые нарративы, массовое восприятие ситуации и многое другое. Именно по этой причине неформальность может длительное время конкурировать с возможностями, предоставляемыми внешней институциональной средой. В этом же кроется ответ на сакраментальный вопрос: почему социум может сохранить себя вне институциональных рамок.

♦ **Страхование рисков.** Страхующая (замещающая) функция неформальных отношений особенно ярко проявляется в различных ситуациях системного риска. Это касается всех видов риска: экономических, политических, экологических, климатических и др., которые могут нести угрозу самому существованию общества, прерывать «нормальный» поток событий в жизни людей. В современных условиях разрастание социальных рисков связано с объективным ростом системной неопределённости и сложностью социальных коммуникаций. Нередко это сопровождается конфликтами, междоусобицей, размахом протестных движений, безработицей, инфляцией, продовольственными проблемами, коррупцией и т.д. В этих условиях уповать только на институциональность с её правовыми нормами крайне непродуктивно, поскольку она далеко не всегда способна оказать сопротивление конкретным событиям, которые, образно говоря, «не должны были случиться».

Другими словами, одной лишь институциональной профилактикой социальные риски не устранить. Необходим вариативный набор неформальных социальных взаимодействий, страхующих общество от возникающих рисков. Как утверждает Кэрол Мершон, акторы создают неформальность тогда, когда считают это менее затратным, чем следование формальным институтам [13]. Затратность в данном случае может рассматриваться в качестве синонима неопределённости и рисков, ведущих к росту издержек при осуществлении социальных коммуникаций.

Проблема заключается в том, что институциональные конструкции не признают событий, которые находятся за пределами «предсказуемого». В идеале они должны содержать допуск на случайности, а также оставлять место для поведенческой ошибки. Но это вряд ли достижимо. В лучшем случае институты «туннелируют» события, то есть охватывают несколько ясно очерченных зон неопределённости, при этом игнорируя те, о существовании которых можно только догадываться.

Большое количество рисков возникает на стыке явного (формального) и неявного (неформального) или, другими словами, между тем, что законодатели стремились закрепить в нормах, и тем, что оказалось приемлемым для людей в повседневной практике, исходя из сложившихся представлений о должном. Возникают так называемые институциональные риски, которые носят систематический характер, поскольку попытки навязать реальному обществу то, что ему несвойственно, без учёта повседневного опыта людей, предпринимаются постоянно и заканчиваются в лучшем случае ничем, а в худшем — катастрофой. Эти риски получили название «институциональной ловушки», хотя, учитывая трагические последствия попадания в неё, точнее было бы говорить об «институциональной западне» [14].

Заменить «генетическую» ущербность институтов могут лишь императивы неформальной общественной самоорганизации, включающие родственные связи, соседский круг, землячество, этническую общность, сельское сообщество, сетевые сообщества, кланы, — всё то, что создаёт дружеское участие, поколенческую солидарность, поведенческую дисциплину и т.д. Речь идёт не о банальной круговой поруке, а о групповой сплочённости и межличностном доверии, которые опираются на культурные и ценностные детерминанты, а также учитывают весь сонм этических, моральных, психологических и ментальных ограничений.

Самоорганизация уже сама по себе есть форма сопротивляемости различного рода неожиданностям с целью подстраховаться и выжить при любых переменах, несущих угрозу. Фактически вместо жёсткой институциональной среды она создаёт «рыхлую», нелинейную среду, наполненную традициями и повседневными нормами жизни. Она столь же богата на события, но неожиданностей в них на порядок меньше.

Так, исторически российское общество постоянно спасает то, что оно относится к числу наименее зарегулированных, а значит, более устойчивых систем в отношении рисков. Этот парадоксальный вывод подтверждается всей российской историей, поразительной способностью российского социума выживать в среде неработающих законов и абсурдных административных запретов. Только за прошлый век институциональная структура нашего общества разрушалась несколько раз, и несколько раз социум оказывался «без руля и без ветрил», но с фундаментальными неформальными взаимодействиями.

Самой простой неформальной страховкой от рисков служит реципрокность — обмен дарами на рыночной основе. В случае наступления непредвиденных потерь можно рассчитывать на помощь со стороны родственников, друзей и знакомых. По сути, это постоянно действующий механизм неформального страхования и перестрахования. Индивид рассчитывает на ресурсы своей социальной сети и получает их.

Неформальная страховка от рисков может трансформироваться и в стратегии обыгрывания институциональной системы, причём в её же интересах. Здесь речь идёт не об экономике дара, а о сети деловых контактов, в которых содержатся неформальные коды допуска к той или иной деловой сети, к политической или экономической сделке и актуальному опыту преодоления сопутствующих рисков. К тому, чего никак не получить на институционально упорядоченном рынке. Платёжным средством здесь также служат не деньги, а личностные отношения между людьми, услуги. Анализ неформальных деловых сетей показывает, как много информации проходит через них по сравнению с институционально оформленными иерархическими и матричными структурами, не дающими и десятой доли тех знаний, которые необходимы для выполнения реальной повседневной работы.

Деловые сети возникают во всех обществах, отличаясь лишь палитрой разнообразных контекстов. Страхуя риски, неформальность не борется с институциональной реальностью, а, напротив, обеспечивает ей рискоустойчивость. Вряд ли без неё институциональный процесс был бы вообще возможен.

♦ **Альтернатива и социальное уклонение.** В результате расширения современного коммуникативного пространства неформальные взаимодействия все чаще противостоят институтам как альтернатива, становясь все более массовыми и неоднозначными по своим последствиям. Одна из причин этого состоит в том, что современное законодательство не столько институционализирует неформальные социальные практики, сколько борется с ними. В результате возникают группы интересов, которые ведут активный поиск альтернативных, а по сути обходных путей. В большинстве случаев это не выходит за рамки закона, лишь часть соответствующих практик может рассматриваться в дихотомии законность/незаконность, легальность/нелегальность.

Высокоресурсные группы интересов через систему лоббирования и «рациональный» дискурс о так называемом общем благе активно внедряют в нормативную базу различные «лазейки» для её частичной нейтрализации. В результате за институциональным фасадом может царить альтернативный порядок весьма «патримониального» типа. Его оценка с точки зрения лучше/хуже не имеет аналитического смысла. Ненормативные отклонения в данном случае не содержат девиации и вполне функциональны, поскольку позволяют корректировать систему рутинных правил альтернативным (более коротким) путём достижения цели. Моральная сторона таких практик требует отдельного рассмотрения.

Например, рыночные институты многих стран построены в соответствии с постулатами неоклассической экономической теории и закреплены в законах: это совершенная конкуренция, свобода входа и выхода на рынки, чётко определённые права собственности, нулевые транзакционные издержки и т.п. Однако на практике происходит неформальное укрепление позиций одних участников рынка и ослабление позиций других. Вход на рынок сопровождается административными барьерами, которые преодолевают только «свои» фирмы. Понят-

но, что неформальное сочетание присутствующих здесь интересов не имеет ничего общего с официально декларируемой свободой конкуренции и независимостью бизнеса от власти.

Возникают две альтернативные системы социальных коммуникаций: формально-рациональных для публичного потребления и неформально-теневых для внутреннего использования.

Здесь уместно задать риторический вопрос: существуют ли вообще институты, справедливость которых не вызвала бы сомнений? Если ответ отрицательный, то уклонение от институционального давления можно считать универсальным и глобальным феноменом. Возможны ситуации, при которых значение того или иного института низводится до формальной оболочки реально господствующих неформальных практик.

Источником уклонения является разочарование людей в формальных институтах в результате их неспособности соответствовать внутренним убеждениям граждан. Люди ощущают, что участвуют в «чужой» игре, правил которой они не принимают. Это можно рассматривать как симметричный ответ: власть не возлагает на население доверительных ожиданий — и население отвечает ей аналогичным недоверием. Если продолжить игровую метафору, то «уклонение» — это попытка найти «свою игру». Подобная логика восприятия социального взаимодействия распространена в политико-идеологическом дискурсе, но не всегда подтверждается эмпирической реальностью [15].

Проблема неформальных альтернатив состоит в том, что многие из них в условиях полной или частичной безнормативности уведат людей далеко за пределы предназначенных им социальных (институциональных) ролей или допускают персонифицированные отношения в тех сферах социальной жизни, где требуются жёсткие правовые регламенты.

Каким образом возникают неформальные альтернативы? Можно предположить, что участники неформального взаимодействия обладают неким общим знанием, позволяющим оценивать «правильность» своего и чужого поведения и закреплять его как альтернативный, устойчивый способ реагирования на ситуацию, адекватный данной социальной среде. Выбор альтернативы никем не навязывается: он не связан с волей или действиями конкретных лиц. Сложившийся порядок воспринимается как закономерный и поэтому устойчивый — даже при нежелании «в это играть» систему «не ломать», ей «не навредить» и её «не исправить». Это во всех отношениях смыслообразующая деятельность, конструирующая «общее значение» и социальную идентичность включённых в неё индивидов.

При поиске решения в рамках конкретного социального и коммуникативного пространства человек постоянно сталкивается с проблемой формальной/неформальной альтернативы. Поэтому как институциональному, так и неинституциональному миру требуется когнитивное объяснение и оправдание или, по выражению Бергера и Лукмана, объяснение хорошего или плохого функционирования социального мира. По их мнению, знание является ключевой категорией институционального анализа в том смысле, что рациональность содержится не в самих практиках, а в знании о них: «Логика свойственна не институтам... а способу рефлексии по их поводу» [8, с. 108].

В институциональном мире знание описывается как «институциональное мышление», в неинституциональном, по аналогии, можно говорить «о том, что каждый и так знает». В первом случае главным является практическое «know how», то есть знание о том, как нужно поступать в том или ином случае, полу-

ченное в едином для всех участников взаимодействия информационном пространстве. Во втором — знание объединяет представления о реальности, сосредоточенное в утверждениях, описаниях, верованиях и т.д., объясняющих «как это обычно делается». Возникает множество нарративов, в которых люди живут коллективно.

Заключение. Благодаря своим сущностным качествам — рекурсивности, темпоральности, эластичности, вариативности и ценностной нагруженности — неформальные практики не только дополняют институциональную (формальную правовую) среду, но и при определённых условиях замещают её, формируя новую конфигурацию социальной реальности. Они обогащают социальный ландшафт, страхуют общество от постоянно возникающих рисков и создают поведенческие альтернативы, позволяющие адаптироваться к меняющимся условиям.

Именно неформальность создаёт то «особенное» в каждой конкретной исторически сложившейся человеческой общности. Она определяет специфику организации повседневной жизни, расстановку социальных сил и групповых интересов внутри общества. Эти практики не просто воспроизводят существующий порядок, но и обеспечивают его устойчивость в условиях неопределённости и внешних воздействий.

Подобная концептуализация позволяет понять, почему институциональные стандарты, навязанные извне — как это было, например, с рекомендациями МВФ и Всемирного банка в отношении России — как правило, не приживаются или существенно деформируются, погружаясь в океан «нативных» общественных связей.

Библиографический список

1. Левичева В. Ф., Диманс С. Л. Неформальность в обществе: поиск методологии исследования // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 105–114. DOI [10.31857/S013216250028536-2](https://doi.org/10.31857/S013216250028536-2). EDN [NTBUDR](#).
2. Giddens A. The Constitution of Society: An Outline of the Theory of Structuration. Berkeley : University of California Press, 1984. 442 p.
3. Лефевр А. Производство пространства. М. : Strelka Press, 2015. 432 с. EDN [TRPTCI](#).
4. Барсукова С. Ю. О правилах в боях без правил. Рецензия на книгу: Панеях Э. Правила игры для русского предпринимателя (М.: Колибри, 2008) // Экономическая социология. 2008. Т. 9, № 5. С. 90–97. EDN [OZIWCX](#).
5. Голубицкий Ю. А. Повар не должен вариться в своём супе... // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 3. С. 69–84. DOI [10.19181/nko.2021.27.3.7](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.3.7). EDN [OATTKT](#).
6. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : Политическая энциклопедия, 2004. 1056 с. EDN [QWHEJL](#).
7. Brose H. G. An Introduction towards a Culture of Non-Simultaneity? // Time and Society. 2004. Vol. 13, No. 1. P. 5–26. DOI [10.1177/0961463X04040740](https://doi.org/10.1177/0961463X04040740). EDN [JTTHFZ](#).
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
9. Bourdieu P. Esquisse d'une théorie de la pratique. Paris : Éditions du Seuil, 2000.
10. Плюсин Ю. М. Социальная структура провинциального общества. М. : Common Place, Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022. 448 с. EDN [EJVYHA](#).
11. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с. EDN [SGUYOR](#).
12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Начала, 1997. 180 с. EDN [YQDVYE](#).
13. Mershon C. A. Expectations and Informal Rules in Coalition Formation // Comparative Political Studies. 1994. Vol. 27, No. 1. P. 40–79. DOI [10.1177/0010414094027001002](https://doi.org/10.1177/0010414094027001002). EDN [JRBZVV](#).
14. Диманс С. Л., Левичева В. Ф. Люди и нормы : институты VS неформальные практики. М. : Ключ-С, 2018. 304 с. EDN [YRIBBR](#).

15. Симонов А. В. Социальные иждивенцы: политический миф и научная реальность // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 1. С. 66–75. DOI [10.19181/nko.2022.28.1.6](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.1.6). EDN [SISQZY](https://www.edn.ru/SISQZY).

Поступила: 08.04.2025. Доработана: 20.05.2025. Принята: 30.05.2025.

Сведения об авторах:

Левичева Валентина Фёдоровна, доктор философских наук, профессор, научный руководитель АНО Институт «Справедливый мир». Москва, Россия.

levvf@mail.ru

Author ID РИНЦ: [112261](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=112261)

Диманс Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, доцент, Московская государственная академия физической культуры. Москва, Россия. dimsl51@mail.ru

Author ID РИНЦ: [1045350](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=1045350)

V. F. Levicheva¹, S. L. Dimans²

¹ ANO "Fair World" Institute. Moscow, Russia

² MSAPE. Moscow, Russia

INFORMAL INTERACTIONS IN SOCIETY: EXPERIENCE OF CONCEPTUAL INTERPRETATION

Abstract. The aim of the article is to propose a conceptual and methodological approach to understanding informal interactions as the ontological foundation of society and a resource for its development. The authors reveal their core essential qualities — recursiveness, temporality, flexibility, variability, and value-ladenness — demonstrating how these drive changes in political, economic, and social practices. The flexibility and adaptability of informal norms ensure the preservation and intergenerational transmission of a spectrum of positive behavioral responses, values, and meanings tied to specific life situations. The recursive “loop” of informality sustains the continuity of social bonds over time. Informal interactions not only complement the institutional environment but, under certain conditions, replace it, shaping new configurations of social reality. They enrich the social landscape, safeguard society against persistent risks, and create behavioral alternatives. It is informality that embodies the “particular” distinguishing one historically formed society from another. However, the proliferation of informal practices beyond a certain “measure” signals the inadequacy or ineffectiveness of a society's institutional structure and may hinder its development.

Keywords: informal interactions, institutionality, temporality, recursiveness, risk insurance, social evasion

For citation: Levicheva V. F., Dimans S. L. Informal interactions in society: experience of conceptual interpretation. *Science. Culture. Society*. 2025;31(2):7–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.2.1>

References

1. Levicheva V. F., Dimans S. L. Informality in Society: Searching for Explorative Methodology. *Sociological Studies*. 2023;(11):105–114. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250028536-2](https://doi.org/10.31857/S013216250028536-2).
2. Giddens A. The Constitution of Society: An Outline of the Theory of Structuration. Berkeley: University of California Press; 1984.
3. Lefebvre H. La production de l'espace. Moscow: Strelka Press; 2015. (In Russ.).
4. Barsukova S. Yu. On Rules of Ultimate Fights. Book Review: Paneyakh, E. (2008) Rules of the Game for the Russian Entrepreneur, Moscow: Colibry. *Journal of Economic Sociology*. 2008;9(5):90–97. (In Russ.).
5. Golubitsky Yu. A. A cook must not be boiled in his own soup. *Science. Culture. Society*. 2021;27(3):69–84. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2021.27.3.7](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.3.7).
6. Schütz A. Selected: The World Glowing with Meaning. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; 2004. (In Russ.).

7. Brose H. G. An Introduction towards a Culture of Non-Simultaneity? *Time and Society*. 2004;13(1):5–26. DOI [10.1177/0961463X04040740](https://doi.org/10.1177/0961463X04040740).
8. Berger P., Luckmann Th. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow: Medium; 1995. (In Russ.).
9. Bourdieu P. Esquisse d'une théorie de la pratique. Paris: Éditions du Seuil; 2000.
10. Plusnin Yu. M. Social structure of provincial society. Moscow: Common Place, "Khamovniki"; 2022. (In Russ.).
11. Weber M. Selected works. Moscow: Progress; 1990. (In Russ.).
12. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Moscow: Nachala; 1997. (In Russ.).
13. Mershon C. A. Expectations and Informal Rules in Coalition Formation. *Comparative Political Studies*. 1994;27(1):40–79. DOI [10.1177/0010414094027001002](https://doi.org/10.1177/0010414094027001002).
14. Dimans S. L., Levicheva V. F. People and Norms: Institutions vs Informal Practices. Moscow: Klyuch-S; 2018. (In Russ.).
15. Simoyanov A. V. Social dependents: political tale and scientific reality. *Science. Culture. Society*. 2022;28(1):66–75. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.1.6](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.1.6).

Received: 08.04.2025. Corrected: 20.05.2025. Accepted: 30.05.2025.

Author information:

Valentina F. Levicheva, Doctor of Philosophy, Professor, Academic coordinator,
Autonomous non-profit organization to promote the development of civil society institutions
“Fair World” Institute. Moscow, Russia.
levvf@mail.ru

Sergey L. Dimans, Candidate of Economics, Associate professor, Moscow State Academy of
Physical Education. Moscow, Russia.
dimsl51@mail.ru

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.2.2](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.2)
EDN [XRWHO](https://edn.ru/XRWWHO)
УДК 316.422

М. М. Назаров¹

¹ ИСПИ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

КОНЦЕПЦИЯ КОЛОНИЗАЦИИ ДАННЫХ Н. КОУЛДРИ И У. МЕХИАСА: СОДЕРЖАНИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Аннотация. В фокусе анализа находятся теоретико-методологические основания концепции Н. Коулдри и У. Мехиаса, в опоре на которые предлагается интерпретация масштабных преобразований современной социальной жизни, происходящих в связи с широким использованием информационно-коммуникативных технологий и извлечением данных пользователей в среде интернет. Специфика подхода авторов определяется комплексной методологией, включающей несколько аналитических традиций социально-гуманитарного знания. Используя сравнительно-исторический метод, авторы прослеживают особенности исторического колониализма в продолжительной временной перспективе. Ключевой при этом является идея колониально-капиталистической спирали — капитализм не был возможен без материальных благ, получаемых в результате колониальных захватов. Показано, что лежащие в основе колониализма практики присвоения и эксплуатации мировых ресурсов находят своё проявление в новой форме в наши дни. Разрабатывая концепт колониализма данных, авторы приходят к выводу, что теперь захват ресурсов осуществляется технологическими компаниями посредством изъятия человеческой жизни. При этом богатство проявлений жизни людей преобразуется в абстрактные паттерны поведения в сети, готовые к использованию в рыночных операциях цифровых платформ. В опоре на марксистскую традицию анализа, в частности, концепцию отчуждения труда показано, что в условиях капитализма данных расширение бизнеса происходит за счёт источников, не являющихся напрямую производственной деятельностью, т.е. косвенных источников эксплуатации. Именно к ним относятся разнообразные данные о поведении пользователей в сети. При этом в обществе формируются социальные отношения в связи с данными, для которых характерна жёсткая властная асимметрия между собственниками и пользователями. Колониализм данных является источником новых форм социального и экономического неравенства между людьми. Сочетание познавательных возможностей постколониальной теории и функционального подхода позволяет авторам рассмотреть содержание основных стратегий колониального управления в условиях капитализма данных: «исследовать», «расширять», «эксплуатировать», «уничтожать». Следуя логике сравнительно-исторического анализа, авторы изучают вопрос о том, как осуществляется легитимация колониальных практик в условиях исторического и цифрового колониализма. Используется анализ нарративов, предполагающий изучение сообщений с учётом их повествовательной структуры. Авторы выделяют и проводят разбор техник ряда ведущих современных нарративов, определяющих властное доминирование. Согласно концепции, капитализм данных формирует токсичные для жизни общества условия, поскольку под угрозой находится минимальная целостность человеческой жизни. Ставится вопрос о необходимости деколонизации — противодействия зарождающемуся социальному порядку, основанному на попытке колониального захвата новых ресурсов в интересах глобальных элит.

Ключевые слова: капитализм, колониализм, данные, интернет, цифровые платформы, отчуждение, медиа-институты, приватность, персональные данные

Для цитирования: Назаров М. М. Концепция колонизации данных Н. Коулдри и У. Мехиаса: содержание и методологические основания // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 22–36. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.2](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.2). EDN [XRWHO](https://edn.ru/XRWWHO).

Введение. Переход современного общества к новому технологическому укладу, обусловленному существенной ролью информационно-коммуникационных технологий, предопределил кардинальные изменения в жизни людей. В содержательном плане изменения имеют различную направленность, что является предметом активной социально-гуманитарной рефлексии. Наиболее ценными, на наш взгляд, являются теоретико-прикладные исследования, исходящие из следующей посылки: социальные следствия технологических инноваций определяются интересами субъектов цифросферы — на уровне индивидов, групп, корпораций, государств, глобальных структур. Причём особую актуальность для понимания цифровых трансформаций имеют концепции, основанные на синтезе двух представлений: во-первых — о преемственности базовых констант развития капитализма; во-вторых — о новациях, определяемых содержанием технологий, используемых бизнес-моделей, образа жизни пользователей и другими обстоятельствами. Поэтому целью работы стало исследование теоретико-методологических оснований концепции колониализма данных Ника Коулдри и Улисеа Мехиаса. Концепция предложена авторами для объяснения социальных следствий, сопряжённых с процессами всеобъемлющего распространения информационно-коммуникационных технологий и цифровизации¹.

В этой связи мы опираемся на две книги авторов: «Цена включенности: как данные колонизируют человеческую жизнь и используют её в интересах капитализма» (2019) и «Захват данных: новый колониализм Big Tech и как дать отпор» (2024) [1; 2]. Эти работы соотносятся между собой по сути излагаемых идей. Первая книга была ориентирована на академическую аудиторию, оказалась влиятельной в образовательной среде, переведена с английского на испанский, итальянский и турецкий языки. Вторая книга издана крупнейшим мировым издательством Penguin и адресована широкой аудитории. В ней ракурс анализа расширяется за счёт оценок социальных следствий стремительных изменений в новейших технологиях, в том числе в области искусственного интеллекта; также авторы рассматривают вопрос о перспективах социального активизма, возможностях противодействия общественных групп негативным тенденциям в этой области.

Какова исходная посылка авторов? Безусловно, что прогресс информационно-коммуникативных технологий, повсеместная коммуникационная включенность приносят в жизнь людей много положительных качеств и возможностей, которых не было ранее. Вместе с тем, неотъемлемой стороной повседневной жизни стала информация об онлайн-слежке, утечке персональных данных, агрессивном «поведении» коммуникационных платформ, формирующих во многом жизненную среду людей. Интеллектуальные приборы и гаджеты на основе пользовательских данных управляют жизненной средой индивидов, управляемые алгоритмами системы формируют онлайн-практики отношений в самых разных областях — безопасности, здравоохранении, образовании, профессиональной деятельности и т.д. Всё это актуализирует изучение отношений власти в обществе в связи с данными. Авторы определяют предмет своего анализа как колониализм данных. Проблема состоит в необходимости понимания того, как данные извлекаются, из чего, у кого и на каких условиях? Другими

¹ Ник Коулдри — почётный профессор медиа, коммуникаций и социальной теории Лондонской высшей школы экономики. Является автором или редактором 17 книг и множества журнальных статей и глав в книгах. См. напр.: [3; 4]; Улиес А. Мехиас — профессор и директор Института глобального взаимодействия Государственного университета Нью-Йорка в Освего.

словами, налицо вопрос о социальной цене новых интернет-технологий, которые внедряются в рамках либерально-экономической логики в большинстве стран мира.

Колониализм и развитие капитализма. Центральный аргумент авторов состоит в том, что современная цифровая жизнь характеризуется принципиально новыми отношениями, которые складываются между гражданами, выступающими в качестве пользователей многочисленных интернет-сервисов, с одной стороны, и владельцами технологических компаний — бизнес-корпорациями Big Tech² — с другой. Понимание этого невозможно без обращения к явлению колониализма. Коулдри и Мехиас рассматривают исторический колониализм как политико-экономическую и организационную форму доминирования крупнейших колониальных держав (Великобритании, Франции, Испании, позднее США и некоторых других) в мире.

Обращение к содержанию исторического колониализма используется для того, чтобы лучше понять процессы современного цифрового капитализма. При этом авторы используют метод конкретно-исторического сравнительного анализа для выявления общего и особенного между историческим колониализмом (начиная со времени перехода от феодализма к капитализму и вплоть до различных проявлений неоколониализма XX века) и колониализмом данных (в период последних 10–15 лет, когда по всему миру одной из доминирующих форм организации капиталистического производства стал т.н. капитализм платформ).

Сравнивая популярные определения колониализма и капитализма, авторы указывают на существование неверных интерпретаций этих явлений в части их исторической соотнесённости друг с другом. Если колониализм трактуется как политика насильственного присвоения ресурсов, наблюдавшаяся в прошлом, то капитализм представляют, как цивилизованную систему конкуренции субъектов рынка, что предотвращает злоупотребления и приносит выгоды для всей экономики [2, р. 30–31]. При этом в стороне остаётся важнейший момент — колониализм существенно облегчил переход Европы от феодализма к капитализму. В дальнейшем, колониализм и капитализм видоизменялись. Тем не менее, колониализм всегда продолжал подпитывать развитие капитализма — вплоть до новейшего времени, когда в неоколониальных формах способствовал росту глобальной экономики [2, р. 33–34]³.

Принципиальным моментом является то, что капитализм всегда имел колониальный характер, в смысле поиска новых источников прибыли, захвата новых рынков. Безусловно, воплощение колониальных практик имело свои географические, культурно-исторические, национальные, правовые особенности. Тем не менее, авторы исходят из того, что основная миссия колониализма была связана с извлечением выгоды и лишением собственности, что осуществлялось зачастую силовыми методами.

² Термин обозначает пятёрку ведущих американских технологических компаний, являющихся лидерами в индустрии информационных технологий на глобальном уровне: Google (Alphabet), Amazon, Meta (Facebook*), Apple и Microsoft. * Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена в РФ.

³ Согласно авторам, не следует поддаваться упрощённому взгляду на капитализм как на «замаскированный колониализм». Последующий анализ исходит из того, что колониализм и капитализм как исторические явления развивались параллельно и взаимосвязанно.

Остановимся на понятии колониализма данных, одном из центральных вконцептуальном аппарате авторов. Это понятие используется для характеристики глобального процесса извлечения ресурсов, начало которого было связано с колониальной экспансией XIII–XIV веков, продолжилось через эпоху промышленного капитализма и достигло расцвета в последние полтора-два десятилетия. В чем, по мнению авторов, состоят отличия в извлечении ресурсов тогда и сейчас? На место извлечения природных ресурсов и дешёвого труда во всё больших масштабах приходит присвоение жизни человека посредством преобразования её в данные.

Какие обстоятельства дают основание говорить о присвоении человеческой жизни в условиях современного этапа развития капитализма? В этой связи примем во внимание технологические и социально-экономические особенности интернета как коммуникативного пространства. Все пользовательские практики в интернет-среде имеют свой цифровой след и потенциально могут иметь «обратную связь» с различными субъектами коммуникации. Одно из следствий этого — появление т.н. «больших данных» (big data), правильный сбор и обработка которых позволяет делать выводы о пользователях интернета, в том числе об их потребительском поведении. Учитывая массовое развитие интернет-среды, в мировом бизнесе стали говорить о пользовательских данных как о новой «нефти», важнейшем ресурсе экономики XXI века.

Необходимость извлечения, обработки, накопления и монетизации данных предопределила использование платформ, как новой формы капиталистических предприятий цифровой экономики. Среди ключевых субъектов, заинтересованных в развитии платформенной организации, можно выделить не только глобальные и национальные технологические компании, но и государство, влиятельные международные организации.

Выше отмечалось, что сравнительно-исторический анализ колониализма позволил авторам зафиксировать такое его качество, как переход от захвата земель и полезных ископаемых к захвату данных. Причём бизнес относится к данным как к чему-то такому, что находится в сети «просто так», поскольку этот дешёвый ресурс будет невостребованным, если к нему не применить способы обработки данных, которыми владеют технологические компании. Ретроспективный взгляд на деятельность исторических колонизаторов свидетельствует об аналогиях этого с оправданием захвата природных ресурсов и дешёвой рабочей силы [2, р. 37–38].

Среди характерных особенностей колониализма данных выделяется также видоизменение фактора насилия в ходе присвоения ресурсов, имеющего теперь символические формы. Новые, более «мягкие» условия присвоения ресурсов являются результатом внедрения новых правовых и организационно-технических форм капиталистических отношений. Фактически для пользователя речь идёт о клике в поле «Я согласен с правилами и условиями» перед установкой приложения. Посредством этого простого действия происходит регулирование глубины управления и контроля индивидом своих собственных данных.

Труд, производство, отчуждение в новых условиях. Среди базовых принципов, на которые Коулдри и Мехиас опираются в процессе осмысления феномена капитализма данных, лежат, среди прочего, марксистские представления. Прежде всего это относится к вопросу о том, как воспроизводится капитализм как социальное явление. Как известно, в классическом марксизме одним из

центральных является положение о том, что воспроизводство капитализма обусловлено характером трудовых отношений, сложившихся в обществе. Здесь производственная деятельность осуществляется посредством наёмной рабочей силы, которая приобретает форму товара на рынке труда. Эксплуатация наёмного труда выражается в том, что результаты деятельности рабочего оказываются принадлежащими другим — собственникам средств и предметов труда. Для объяснения эксплуатации в марксизме используется концепция отчуждения [5, с. 565–567; 6, с. 62–68].

В связи с анализом особенностей современного капитализма в развитии цифровых технологий ход мысли Коулдри и Мехиаса следующий. Отправной точкой для них является модель промышленного капитализма, фундаментальной предпосылкой развития которого явилось преобразование труда в товар, имеющий абстрактную — в денежном эквиваленте — форму измерения. Переходя к современности, авторы утверждают, что здесь данные приобретают качества нового ресурса, «сырья», необходимого для продолжения расширения, экспансии капитализма. Причём социальные отношения, складывающиеся в рамках капитализма данных, характеризует существенно более глубокая «экстремальная» степень отчуждения, чем это признавалось традиционным марксизмом. Отчуждение охватывает не только продукты труда, но и саму личность, основные жизненные реалии людей как живых существ. Происходит это за счёт извлечения и присвоения принадлежащих им данных [1, р. 84].

Согласно авторам, цифровой колониализм включает в сферу своего функционирования жизнь людей двояким образом. С одной стороны, использование интернет-сервисов невозможно вне мониторинга и отслеживания коммуникативного поведения в сети (посредством чего и происходит извлечение данных). С другой стороны, включение извлечённых данных в систему цифровой экономики объективно предполагает использование данных о жизни людей в качестве товара — составляющей капиталистического производства. Колониализм данных имеет своим предметом человеческую жизнь как таковую, в смысле всего богатства жизненных проявлений и опыта людей, который, получая цифровую форму, оказывается ресурсом новой цифровой экономики и получения прибыли. Причём, по мере развития новых цифровых решений, включая технологии искусственного интеллекта, практически не остаётся сфер жизни людей, куда не вторгается капитал с его логикой колониального захвата. Фактически, колониализм данных представляет собой новый, формирующийся порядок присвоения и извлечения социальных ресурсов для получения прибыли с помощью данных. Причём это осуществляется за счёт формирования новых отношений между субъектами в связи с данными [1, р. XIX].

Немаловажным для нашего обсуждения является то, что Коулдри и Мехиас исходят из идеи расширения областей социальной деятельности современного индивида, которые могут выступать в качестве фактора прибавочной стоимости. Это соотносится с теоретическими представлениями авторов, разрабатывающих проблематику отчуждения применительно к неолиберальному капитализму постмодерна. Так, по мнению М. Хардта и Т. Негри, повсеместное распространение неолиберальных практик привело к тому, что произошло всё большее формальное и неформальное подчинение общества капиталу. Области, которые были автономны от капитала, трансформируются в сферы накопления капитала, производства товаров и эксплуатации рабочей силы [7]. Согласно Д. Харви, отчуждение в условиях современного капитализма имеет универсальный

характер и выходит за рамки производства и экономики; охватывает политику, культуру, социальные отношения, субъективность людей. Проявления отчуждения в различных областях характеризуются асимметричными отношениями индивидов и власти [8].

Согласно марксистским представлениям, эксплуатация природных ресурсов при капитализме могла происходить при наличии дешёвых трудовых ресурсов. В этой связи важными в методологическом плане являются уточнения, которые делают Коулдри и Мехиас, поясняя специфику труда в условиях капитализма данных. Вопрос состоит в том, что при рассмотрении коммуникативного поведения пользователей в сети правомерно говорить о том, что их деятельность не слишком похожа на фабричный труд [9, с. 52]. Для понимания нового контекста авторы обращают внимание на познавательные возможности традиции критического политэкономического анализа медиа. Здесь утверждается, что основным продуктом коммерческих медиа является не контент или идеология, а аудитории как товар. Т.е. в медиаиндустрии за счёт реализации рекламного механизма создаются некоторые «агрегаты человеческого внимания», которые затем продвигаются другим бизнес-субъектам (производителям товаров и услуг), заинтересованным во влиянии на поведение аудитории [10].

Аналогичным образом, в условиях капитализма данных расширение бизнеса происходит за счёт источников, не являющихся напрямую производственной деятельностью. В частности, авторы выделяют такую особенность, как стремление бизнеса использовать продукты потребления (которые при этом считаются бесплатными для производства). В этой связи авторы ссылаются на И. Валлерстайна, подчёркивавшего в своей работе об историческом капитализме, что «прибыль часто увеличивается именно тогда, когда не все звенья цепи (в производственном процессе) товаризированы» [11, с. 100].

Это характеризует ситуацию, когда используются как прямые, так и косвенные способы эксплуатации. Последнее относится к капитализму данных, когда от пользователя не требуется собственно трудовых усилий. От пользователя ожидают, например, его сложившегося поведения в социальных сетях — фиксация этого будет обладать ценностью для владельца платформы.

Функциональные стратегии колонизации данных. В познавательном арсенале авторов находится также т.н. постколониальная теория и её отдельные составляющие. Это обусловлено тем, что существенная часть работ Коулдри и Мехиаса имеют своим предметом исторический анализ колониализма и его влияние на прошлое и современное состояние капитализма. Как известно, в фокусе постколониальной теории находятся задачи объяснения того, как европейский и, шире, западный колониализм нескольких последних столетий оказывал влияние на различные сферы жизнедеятельности колонизируемых обществ, включая политику, экономику, культуру [12, р. 642–643, 645; 13; 14; 15]. При этом Коулдри и Мехиас аналитическую рамку постколониального анализа сочетают с логикой функционального подхода. Таким образом, предложенный ими сравнительно-исторический анализ дополняется рассмотрением колониализма как системного объекта, ключевые элементы которого выполняют взаимосогласованные функции. Причём смысл этих функций становится понятным, если принять во внимание ключевой системный признак колониализма в целом — освоение новых ресурсных территорий, которые затем включаются в процесс расширенного капиталистического производства.

Авторами предложена аналитическая модель «4-х Экс», характеризующая основные функциональные составляющие или стратегии, присущие процессу колонизации. Название модели отражает первые буквы четырёх типов стратегий колониального управления: исследовать (explore); расширять (expand); эксплуатировать (exploit); уничтожать (exterminate). Авторы обращают внимание читателей, что модель «4-х Экс» находит своё проявление в сегменте рекреаций в сети, будучи проверенной временем стратегией популярных видеоигр⁴. Вместе с тем, эта модель справедливо отражает практики европейских колонизаторов, посредством которых «создаются огромные состояния для себя и огромные страдания для других и одновременно, характеризуются процессы кардинальной реконфигурации мировых ресурсов» [2, р. 13]. Остановимся подробнее на содержании отдельных составляющих.

Исследование перспективных для захватов территорий осуществлялось в рамках исторического колониализма с помощью разнообразных решений. Коулдри и Мехиас отмечают, что в случае колониализма данных просматривается феномен, присущий историческому прошлому, когда европейские исследователи и путешественники изначально не предполагали открытие новых ресурсов, пригодных для использования. На раннем этапе развития интернета факт объединения компьютеров в сеть, между которыми осуществляется обмен сообщениями, не говорил о возможностях, которые откроются со временем. Характерной чертой взаимодействия между компьютерами было выполнение пользователями набора правил, следование техническим шаблонам взаимодействия, обязательно включающим сбор данных. Изобретение т.н. cookie-файлов избавило людей от необходимости вводить одни и те же данные при входе на сайты. Вместе с тем, это предопределило огромный потенциал сбора данных, когда при посещении сайта генерируется файл cookie, сохраняющий информацию на компьютере пользователя и одновременно доступный удалённому компьютеру, связанному с веб-сайтом. Именно это обстоятельство, объективно сопряжённое с «исследовательской прозрачностью» цифровой среды, кардинально повысило социально-экономическую ценность интернет-данных.

В связи с исследовательской функцией колониальных действий Коулдри и Мехиас отмечают важную роль различных миссий по «открытию и последующему освоению новых мест». В связи с задачами понимания особенностей цифрового колониализма авторы обращают внимание на механизмы узаконивания прав колонизаторов на ресурсы за счёт правовых и лингвистических механизмов. В частности, рассматривается Требование — документ, который зачитывался испанскими конкистадорами новым поданным монархии⁵. Согласно документу, земля колонизируемых теперь принадлежит не им, а «духовному лидеру

⁴ При этом авторы берут за основу ключевые содержательные блоки пошаговой стратегической видеоигры «Колонизация», в серии Sid Meier's Civilization IV, получившей мировую популярность. Цель игры — осуществить в виртуальном мире захват новых территории, организовать колонии, подавляя местное население. Здесь пользователь может выступать в качестве английского, испанского, французского или голландского колонизатора. Показательно, что действия пользователя в этой игре строго соответствуют четырём ключевым блокам «4-х Экс». По нашему мнению, популярность и востребованность игры достаточно точно отражает выбор типовых действий исторической колонизации, равно как и ментальность колонизаторов.

⁵ Испанское Требование 1513 года (Requerimiento) — это декларация испанской монархии о божественном праве Кастилии завладеть территориями Нового Света и поработать, эксплуатировать и, при необходимости, воевать с коренными жителями.

исследователей, некоему папе, наследнику Св. Петра и лидеру Католической Церкви» [1, р. 92]⁶.

В этой связи Коулдри и Мехиас обращают внимание на сформулированные профессиональным языком документы Google, Facebook* и других технологических компаний, регламентирующие соглашения с конечными пользователями, права и обязанности сторон. Несколько упрощая, можно говорить о том, что во всех из них обозначен ряд ключевых моментов, которые фактически минимизируют права пользователей. Использование сервисов Google, например, предполагает наделение этой компании правами на воспроизведение, адаптацию, перевод, публичное исполнение, показ, распространение и т.п. действия в отношении любого контента, который пользователь распространяет в интернете. Причём эти права зачастую имеют экстерриториальный характер и слабо подлежат национальному регулированию.

Расширение территорий данных, как пространств извлечения ресурсов, происходит благодаря интенсификации различных технологических и социальных процессов. Ключевым здесь является прогресс в области информационно-коммуникативных технологий за последние три десятилетия. В этот период произошли: резкое увеличение числа связанных между собой компьютеров, объединённых в сети посредством широкополосного подключения; рост массового использования таких устройств, как смартфоны, планшеты, переносные компьютеры, что придало коммуникации между людьми такое качество, как мобильность. В начальные годы инноваций в этой области были широко распространены ожидания, что интернет будет способствовать новым, более справедливым трансформациям в экономике, более глубокому межкультурному диалогу и взаимопониманию, демократизации различных уровней управления.

Однако реалии жизни оказались таковы, что общий вектор развития интернета был предопределён бизнес-логикой крупнейших технологических компаний. При этом цифровое пространство оказалось набором «огороженных территорий» (walled gardens) — совокупностью платформ ведущих технологических компаний, каждая из которых управляется как территория данных [2, р. 65–66]. Очевидно, что важнейшим фактором, способствующим расширению территории данных, стал рост времени включённости пользователей во всевозможные сервисы в сети. Причём здесь наблюдается неуклонный рост видов жизнедеятельности и сфер образа жизни, «переведённых» в формат цифрового бытования: от потребительского поведения до контактов с друзьями, родными, близкими, включая вопросы приватности; от политического участия до медицинских практик, образования и многого другого.

Колонизация данных приводит к тому, что практически не остаётся областей жизни людей, которые не затронуты новыми технологиями и платформами. Показательным примером этого является тренд адаптации физических пространств, особенно пространств жизнедеятельности людей (домохозяйств, рабочих мест) под территории, где также происходит сбор данных. Интеллек-

⁶ До местных жителей доводилась информация о вариантах развития ситуации: либо добровольное подчинение, либо всевозможные испытания в результате жесточайших действий со стороны конкистадоров, если согласие не последует. Цинизм происходящего усугублялся тем, что текст зачитывался на испанском языке людям, этим языком не владевшим. Расчёт делался на то, чтобы лишение собственности и его последствия до конца не были понятны, что, по сути, представляло собой предлог для узаконивания колониальных условий.

* Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена в РФ

туальные объекты так называемого «Интернета вещей» обеспечивают маркетологам картину использования товаров и услуг в режиме реального времени, все более погружаясь в мир наших привычек [2, р. 61]. Формирование территорий данных предполагает движение не только вширь, но и вглубь — к отслеживанию процессов на уровне тела человека: распознаванию лиц, извлечению информации из голосовых данных и др.

Эксплуатация представляет собой специальную систему непрерывной добычи и преобразования сырья/данных в товары, приносящие прибыль. Эксплуатация находится в неразрывной связи с исследованием и расширением пространства захвата ресурсов — другими функциональными составляющими колонизации данных. Причём в процессе эксплуатации правомерно выделить две составляющие: фактическую работу по извлечению данных, с одной стороны, и установление нового типа общественных отношений — с другой [1, р. 101]. Авторы фиксируют следующие важные в этой связи процессы: извлечение и анализ данных; персонализация и кастомизация; постоянное экспериментирование; использование новых видов контрактов.

Постоянное экспериментирование позволяет платформам реализовывать онлайн-контроль и выявлять наиболее эффективные ценовые и прочие предложения и решения, направляемые пользователям. Доступность для владельцев платформ практически всех осуществляемых здесь транзакций кардинально изменила соотношение сил между платформами и клиентами в пользу первых. Это нашло юридическое закрепление в соответствующих контрактах. Таким образом, сформировался новый тип властных отношений — коммерческая власть платформ и технологических корпораций, — основанный на извлечении данных о повседневной жизни людей [2, р. 58].

Авторы выделяют микро- и макроуровни эксплуатации данных платформами. На микроуровне данные используются для ориентации пользователей посредством рекламы, работы поисковых алгоритмов или обеспечения адресного контакта с потенциально интересным для индивида контентом. На макроуровне в результате обработки постоянно генерируемых пользовательских данных реализуются бизнес-модели, приносящие власть и богатство владельцам технологических платформ.

Истребление периода исторического колониализма было связано с различными формами насилия, которыми сопровождался захват земель и ресурсов. Помимо физического насилия использовались и другие формы, способные устранить политико-экономические и социально-культурные проявления, альтернативные колониализму. В частности, авторы указывают на насаждение выгодных для колонизаторов и разорительных для колонизируемых сельскохозяйственных культур; насыщение рынков дешёвыми товарами как фактор разорения местной промышленности и т.п.

Истребление в условиях цифрового капитализма следует понимать как постепенное устранение социальных пространств, которые могут существовать вне отношений данных. Другими словами, цифровой колониализм реализует линию на гомогенизацию социальных пространств, поскольку всё, что не измерено и не имеет форму данных, не подлежит бизнес-управлению и преобразованию в рыночный продукт [1, р. 107]⁷.

⁷ По мнению авторов, существующее на первый взгляд равенство пользователей как субъектов колониализма данных является обманчивым. Экономическое насилие применяется незаметно, неравенство пользователей зависит от класса, расы, пола в связи с их положением в глобальной инфраструктуре данных и методами классификации.

Другим проявлением этого процесса являются т.н. побочные эффекты широкого внедрения платформенных бизнес-моделей. Как известно, наиболее эффективными алгоритмы поиска и платформы социальных сетей оказываются в своей профильной деятельности — предоставить пользователю интересующее его содержание и минимизировать тот контент, который интереса не вызывает. Однако если увязать это с целевой бизнес-задачей, состоящей в максимизации проводимого на платформе времени, генерирующего всё больше данных о вовлеченности людей в предлагаемые сервисы, то получаются весьма сомнительные социальные результаты. Фактически, пользователю предлагается специфический информационный рацион, укрепляющий уже сформировавшиеся представления [16]⁸. Это ведёт к усилению информационной поляризации социальных групп. Не менее, важным по мнению авторов, является феномен т.н. эмоциональной поляризации, характеризующей отношение людей к тем, кто кажется на них непохожим. Тем самым порождается «алгоритмическая гомофилия», когда формируются однородные по составу онлайн-пространства самой разной направленности, включая радикальные. Обобщая, авторы указывают на то, что ограниченные бизнес-моделями шаблоны взаимодействия в цифровом пространстве приводят к тому, что происходит не обмен смыслами, а геймификация смыслов. Здесь то, что считается истиной, устанавливается не путём обсуждения и дебатов, а просто благодаря вирусности контента.

Анализ нарративов: практики нормализации. Становление цифрового капитализма невозможно без усилий доминирующих субъектов в духовной сфере, легитимизирующих сложившуюся ситуацию. Поэтому важным элементом методологических решений Коулдри и Мехиаса является т.н. анализ нарративов, предполагающий изучение сообщений с учётом их повествовательной структуры [17, с. 164]. Особое внимание авторы уделяют анализу «"идеологической закрытости текста", выявлению того, как происходит управление возможной интерпретации текста, как завершённого — показу того, что вопросы изучены, на всё получены исчерпывающие ответы, ничего важного не упущено» [18, р. 288–289].

Следуя логике сравнительно-исторического анализа, авторы изучают вопрос о том, как осуществляется легитимация колониальных практик в условиях исторического и цифрового колониализма соответственно. Применительно к колониальным захватам прошлого авторы выделяют несколько цивилизационных идей, комбинация которых привела к созданию ряда известных «нарративов» — «о предначертании Запада», «о бремени белого человека», «о цивилизаторской миссии» Европы [2, р. 258–259].

Применительно к современной ситуации подходы к оправданию практик капитализма данных и сложившемуся в этой связи раскладу сил в обществе имеют различные основания. Одним из центральных, по мнению авторов, является нарратив «каждый хочет облегчить себе жизнь» или, в другой формулировке, — «извлечение данных для удобства». Содержательная суть послания состоит в том, что в условиях повышения темпов и сложности проявлений социальной жизни новые технологические устройства, например, мессенджеры предоставляют пользователю массу удобных сервисов, позволяющих в один-два клика решать задачи в различных сферах жизнедеятельности.

⁸ Тем самым формируется «пузырь-фильтр» или «эхо-камера», где индивид слышит только то, что соответствует его образу мышления и модели понимания мира.

С точки зрения авторов, оценка нарративов происходит так или иначе в контексте разрешения дилеммы между удобствами цифровых решений с одной стороны и ценой этих решений — с другой. Поскольку персональные данные индивида работают здесь в совокупности с данными других пользователей, то цену решений предлагается рассматривать с учётом интересов общества в целом. Отношения пользователей с платформами практически всегда асимметричны, что позволяет корпорациям отслеживать данные о людях практически постоянно, тогда как предоставляемые взамен сервисы не покрывают реальные и возможные издержки. Кроме того, на практике бизнес-платформы имеют существенно больший реальный или потенциальный доступ к данным об образе жизни людей, чем им положено в формально-юридическом плане.

Другой широко распространённый цивилизационный нарратив «звучит» примерно следующим образом: «Вот как мы соединяемся!». Представители социальных сетей убеждают пользователей, что именно они удовлетворяют потребности общения наилучшим образом. Авторы рассматривают в этой связи миссию Facebook*, с центральной идеей — «развивать социальную инфраструктуру, чтобы дать людям возможность создавать глобальное сообщество, которое работает на благо всех нас» [2, р. 96]. По мнению авторов, данный документ при внимательном его прочтении свидетельствует о близкой к мессианской вере в то, что такие платформы как Facebook* однозначно определяют направление истории и прогресса. Другая версия подобных, активно распространяемых в медиа идей касается безусловной ценности извлечения данных из подключённых объектов и устройств как новой формы экономического роста и прогресса в XXI веке. Отслеживание данных при этом является неизбежным следствием развития человечества.

Коулдри и Мехиас считают, что вполне разумным будет с подозрением относиться к утверждениям о том, что за счёт постоянного извлечения данных о людях и предметах возможна оптимальная организация жизни. Фактически нарратив ставит знак равенства между тем, что хорошо для корпораций, с одной стороны, и тем, что хорошо для человечества — с другой. По мнению авторов, такие нарративы легитимируют стремление сохранить под своим контролем происходящие изменения, в рамках которых у людей не остаётся другого выхода, кроме как подчиниться новому социальному порядку, превратившись в колонию данных.

Отдельное внимание получает нарратив, который приобрёл особую популярность в последние несколько лет — «искусственный интеллект (ИИ) умнее людей». При этом авторы заранее оговаривают, что они далеки от отрицания роли ИИ в тех областях, где наборы данных слишком велики для традиционных методов анализа. Вместе с тем, даже в новейших вариантах т.н. генеративного ИИ технологическое содержание остаётся неизменным. ИИ — это набор программ, которые обрабатывают огромные объёмы данных, находят в них закономерности и на основе этого осуществляют статистические прогнозы. Проблемы возникают тогда, когда ИИ используется для обеспечения глубокого человеческого понимания или принятия решений [2, р. 104–105].

Здесь авторы обращают особое внимание на роль науки, которая выполняла важные функции в ходе исторической колонизации. Научно-прикладные методы использовались как инструменты «сокращения или абстрагирования» завоёванной природы (ресурсов) до уровня объектов, которыми можно управлять, а их свойства можно предсказывать. Причём научный метод являлся не только средством позна-

* Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена в РФ.

ния, но и был включён в устранение всего мешающего колониальному управлению. Именно на эту особую тенденцию использования науки обращают внимание авторы, поскольку она распространяется на прикладные научные решения, определяющие логику ИИ. Одной из проблемных сторон ИИ является слабый учёт контекста, когда результаты — «искусственные решения» — несут на себе все те формы неравенств и дискриминации, которые «вшиты» в исходные, первичные данные. Более того, согласно авторам, обращение с многообразными формами проявления культуры людей как будто это бесплатный ресурс, подающийся на интерфейс технологий ИИ, представляет собой очередной акт колониального присвоения [2, р. 110–112].

Заключение. В рамках работы мы попытались проследить, с помощью каких познавательных инструментов было проведено изучение отношений власти в связи со всеобъемлющим использованием данных, являющихся основанием для управления и контроля в условиях современного капитализма. Были рассмотрены содержательные результаты, полученные в опоре на сочетание сравнительно-исторической, конфликтной и структурно-функциональной парадигм социального знания.

В условиях новой исторической фазы колониального извлечения ресурсов происходят сбор, присвоение и монетизация данных о разнообразной деятельности людей, вплоть до обычно закрытых от посторонних глаз моментов повседневности; о взаимодействии людей во времени и пространстве, о многом другом. Включенность индивидов в интернет позволяет технологическим компаниям преобразовать богатство проявлений жизни людей в абстрактные паттерны поведения, готовые для использования в рыночных операциях цифровых платформ. Тем самым, включённые в интернет-активности индивиды преобразуются во фрагментированные человеческие жизни и становятся прямым фактором капиталистического производства. «Охрана» новых территорий данных осуществляется технологическими компаниями посредством формирования особых отношений в связи с данными, для которых характерна жёсткая властная асимметрия между собственниками и пользователями. Колониализм данных является источником новых форм социального и экономического неравенства между людьми.

Показательными в этой связи являются замечания Коулдри и Мехиаса относительно известных текстов, в которых эксплуатация данных рассматривается как новая форма постиндустриального капитализма: «Эпоха надзорного капитализма» Ш. Зубофф [19], «Капитализм платформ» Н. Срничека [9], «Технофеодализм: что убило капитализм» Я. Варуфакиса [20]. Эти важные работы оставляют в стороне реальные продолжительные отношения между колониализмом и капитализмом как глобальным феноменом. Без этого многое из происходящего сегодня остаётся непонятным, поскольку именно «двойная колониально-капиталистическая спираль», регулярно воспроизводящаяся в истории захвата ресурсов, предопределяет механизмы современного капитализма данных. Нынешняя ситуация не есть отклонение от нормы, а необходимая черта того типа общественных отношений, которые оказываются присущими капитализму наших дней.

Переводя обсуждение на макроуровень анализа, авторы утверждают, что капитализм данных формирует токсичные для жизни общества условия, поскольку под угрозой находится минимальная целостность человеческой жизни. Здесь имеется в виду «самость» человека, его автономия — «нечто», что лежит в основе таких базовых констант общества, как приватность, свобода быть самим собой, независимый демократический выбор [1, с. 159–160].

Наконец, следует кратко сказать о ещё одной содержательной области работ авторов — о перспективах противостояния сложившемуся порядку, возможности изменения ситуации к лучшему. Факт опубликования своих работ авторы рассматривают в связи с задачами переосмысления взаимосвязанного социального и экономического порядка, который отдаёт предпочтение корпоративным интересам над интересами граждан и общества в целом. Задача состоит в деколонизации данных, когда обычные люди смогут вернуть себе свои цифровые данные, превратить их в инструмент воздействия на мир, а не в инструмент воздействия корпораций на людей. Авторами обсуждается проект деколонизации, предполагающий комплекс решений — технологических, социально-политических, нормативных, научно-образовательных. На основе обобщения опыта социальных движений в других областях обсуждается трёхуровневый набор активностей: работа внутри системы; работа против системы; работа за пределами системы [1, с. 183–197]. Задача при этом состоит в разработке способов, при которых возможно реальное влияние на дизайн и управление цифровыми платформами. Это, среди прочего, предполагает контроль с стороны общества и наличие социально-одобренных ограничений [21].

Резюмируя, отметим те составляющие работы Коулдри и Мехиаса, которые представляются наиболее важными. Во-первых, это обоснованный анализ логической преемственности между современным колониализмом и сбором данных глобальными технологическими компаниями и их платформами как наиболее продвинутом сегментом современного капитализма. Во-вторых, это показ того, что колониализм данных ведёт к формированию властных отношений, экономического и социального порядка, которые оказываются сконфигурированными в рамках бизнес-логики извлечения данных. В-третьих, извлечение прибыли из человеческого опыта посредством непрерывного сбора данных цифровыми средствами неразрывно связано с форматированием технологиями проявлений человеческого бытия, образа жизни и деятельности людей. В-четвертых, что будущее определяется борьбой интересов не только в пространстве физических территорий, но и в сфере контроля информации и суверенитета знаний.

Заметим, что в конкретно-прикладном плане авторы обсуждают практики колониализма данных преимущественно в США, Великобритании, странах Западной Европы и некоторых других. Поскольку индустрия информационно-коммуникативных технологий имеет глобальный характер, обсуждаемые материалы имеют значимость и в российском контексте: в научно-образовательном плане — в связи с проведением исследований в предметной области; учебном процессе, в рамках дисциплин социально-гуманитарного профиля; в управленческом плане — в части укрепления технологического суверенитета страны; обеспечения «человеческого измерения» цифровых технологических инноваций.

Библиографический список / References

1. Couldry N., Mejias U. The costs of connection: how data is colonizing human life and appropriating it for capitalism. Stanford, California: Stanford University Press; 2019. DOI [10.1515/9781503609754](https://doi.org/10.1515/9781503609754).
2. Mejias U., Couldry N. Data grab: the new colonialism of Big Tech and how to fight back. Chicago, IL: The University of Chicago Press; 2024. DOI [10.7208/chicago/9780226832319.001.0001](https://doi.org/10.7208/chicago/9780226832319.001.0001).
3. Couldry N., Hepp A. The mediated construction of reality. Cambridge: Polity; 2017. ISBN 978-0-7456-8131-3.
4. Couldry N. Media: why it matters. Cambridge: Polity; 2020. ISBN 978-1-5095-1515-8.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М. : Госполитиздат, 1956. 689 с. Marx K., Engels F. From early works. Moscow: Gospolitizdat; 1956. (In Russ.).
6. Давыдов Ю. Н. Труд и искусство : избранные сочинения. М. : Астрель, 2008. 670 с. EDN [QOIIHL](#). Davydov Yu. N. Labour and art: selected works. Moscow: Astrel; 2008. (In Russ.).
7. Hardt M., Negri A. The powers of the exploited and the social ontology of praxis. *tripleC: Communication, Capitalism & Critique*. 2018;16(2):415–423. DOI [10.31269/triplec.v16i2.1024](#).
8. Harvey D. Universal alienation. *tripleC: Communication, Capitalism & Critique*. 2018;16(2):424–439. DOI [10.31269/triplec.v16i2.1026](#).
9. Срничек Н. Капитализм платформ. М. : НИУ ВШЭ, 2019. 128 с. DOI [10.17323/978-5-7598-2137-3](#). EDN [VRPYEZ](#). Srnicek N. Platform capitalism. Moscow: HSE; 2019. (In Russ.). DOI [10.17323/978-5-7598-2137-3](#).
10. Smythe D. W. Communications: blindspot of Western Marxism. *Canadian Journal of Political and Social Theory*. 1977;1(3):1–27.
11. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М. : Концептуал, 2008. 176 с. EDN [QTWDOZ](#). Wallerstein I. Historical capitalism with capitalist civilization. Moscow: Kontseptual; 2008. (In Russ.).
12. Orsini A. Sociological theory, sociological theory. From Comte to postcolonialism. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan; 2024. DOI [10.1007/978-3-031-52539-1](#).
13. Фанон Ф. Черная кожа, белые маски. М. : Гараж, 2022. 223 с. ISBN 978-5-6045383-5-7. Fanon F. Peau noire, masques blancs. Moscow: Garage; 2022. (In Russ.). ISBN 978-5-6045383-5-7.
14. Саид Э. Культура и империализм. М. : Гараж, 2024. 618 с. ISBN 978-5-6049361-2-2. Said E. Culture and imperialism. Moscow: Garage; 2024. (In Russ.). ISBN 978-5-6049361-2-2.
15. Саид Э. В. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб : «Русский мир», 2006. 640 с. EDN [VWMXID](#). Said E. W. Orientalism: Western conceptions of the Orient. St. Petersburg: Russkii Mir; 2006. (In Russ.).
16. Паризер Э. За стеной фильтров. Что интернет скрывает от вас. М. : Альпина Бизнес Букс, 2012. 304 с. ISBN 978-5-91657-326-8. Pariser E. The filter bubble: what the internet is hiding from you. Moscow: Al'pina Biznes Buks; 2012. (In Russ.). ISBN 978-5-91657-326-8.
17. Новые медиа : социальная теория и методология исследований / Отв. ред. О. В. Сергеева, О. В. Терещенко. СПб : Алетейя, 2017. 262 с. ISBN 978-5-906792-46-4. Sergeeva O. V., Tereshchenko O. V. (eds). New media: social theory and research methodology. St. Petersburg: Aletheia; 2017. (In Russ.). ISBN 978-5-906792-46-4.
18. Chandler D., Munday R. A dictionary of media and communication. Oxford: Oxford University Press; 2011. DOI [10.1093/acref/9780199568758.001.0001](#).
19. Зубовф Ш. Эпоха надзорного капитализма : битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М. : Издательство Института Гайдара, 2022. 781 с. ISBN 978-5-93255-613-9. Zuboff Sh. The age of surveillance capitalism. Moscow: Gaidar Institute Publ.; 2022. (In Russ.). ISBN 978-5-93255-613-9.
20. Варуфакис Я. Технофеодализм: что убило капитализм. М. : Ад Маргинем, 2025. 304 с. ISBN 978-5-91103-874-8. Varoufakis Ya. Technofeudalism. What Killed Capitalism. Moscow: Ad Marginem; 2025. (In Russ.). ISBN 978-5-91103-874-8.
21. Cristaldi M. P. E. Decolonising data in the age of data colonialism: an interview with professor Nick Couldry. *Etkileşim*. 2024;7(14):346–350. DOI [10.32739/etkilesim.2024.7.14.271](#). EDN [LSWRDS](#).

Поступила: 30.04.2025. Принята: 09.06.2025.

Сведения об авторе:

Назаров Михаил Михайлович, доктор политических наук,
главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

vy175867@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [74313](#); ORCID: [0000-0003-0200-3785](#)

M. M. Nazarov¹

¹ ISPR FCTAS RAS. Moscow, Russia

THE CONCEPT OF DATA COLONIZATION BY N. COULDRY AND U. MEJIAS: CONTENT AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS

Abstract. The analysis focuses on the theoretical and methodological foundations of the data colonialism concept authored by Nick Couldry and Ulises A. Mejias. It offers an interpretation of the large-scale transformations of modern social life taking place in connection with the widespread use of information and communication technologies and the extraction of user data in the Internet environment. Methodology includes several analytical traditions of social knowledge. Using the comparative historical method, the authors trace the features of historical colonialism over a long period. The key to this is the idea of the colonial-capitalist spiral. According to it, capitalism was not possible without the material benefits obtained because of the colonial seizures. Authors argued that the practices of appropriation and exploitation of world resources, which are the basis of colonialism, find their manifestation in a new form nowadays. Developing the concept of data colonialism, the authors conclude that technology companies through the seizure of human life carry out extraction of new resources. This is because the wealth of manifestations of people's lives are transformed through the use of technologies into abstract patterns of behavior on the web, ready for use in the market operations of digital platforms. Based on the Marxist tradition of analysis, in particular, the concept of alienation of labor, it is shown that in the conditions of data capitalism, business expansion occurs due to sources that are not directly production activities, i.e. indirect sources of exploitation. These include a variety of data about user behavior on the web. At the same time, it brings the formation social relations in connection with data, characterized by a strict power asymmetry between owners and users. Data colonialism is a source of new forms of social and economic inequality. The combination of cognitive capabilities of postcolonial theory and a functional approach allows the authors to consider the content of the main strategies of colonial management in the context of data capitalism: explore, expand, exploit, exterminate. Following the logic of comparative historical analysis, the authors study the legitimization of colonial practices regarding historical and digital colonialism. Authors apply narrative analysis involves studying messages based on their narrative structure. The authors identify and analyze the techniques of leading modern narratives that define power dominance. According to the concept, data capitalism creates toxic conditions for the life of society, since the minimal integrity of human life is at risk. Authors place emphasis on the need for decolonization – countering the emerging social order based on an attempt to colonize new resources in the interests of global elites.

Keywords: capitalism, colonialism, data, internet, digital platforms, alienation, media-institutions, privacy, personal data

For citation: Nazarov M. M. The concept of data colonization by N. Couldry and U. Mejias: content and methodological foundations. *Science. Culture. Society*. 2025;31(2):22–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.2.2>

Received: 30.04.2025. Accepted: 09.06.2025.

Author information:

Mikhail M. Nazarov, Doctor of Political Science, Main researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

vy175867@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0200-3785

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.2.3](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.3)
EDN [XWSLPM](https://www.edn.ru/XWSLPM)
УДК 316.75

Н. Ю. Матвеева^{1,2}

¹ РУТ (МИИТ). Москва, Россия

² МГТУ им. Н.Э. Баумана. Москва, Россия

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТА ИДЕОЛОГИИ В КЛАССИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДАХ

Аннотация. Идеология как социальное явление представляет собой направленное на действие формирование социальных образов и смыслов и предполагает наличие собственного носителя — субъекта идеологии. Изучение этого субъекта является ключевым условием понимания идеологических процессов, что определяет актуальность рассматриваемой темы. Проблема исследования заключается в понимании факторов, способствующих объединению индивидов в идеологические сообщества. На подходы к пониманию субъекта идеологии повлияли как представления о социальной сущности идеологии, так и изменения в обществе. На основе анализа классических (К. Маркс, В. Парето, К. Мангейм, Т. Адорно, А. Грамши) и современных (Л. Альтюссер, С. Жижек) подходов рассмотрены основные свойства коллективного субъекта идеологии. В контексте исследования уделено внимание концепциям Дж. Александера относительно групп-носителей коллективных смыслов, К. Г. Юнга об архетипах коллективного бессознательного, а также Р. Барта, интерпретировавшего идеологию как форму современной мифологии. Сформулировано положение о том, что субъект идеологии — это группа, характеризующаяся определённым положением в социальной структуре, и формирующая образ социальных отношений под воздействием данного социального ракурса. При этом идеология служит данной общности не столько инструментом рационального осмысления собственного положения и постановки целей развития и изменения, сколько средством рационализации глубинных социальных чувств, самоутверждения, обоснования неизбежности существующего порядка или необходимости его изменения. Сетевизация социального пространства воздействует как на свойства субъекта идеологии, так и на характер его активности. С одной стороны, могут возникать «сетевые эффекты» создания новых результатов идеологической деятельности, с другой — реальная социальная активность всё чаще подменяется виртуальной активностью, реализуемой в рамках социальных сетей.

Ключевые слова: идеология, субъект идеологии, группы носителей, общественное сознание, социальные смыслы, ценности, марксизм, социальные отношения, социальные классы

Для цитирования: Матвеева Н. Ю. Социологическое понимание субъекта идеологии в классических и современных подходах // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 37–49. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.3](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.3). EDN [XWSLPM](https://www.edn.ru/XWSLPM).

Введение. Идеология — форма общественного сознания, выстраивающая смысловые основы существования общества и его отдельных элементов, будь то группы, институты или явления культуры, объясняющая с определённых позиций текущее положение в обществе, и направляющая его развитие на определённые цели. Специфика идеологии состоит в том, что взгляды и ценности, представленные ею в определённой форме, отражают интересы отдельных социальных групп и их положение в системе общественных отношений. Так, согласно определению, идеология — это «система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, которые выражают интересы различных социальных групп, классов, обществ» [1, с. 94]. Идеологические представления, таким образом, разделяются

группами, которые мы будем называть субъектами идеологии. Они способны развивать и отстаивать идеологию, объединяться на её основе.

В традиционном и индустриальном типе обществ субъект идеологии был, как правило, определён классовой, сословной или иной социальной принадлежностью (гендерной, этнонациональной). Можно было говорить о том, что субъектом идеологии либерализма выступала буржуазия, а субъектом идеологии марксизма — пролетариат. Если даже тогда это было в известной степени приближением и огрублением реальной действительности, то теперь классовые и групповые границы стираются, и, хотя культурные и этнические различия остаются достаточно устойчивыми, идеологии легко проникают через них и могут связываться с самыми разными типами этих культур и этносов.

Общество стало текуче, его структуры «плаваются», как показал Зигмунд Бауман [2]. Но вместе со структурами размываются и коллективные представления, ценности и идеологии. Они смешиваются, вступая в самые необычные конфигурации идей. При этом область идеального очень гибка и лабильна сама по себе, поэтому такие смешения не препятствуют активному воздействию разнообразных идеологических конструкций на общественное сознание.

Проблематика исследования обусловлена необходимостью осмысления такого феномена, как субъект идеологии, без понимания которого идеология превращается в абстрактную схему. Происходящие социальные и духовные изменения придают этой проблеме особую актуальность. Предметным полем анализа выступают теоретические представления о субъекте идеологии, его взаимосвязи с объективными социальными отношениями, с одной стороны, и с глубинными эмоциями, культурно-исторически обусловленными коллективными представлениями и бессознательными предрасположенностями группы, с другой. Цель настоящей статьи — более глубокое понимание специфики функционирования идеологии на уровне сочувствующих ей групп.

Тематика субъекта идеологии разрабатывалась в контексте различных концепций, в рамках которых он всегда выступал как зависимая переменная, выполняющая роль, обусловленную интерпретацией социальных отношений: в марксизме — это класс, в акторно-сетевой теории — сетевой субъект и т. д. В данной работе сделана попытка, опираясь на опыт предшественников, выявить основные общие свойства коллективного субъекта идеологии, сохраняя перспективу их понимания в современных социальных условиях.

Методология исследования основана на рассмотрении свойств субъекта идеологии при опоре на теоретический анализ проблемы. Предпосылкой стало положение о том, что идеология как специфически социальное явление, связанное с социальным положением группы или коллективной общности, её интересами, историческими нарративами, подразумевает наличие коллективного носителя или, иными словами, субъекта.

В исследовании были выделены два основных типа понимания идеологии:

1. как искажённой, иллюзорной картины социальной реальности, обусловленной положением в ней социальной общности;
2. как объективной идеи-силы, требующей своего осуществления: изменения социального порядка, восстановления справедливости, воплощения ценности или идеала.

Первое понимание связано, прежде всего, с марксистской традицией, фрейдомарксистскими концепциями (например, теорией авторитарной личности

Т. Адорно) [3]. Второе же понимание распространено в ценностно-ориентированных подходах и более востребовано на практике, особенно в политической деятельности.

Субъект идеологии в первой трактовке — либо господствующий класс, властвующая элита, то есть группа, заинтересованная в идеологическом искажении социальной реальности в целях сохранения своего господства, либо подчинённые классы, принимающие эти искажения и иллюзии, поскольку они облегчают ощущение несправедливости социальной действительности, рационализируют смыслы, связанные с необходимостью её принятия и выполнения того, что данная идеология вменяет этим группам в качестве их социального долга или обязанности.

Субъект идеологии во второй трактовке — любая группа, объединённая общими социальными целями, ценностями и нарративами, причём эти цели могут требовать участия приверженцев в той или иной форме социальной борьбы, а могут быть и консервативно-охранительными, стремящимися сохранить уже воплощённые в социальной практике ценности и не допустить их смещения новыми.

Анализ развёрнут с учётом преемственности: от классических идей к современным концепциям. Оговоримся, что новые постгуманистические трактовки субъекта идеологии, связанные с попытками постулировать нечеловеческую субъектность, не входят в исследовательское поле данной статьи, поскольку эта тематика требует совершенно иных подходов и интерпретаций.

Специфика коллективного субъекта. Согласно классической трактовке, субъект есть носитель идей и мнений, источник мысли и разума, сознающее свою деятельность активное начало [4]. Коллективный субъект есть субъект особого рода, ведь в нём объединены реальные индивиды, различающиеся между собой по жизненному опыту, потребностям, способам мышления. При этом их объединяют некоторые общие социальные смыслы. Группы, осознаваемые ими самими и другими социальными акторами как схожие по общим целям, ценностям, интересам, выступают в качестве коллективных субъектов.

В этом отношении нельзя не упомянуть акторно-сетевую концепцию, согласно которой субъект включён в сеть взаимодействий, в результате чего субъектно-объектные отношения, по сути, образуют взаимосвязанное единство. Так, согласно выражению Б. Латура, «актор — это то, что побуждается к действию множеством других» [5, с. 68], а идеология есть результат сетевых взаимодействий. М. Кастельс считает, что субъект идеологии в информационную эпоху становится «сетевым актором», одновременно формирующим и потребляющим идеологические смыслы [6].

Специфика коллективного субъекта идеологии состоит в способности группы, объединённой ценностно-ориентированной системой идей об обществе, к коллективному мышлению, а также к формированию сходных поведенческих практик, совершению совместных действий. Он обладает свойствами, позволяющими говорить о типичном характере социальной рефлексии и активности членов группы. Коллективный субъект — это сообщество, объединённое либо общим сознанием, либо общими действиями, обладающее определённым представлением о себе, то есть самосознанием. Степень его развитости может очень сильно отличаться. Когда общность становится реальным субъектным и деятельным сообществом с развитым самосознанием и самоидентификацией, мож-

но говорить о формировании у данной общности характера реально существующего единства [7].

Анализируя связь между конкретной идеологией и разделяющей её группой, необходимо отметить, что идеология — явление не только политическое, но и культурное. Идеологические процессы выражают общее содержание культуры на данном этапе развития общества. Но культура в её сложных смысловых и ценностных переплетениях никогда не дана в «чистом» виде, она переходит из одного ценностного состояния в другое, перетекает, прячет и вновь проявляет своё содержание, ускользая от попытки её запечатлеть в настоящий момент времени. В этом смысле культура «текуча» по своей сути. В то же время, субъекты упрощают и конкретизируют культурные смыслы в своих интерпретациях и замыслах, они способны «остановить мгновение» потока культурного развития и акцентировать в своей жизненной практике те или иные её аспекты. Поэтому ценностные содержания культуры могут быть выявлены при помощи понимания смыслов субъектов творческой или иной деятельности, в сознании которых преломляется существующая идеология [8, с. 44–45]. Понять субъекта идеологии — значит понять разделяемые той или иной социальной группой культурные ценности.

Для изучения группы в качестве субъекта какой-либо идеологии, нужно иметь достаточно чёткие критерии — основные признаки, свойства или качества такой группы, необходимые и достаточные для исследовательских целей. Такие критерии не имеют отношения к какому-либо «навешиванию ярлыков» или социальной стигматизации. В современной научной литературе сложно обнаружить какой-либо достаточно полный и концептуально непротиворечивый ряд качеств коллективного субъекта, однако исследователи выявили его основные признаки:

1. взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов, измеряемая как динамическими (теснотой и интенсивностью контактов), так и содержательными показателями (по какому поводу, о чём происходят контакты);
2. реальные практики совместной активности (участие в голосованиях, учреждение некоммерческих организаций, культурные и другие виды мероприятий, выступления, обращения, митинги, сборы подписей и т.п.);
3. способность к саморефлексии, формированию ощущения «мы», самоидентификации (оценка деятельности «мы»-сообщества, формирование мнений о нём, обсуждение потенциала группы, историко-биографическая составляющая рефлексии и т.п.) [9, с. 73–76].

Эти параметры могут иметь различную степень выраженности у разных субъектов идеологии. Соответственно, возможны состояния «предсубъектности» или «потенциальной субъектности», если перечисленные свойства не выражены или выражены недостаточно для того, чтобы характеризовать группу как коллективный субъект — например, не фиксируются контакты между индивидами или общие акты деятельности, нет групповой саморефлексии. Иными словами, такая группа ничем не выделяется в обществе, но наличие общих идей или идеологии создаёт потенциал для объединения и формирования коллективной субъектности.

Следует отметить специфические особенности коллективного субъекта идеологии в современную эпоху, облегчившую коммуникацию между людьми благодаря технике, стирающей пространственные и временные границы [10]. Поскольку идеология — это вид коллективного знания [11], то о коллективном

субъекте идеологии можно говорить как о субъекте познания. Новая сетевая коммуникация порождает дополнительные возможности для развития так называемого «мобильного» знания и «распределённого» субъекта, под которым понимается ассоциация автономных индивидов, воодушевлённых общей идеей или проектом. Такой коллективный субъект применяет дисперсное, или распределённое, знание и порой отличается высокой эффективностью при решении проблем или задач. Знание, приобретаемое в ходе развёртывания подобного проекта, можно сравнить с «архетипом, постепенно входящим в мир» (выражение Хорхе Луиса Борхеса) [12, с. 15–16]. Следовательно, современный субъект идеологии чаще всего связан сетевыми коммуникациями, его коллективная идея вызревает и трансформируется в процессе коллективного творческого процесса, ключевую роль в котором играют архетипические образы коллективного бессознательного, — воспроизводство которых подтверждается данными фундаментальных исследований [13]. Конечно, нельзя недооценивать и роль так называемых «лидеров мнений» в этом процессе, личностей, от интеллектуальных и нравственных качеств которых зависит результат совместного творчества идей [14].

Единство такого распределённого субъекта хорошо объясняется с помощью концепции соборного сознания С. Л. Франка, указывавшего на то, что в обществе нет единого эмпирически данного субъекта коллективного сознания. Но многоединство, существующее и действующее в качестве единства индивидуальных сознаний (коллективный субъект), возникает как результат внутренней связи отдельных индивидуальных сознаний членов этого единства. Например, выражение «дух народа» следует понимать не как реальный «дух» данной этнической общности, а как единство согласованности и связи многих сознаний. Единство коллективного субъекта выражается, таким образом, в приуроченности друг другу, взаимосвязанности индивидуальных сознаний, существует как сознание общности, чувство «мы» его членов, и является действенной социальной силой [15, с. 290–291].

Коллективный субъект идеологии и его иллюзорные представления: от Маркса к Мангейму. Как указывал Э. Дюркгейм, о сознании групп нельзя судить по аналогии с индивидуальным сознанием: «мышление групп иное, нежели отдельных людей; у него свои собственные законы» [16, с. 399]. Благодаря К. Марксу и его резкой критике всех систем общественных представлений, включая философию, религию, мораль, государственную идеологию и право, научный дискурс обогатился пониманием идеологии как превращённой формы сознания, при которой обобществлённые представления группы (слоя, класса) о социальных отношениях приобретают отчуждённый от человека и довлеющий над ним характер [17]. Идеология, по Марксу, — это система идей и представлений, владеющих умом человека или социальной группы [18]. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что это открытие Маркс сделал не на пустом месте. Одним из его современников, поставивших в центр внимания данную проблему, был Макс Штирнер, чья книга «Единственный и его собственность» вышла немного ранее, чем была написана «Немецкая идеология» Маркса и Энгельса. В ней шла речь о том, что люди создают себе множество идолов или кумиров, включая идеал человека и образ Бога, которым потом начинают поклоняться. Эти идолы, согласно Штирнеру, есть результат отчуждения сознания от, собственно, самого человека, действующий при этом репрессивно по от-

ношению к личности [19]. И эти самые явления сознания Маркс стал называть термином «идеология».

По сути, данный взгляд совершил революцию в осмыслении специфики общественного сознания. По мнению Маркса, мораль, религия, философские идеи и другие виды идеологии являются обманчивыми, но этот обман не создан кем-либо намеренно. Они противостоят индивиду как отчуждённая сила, происхождение которой он не может отследить, чем и объясняется не критическое отношение индивида к идеологии и её различным формам [20, с. 23–24]. Таким образом, индивид не может быть субъектом идеологии: он воспринимает её как отчуждённую данность, возникшую вне его сознания и действующую на него в качестве внешней принудительной силы. Именно поэтому, как указывал А. Грамши, мировоззрение господствующего класса и его идеалы воспринимаются большинством членов этого общества как понятные, справедливые или относительно верные, как часть обыденного здравого смысла [21]. Пытаясь сделать подход Маркса более соответствующим современному обществу, М. Хардт и А. Негри поставили на место пролетариата массу трудящихся в широком понимании, обозначив её как «множество» [22].

Вильфредо Парето связывал идеологии с неистинными представлениями, однако их происхождение он видел не в иллюзиях относительно положения групп в системе социальных отношений, а в скрытых подсознательных инстинктах («осадках»), которые принимают рационализированную форму, становясь идеологическими обоснованиями интересов и целей таких групп [23]. Идеологии, по Парето, играют роль оправдания того или иного действия, придают ему внешне логический характер, скрывая истинные побудительные силы, нелогические по своему происхождению [24]. Таким образом, возникла сильная традиция трактовки идеологий как «ложного сознания», умышленно или нет камуфлирующего истину общества о самом себе и позволяющего правящим классам укреплять своё господство.

Карл Мангейм также ставил проблему идеологического субъекта. Идеология, по Мангейму, это выражение мышления господствующих классов, в то время как утопия — идеал социальных отношений — есть выражение мышления подчинённых классов. Вникнуть в содержание идеологии возможно не при помощи непосредственной интерпретации её положений, а посредством осмысления социального бытия высказывающего эти идеи субъекта. Таким образом, идеологии становятся функциями положения субъектов в социальной сфере, а понять идеологию возможно, только поняв положение субъекта идеологии в обществе [11].

Луи Альтюссер, находясь в русле марксистской традиции, изменил ракурс рассмотрения проблемы идеологии и, тем самым, её субъекта. Идеология в его концепции — это уже не просто иллюзорное отражение социальной жизни в сознании её участников (носившее у Маркса классовый характер, поскольку каждый класс отражал реальность с точки зрения своего положения в общественном разделении труда и относительно своей роли в производственных отношениях), а сознательное формирование у членов общества таких представлений, которые позволяют сохранять устойчивость определённых экономических отношений [18, с. 27]. В таком случае можно предположить, что субъектом идеологии является группа, заинтересованная в навязывании остальным социально-экономического порядка, в котором она доминирует и от которого выигрывает больше других, — экономически и политически господствующий

класс. Подавляемые же группы, в таком случае, являются объектами идеологического воздействия, сколь бы искреннее им ни казалось, что они разделяют данную идеологию. В этом случае можно говорить о наличии идеологической индоктринации, то есть репрессии (подавлении) внутреннего мира индивида, пропаганде или навязывании идей.

Однако тут имеет место диалектика, на которую обращает внимание Л. Альтюссер, выдвигая тезис о том, что для любой идеологии — локальной или классовой — конститутивной категорией является категория субъекта. Идеология, создавая в сознании индивидов определённое отношение к реальным общественным условиям, ещё и функционирует как сила, формирующая их как субъектов этой идеологии, её адептов. По словам учёного, идеология способна «вербовать» субъектов в среде индивидуумов или «трансформировать» индивидуумов в субъектов. Но эта процедура не есть что-то безличное: она предполагает наличие ещё одного, единственного и верховного Субъекта идеологии, который и обращается ко всем индивидам как к субъектам [18]. Таким образом, ставится вопрос о существовании субъектов идеологии двух уровней: верховного и базового, авторитета и подчинения.

Верховный субъект идеологии ответственен не только за обращение к индивидам: он также осуществляет функции контролирующей инстанции, наказания и поощрения, или воздаяния. Несомненно, отмечает Л. Альтюссер, образцом такого Субъекта является Бог, обладающий свойствами единства и тотальности для массы приверженцев. Иными словами, проблема коллективного субъекта идеологии усложняется тем, что этот субъект не есть простая сумма приверженцев идеологии, но имеет ещё один образ, или ипостась, в лице некоего верховного субъекта, обладающего, по крайней мере, мыслимыми признаками единства, а также способностью обращаться к индивидам и контролировать их поведение и образ мыслей. В религиозной идеологии таким тотальным субъектом является Бог, в классовой идеологии — социальный класс, в господствующей в данном обществе политической идеологии — господствующий класс. При этом сосуществование в обществе нескольких идеологий — религиозных, нравственных, юридических, политических, этических и других — обеспечивается подчинением господствующей идеологии [18].

Таким образом, главным Субъектом идеологии в марксизме выступает её коллективный проводник и бенефициар, сама же идеология понимается как особая форма общественного сознания, имеющая коммуникативную направленность, вербуемая своих сторонников — субъектов действия — с целью отстаивания интересов главного Субъекта, стоящего за этой идеологией [20, с. 31]. При попытке анализа коллективной общности, члены которой выступают в качестве адептов-приверженцев определённой идеологии, согласно марксистскому подходу, развитому Л. Альтюссером, нужно искать социальную общность (класс, институт, государство, нацию и т.д.), заинтересованную в мощи этой идеологии. Как за существованием социального института стоят его явные и скрытые функции, так и за наличием эмпирически фиксируемого субъекта идеологии стоит латентный Субъект, имеющий власть влиять на представления и действия людей. Латентный Субъект — это, таким образом, выраженные в некоей мифологизированной форме свойства эмпирического коллективного субъекта идеологии и его социального положения. Мифологичность ему придаётся людьми, следовательно, это не какая-то внешняя по отношению к идеологическому сообществу инстанция, а продукт сознания самого сообщества.

Следует отметить, что представления об идеологии в марксистской традиции претерпевали изменения, повлиявшие на понимание особенностей идеологического субъекта, его формирования и коллективного поведения. Так, если сам Маркс рассматривал идеологию как иллюзорное сознание, результат превратного толкования действительных условий социальной жизни (причём не созданный злонамеренно), то в трудах представителей франкфуртской школы социальной критики эта искажённо понятая действительность выступает своего рода зеркалом, в котором реальные социальные отношения отражаются не такими, каковы они есть на самом деле. Иными словами, идеологическое искажение тут само есть часть реальной действительности, вписано в неё, причём действительность не может существовать без этого искажения, «идеологической мистификации» [25, с. 35–36]. Трактовка школы социальной критики, связанная также с психоанализом, усиливает акцент на роли и значении идеологии в системе социальных отношений. Здесь она уже не «надстройка», а основополагающая часть социальной реальности.

В соответствии с изложенным, субъект идеологии имеет искажённое сознание не по злему умыслу и не от недостатка дальновидности или проницательности: искажение, воплощённое в идеологической форме, есть часть его социального бытия. Отказаться от этого искажения, раскрыть все покровы действительности — значит перестать быть данным коллективным субъектом, а значит, разрушить эту действительность. Такой отказ означает революцию.

Однако идеологические искажения не всегда хорошо спрятаны. Ещё Т. Адорно отмечал возможность наличия у индивида так называемой «поверхностной» идеологии, соответствующей, по его представлениям, тому, что он должен думать согласно принятой «официальной» идеологии. При этом личное мнение индивида может быть несовместимо с его же «поверхностной» идеологией. В качестве примера исследователь приводит идеологию псевдоконсерватизма [3, с. 180–185]. Он объясняет такую позицию «огромными общественными силами», действующими на индивида, который способен легче переносить их социальное и культурное давление, если это становится его собственным делом [3, с. 318].

Петер Слотердаик пошёл ещё дальше, заявив о распространённом в современном обществе «циническом разуме». Современный просвещённый субъект может знать о существующем мыслительном искажении, даже понимать суть реальных отношений, но при этом не отказываться от данной идеологии и продолжать её отстаивать. «Критика идеологий исчерпала себя. Она осталась более наивной, чем то сознание, которое она хотела разоблачить» [26, с. 30]. Этот общественный цинизм обусловлен опять-таки социальными силами: с одной стороны, невозможностью для современного просвещённого сознания вернуться в колыбель наивности, с другой — необходимостью выживания и самосохранения коллектива, более того — сохранения настоящего и планирования будущего в современных национальных государствах [26, с. 38]. По сути, это означает приход пост-идеологии: «простой» субъект воспринимает её примерно как пациент воспринимает психоаналитика: она есть нечто, что знает правду обо мне и моих проблемах [27, с. 40].

Проблема укоренённости коллективного субъекта идеологии. Рассмотрим теперь вопросы, связанные со вторым пониманием идеологии (обозначенным в разделе «методология исследования»), согласно которому социальные субъек-

ты осознанно сплачиваются, обнаруживают своё единство, более чётко очерчивают цели и ценности.

Прежде всего, говоря о коллективных представлениях, важно учитывать их историческую укоренённость. Идеологии, даже «авторские», не являются изобретёнными «с нуля» или созданными на пустом месте ценностно-смысловыми образованиями. Напротив, они имеют собственную историю развития, предпосылки, опорные моменты содержания, уходящие в глубины коллективного опыта и мышления. Именно поэтому при анализе представлений коллективного субъекта идеологии следует учитывать историю конкретного направления мысли, устойчивые смысловые связи, «тексты» или нарративы, без которых идеология лишается своего реального живого содержания [28].

Важную роль в этом отношении играет понятие «архетипы коллективного бессознательного», введённое К. Г. Юнгом и обозначающее общие, коллективные первообразы, обладающие особым символизмом [29; 30]. Это понятие указывает на исторически обусловленную субъектность группы. Идеология, будучи значимой частью культуры, связана с архетипами коллективного бессознательного. Это означает, что группа-носитель идеологии выражает в ней не просто мнения и социальные установки, а скрытые характеристики социальных отношений, причём уже не столько экономические или политические, сколько глубинные, связанные с уникальной основой социального мышления данного общества или группы («культурным кодом»).

В этой связи следует обратить внимание на позицию Ролана Барта, согласно которой идеология заключает историю в символические рамки, делая её частью символического пространства современного общества [31]. При этом идеология выражает отдельные аспекты социальных представлений и отношений данного общественного целого, преломлённые через призму конкретной социальной ситуации. Она связана с ценностями и целями групп в конкретных общественно-исторических условиях. Именно поэтому идеологии выходят на сцену в периоды кризисов, переломов, угроз общественному единству. В эти исторические моменты идеология обращается внутрь человеческой личности, пытаясь реализовать её духовные потребности в свободе, социальной справедливости, творческом преобразовании действительности, поиске собственного предназначения.

Формирование и изменение субъектов идеологии связано и с личностным фактором. Так, согласно известной концепции П. Л. Лаврова, в ходе исторического процесса ключевую роль при выработке идей играют «критически мыслящие личности», способные выявлять проблемы и недостатки социальной структуры [32]. Такие личности способны открывать новые социальные горизонты. В этом смысле они — герои, находящиеся во фронтире (социальном пограничье) и создающие порубежное поле контактов [33].

Важно обратить внимание на термин «группы носителей», означающий «действующих лиц» социального процесса, обладающих особым талантом «создавать смыслы», формулировать нарративы, направленные на общественность, конструировать системы культурной классификации и репрезентации [34]. Группы носителей играют особую роль в формировании идеологических групп, но их деятельность не сводится к изобретению новых идей и их распространению. Судьба идеологических и религиозных учений во многом определяется социальной природой того слоя, который выступает носителем интеллектуализма, социальными отношениями интеллектуалов и власти [35, с. 165].

Заключение. Опираясь на проведённое историко-социологическое исследование, можно сделать вывод о том, что представления учёных о субъекте идеологии прошли три основных этапа, тесно взаимосвязанных с изменениями в обществе. Первый этап (середина XIX — первая половина XX вв.) связан с резкой поляризацией социальной структуры: классы — антагонисты (буржуазия и пролетариат) имели радикальные отличия не только в материальном положении, но, главное, в групповых интересах. Идеология была представлена на этом этапе искажённым, иллюзорным сознанием двух противоположных групп, а субъект идеологии носил классовый характер.

Второй этап (середина — конец XX в.) был обусловлен усложнением социальной структуры, стиранием антагонизма между классами. Это привело к распространению новых идеологий, не носящих классового характера. На этом этапе представление о субъекте идеологии меняется. Исследователи фиксируют внимание на том, что в сознании социальных групп, наряду с иллюзорными представлениями, важную роль играют архетипические образы, мифы и исторические нарративы. Тем самым углубляется понимание субъекта идеологии, отмечается его многоаспектный характер.

Наконец, третий этап (современный) связан с появлением сетевого общества. Идеология в нём стала более изменчивой, чем когда-либо прежде. В представлении учёных сетевизация поменяла сущность субъекта идеологии, который стал более мобильным, менее привязанным к территории или социальному положению, хотя и сохранил свои прежние свойства.

Итак, намеченная периодизация развития представлений о субъекте идеологии требует своего дальнейшего историко-социологического наполнения, а конкретные свойства субъекта идеологии — уточнения с учётом разнообразия идеологий, а также социальной активности их носителей.

Библиографический список

1. Социологический энциклопедический словарь / Под ред. Г. В. Осипова. М. : Норма-Инфра М, 1998. 488 с. EDN [TRWDJG](#).
2. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. С. А. Комаров. М. [и др.] : Питер, 2008. 238 с. EDN [QOABEJ](#).
3. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Под ред. В. П. Култыгина. М. : Серебряные нити, 2001. 416 с.
4. Декарт Р. Рассуждение о методе / Соч. в 2-х тт. Т. 1. М. : Мысль, 1989. С. 250–296.
5. Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию. М. : ВШЭ, 2014. 384 с. EDN [SYZVMJ](#).
6. Кастельс М. Власть коммуникации / Пер. с англ. Н. М. Тылевич. М. : ВШЭ, 2016. 564 с.
7. Добролюбов С. В. Коллективный агент и коллективный субъект: Некоторые основания концептуализации // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 53–79. EDN [PBDWZN](#).
8. Жилина В. А. Проблема определения идеологического субъекта // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 29(167). С. 44–50. EDN [KWMTKB](#).
9. Журавлев А. Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 5. С. 72–80. EDN [LKQSWH](#).
10. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М. Л. Коробочкиной. М. : Весь Мир, 2004. 185 с. EDN [QOCZEN](#).
11. Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени / К. Мангейм; Пер. М. И. Левиной. Юрист, 1994. С. 7–276.
12. Касавин И. Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 46, № 4. С. 5–18. EDN [VJUQYJ](#).
13. Чупров В. И., Zubok Ю. А., Романович Ю. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М. : Норма, 2014. 352 с. EDN [XRTSUR](#).

14. Трунов А. А., Рындин Е. В. Субъекты идеологического производства в обществах современного и постмодернового типов // Наука. Искусство. Культура. 2022. № 4(36). С. 58–66. EDN [IZGAVK](#).
15. Франк С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию // Русское зарубежье: из истории социальной и правовой мысли. Л. : Лениздат, 1991. С. 243–433.
16. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда ; Метод социологии : Пер. с фр. М. : Наука, 1991. 572 с.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М. : Политиздат, 1988. 574 с.
18. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. С. 14–58.
19. Штирнер М. Единственный и его собственность / Пер. Б. В. Гиммельфарба и М. Л. Гохшиллера. М. : Юрайт, 2025. 280 с.
20. Черников М. В. Об идеологии. Уроки марксизма // Свободная мысль. 2019. № 5(1677). С. 21–32. EDN [ZXWUIE](#).
21. Грамиш А. Тюремные тетради : пер. с ит. В 3 ч.; Ч. 1. М. : Политиздат, 1991. 560 с.
22. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культурная революция, 2006. 508 с.
23. Парето В. Компендиум по общей социологии. М. : ГУ ВШЭ, 2007. 511 с. EDN [QOHUFH](#).
24. Енгоян А. П. Психологический подход к идеологии: от Фрейда к Парето // Научная мысль Кавказа. 2007. № 3(51). С. 21–28. EDN [IJUEIZ](#).
25. Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии / Пер. с англ. В. Софронова. М. : Художественный журнал, 1999. 237 с.
26. Слотердайк П. Критика цинического разума / Пер. с нем. А. Перцева. Екатеринбург : У-Фактория, 2009. 798 с. EDN [QWUKZB](#).
27. Гатауллин А. И., Лебедев А. Б. Степень свободы социального субъекта в пространстве пост-идеологии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 1. С. 32–41. EDN [LAEUOL](#).
28. Васильев А. А. Мировоззрение почвенников (Ф. М. и М. М. Достоевских, А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова): забытые страницы русской консервативной мысли. М. : Институт русской цивилизации, 2010. 243 с.
29. Юнг К. Г. Архетип и символ. М. : Республика, 1997. 368 с.
30. Элькан О. Б., Путьра В. А. Формирование символической сферы культуры в представлениях аналитической психологии К. Г. Юнга // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 3(66). С. 20–24. EDN [ZRAHUZ](#).
31. Барт Р. Мифологии. М. : Академический Проект, 2008. 351 с.
32. Лавров П. Л. Философия и социология : избранные произведения в 2 т. Том 2. Исторические письма 1868–1869. М. : Мысль, 1965. 703 с.
33. Подлесная М. А., Шевченко О. К. Фактор фронтальности в формировании образа героя в российском обществе // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 42–60. DOI [10.19181/nko.2024.30.3.3](#). EDN [TUKCXU](#).
34. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / Пер. с англ. Г. К. Ольховикова. М. : Праксис, 2013. 640 с.
35. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. Т. 2: Общности / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М. : ВШЭ, 2017. 428 с.

Поступила: 22.03.2025. Доработана: 26.05.2025. Принята: 30.05.2025.

Сведения об авторе:

Матвеева Наталья Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент Российского университета транспорта; доцент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. Москва, Россия.

pmatveyev@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [637045](#); ORCID: [0000-0001-9581-125X](#)

N. Yu. Matveeva^{1,2}¹ RUT (MIIT). Moscow, Russia² BMSTU. Moscow, Russia

SOCIOLOGICAL UNDERSTANDING OF THE SUBJECT OF IDEOLOGY IN CLASSICAL AND CONTEMPORARY APPROACHES

Abstract. Ideology, as a social phenomenon, represents an action-oriented formation of social images and meanings, and implies the existence of its own carrier — the subject of ideology. The study of this subject is a key condition for understanding ideological processes, which determines the relevance of the topic under consideration. The research problem lies in understanding the factors that contribute to the unification of individuals into ideological communities. Approaches to understanding the subject of ideology have been influenced both by conceptions of the social nature of ideology and by societal changes. Based on the analysis of classical (K. Marx, V. Pareto, K. Mannheim, T. Adorno, A. Gramsci) and contemporary approaches (L. Althusser, S. Žižek), the main properties of the collective subject of ideology are examined. Within the context of the research, attention is given to J. Alexander's concepts regarding groups as carriers of collective meanings, C. G. Jung's theory of archetypes of the collective unconscious, and R. Barthes' interpretation of ideology as a form of modern mythology. It is argued that the subject of ideology is a group characterized by a certain position within the social structure and that it constructs an image of social relations from the perspective determined by this position. In this context, ideology serves less as a tool for rational understanding of its own position and setting development or change goals, than as a means of rationalizing deep-seated social emotions, self-assertion, justifying the inevitability of the existing order or the necessity of its transformation. The networking of social space affects both the properties of the ideological subject and the nature of its activity. On the one hand, "network effects" may emerge in producing new outcomes of ideological activity; on the other hand, real social activism is increasingly replaced by virtual activism carried out within social networks.

Keywords: ideology, subject of ideology, groups of carriers, public consciousness, social meanings, values, Marxism, social relations, social classes

For citation: Matveeva N. Yu. Sociological understanding of the subject of ideology in classical and contemporary approaches. *Science. Culture. Society*. 2025;31(2):37–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.2.3>

References

1. Osipov G. V. (ed.). *Sociological Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Norma–Infra-M; 1998. (In Russ.).
2. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Transl. by Yu. V. Asochakov. Moscow [et al.]: Piter; 2008. (In Russ.).
3. Adorno T. *The Authoritarian Personality*. Ed. by V. P. Kulygin. Moscow: Serebryanyye Niti; 2001. (In Russ.).
4. Descartes R. *Discourse on Method*. In: *Works in 2 vol. Vol. 1*. Moscow: Mysl'; 1989. P. 250–296. (In Russ.).
5. Latour B. *Reassembling the Social: Introduction to Actor-Network Theory*. Moscow: HSE Publ.; 2014. (In Russ.).
6. Castells M. *The Power of Communication*. Transl. by N. M. Tylevich. Moscow: HSE Publ.; 2016. (In Russ.).
7. Dobrolyubov S. V. Collective subject and collective agent: Some grounds for conceptualization. *Sociological Journal*. 2012;(2):53–79. (In Russ.).
8. Zhilina V. A. The Problem of Defining an Ideological Subject. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009;(29):44–50. (In Russ.).
9. Zhuravlev A. L. Collective subject: main features, levels and psychological types. *Psychological Journal*. 2009;30(5):72–80. (In Russ.).

10. Bauman Z. Globalization. The human consequences. Transl. by M. L. Korobochkina. Moscow: Ves' mir; 2004. (In Russ.).
11. Mannheim K. Ideology and Utopia. In: Mannheim K. Diagnosis of Our Time. Transl. by M. I. Levina. Moscow: Jurist; 1994. P. 7–276. (In Russ.).
12. Kasavin I. T. Collective agent as a matter of epistemological analysis. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2015;46(4):5–18. (In Russ.).
13. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction. Moscow: Norma; 2014. (In Russ.).
14. Trunov A. A., Ryndin E. V. Subjects of ideological production in societies of modern and postmodern types. *Science. Art. Culture*. 2022;(4):58–66. (In Russ.).
15. Frank S. L. Spiritual foundations of society: introduction to social philosophy. In: Russian abroad: from the history of social and legal thought. Leningrad: Lenizdat; 1991. P. 243–433. (In Russ.).
16. Durkheim E. On the Division of Social Labor; The Method of Sociology. Transl. from French. Moscow: Nauka; 1991. (In Russ.).
17. Marx K., Engels F. Die deutsche Ideologie. Moscow: Politizdat; 1988. (In Russ.).
18. Althusser L. Ideology and ideological apparatuses of the state. *Neprikosnovenny zapas*. 2011;(3):14–58. (In Russ.).
19. Stirner M. Der Einzige und sein Eigenthum. Transl. by B. V. Himmelfarb & M. L. Gochschiller. Moscow: Yurait; 2025. (In Russ.).
20. Chernikov M. V. On Ideology. Lessons of Marxism. *Svobodnaya mysl'*. 2019;(5):21–32. (In Russ.).
21. Gramsci A. Quaderni del carcere. In 3 parts. Part 1. Moscow: Politizdat; 1991. (In Russ.).
22. Hardt M., Negri A. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; 2006. (In Russ.).
23. Pareto V. Compendio di sociologia generale. Moscow: HSE; 2007. (In Russ.).
24. Engoyan A. P. Psychological Approach to Ideology: From Freud to Pareto. *Scientific thought of Caucasus*. 2007;(3):21–28. (In Russ.).
25. Zizek S. The Sublime Object of Ideology. Transl. by V. Sofronov. Moscow: Khudozhestvenny Zhurnal; 1999. (In Russ.).
26. Sloterdijk P. Kritik der zynischen vernunft. Transl. by A. Pertseva. Ekaterinburg: U-Faktoriya; 2009. (In Russ.).
27. Gataullin A. I., Lebedev A. B. The degree of freedom of a social subject in the space of post-ideology. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2011;153(1):32–41. (In Russ.).
28. Vasilyev A. A. Worldview of the Pochvenniks (F. M. and M. M. Dostoevsky, A. A. Grigoriev and N. N. Strakhov): forgotten pages of Russian conservative thought. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii; 2010. (In Russ.).
29. Jung K. G. Archetype and symbol. Moscow: Respublika; 1997. (In Russ.).
30. Elkan O. B., Putra V. A. Formation of the Symbolic Sphere of Culture in Representations of Analytical Psychology of K.G. Jung. *Cultural Studies of Russian South*. 2017;(3):20–24. (In Russ.).
31. Bart R. Mythologies. Moscow: Akademicheskij Proekt; 2008. (In Russ.).
32. Lavrov P. L. Philosophy and sociology: selected works in 2 vols. Vol. 2. Historical letters 1868-1869. Moscow: Mysl'; 1965. (In Russ.).
33. Podlesnaia M. A., Shevchenko O. K. The Frontier Factor in the Formation of the Hero's Image in Russian Society. *Science. Culture. Society*. 2024;30(3):42–60. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2024.30.3.3](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.3).
34. Alexander J. Meanings of Social Life: Cultural Sociology. Trans. by G. K. Olkhovikov. Moscow: Praxis; 2013. (In Russ.).
35. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie: in 4 volumes. Vol. 2: Gemeinschaften. Transl.; compiled, general editorship and foreword by L. G. Ionin. Moscow: HSE Publ.; 2017. (In Russ.).

Received: 22.03.2025. Corrected: 26.05.2025. Accepted: 30.05.2025.

Author information:

Natalya Yu. Matveeva, Candidate of Sociology, Associate Professor at Russian University of Transport (MIIT); Associate Professor at Bauman Moscow State Technical University. Moscow, Russia.

pmatveyev@yandex.ru

ORCID: [0000-0001-9581-125X](https://orcid.org/0000-0001-9581-125X)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.2.4](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.4)
EDN [ZFLEKU](https://edn.zflek.ru)
УДК 130.2+316.7

О. А. Ивенкова¹, Н. Б. Итунина¹

¹ Смоленский государственный университет. Смоленск, Россия

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ: СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация. Современная противоречивая и рискогенная социокультурная динамика обуславливает актуализацию философско-культурологического анализа антропологического смысла культуры вообще и культуры повседневности в частности. Целью исследования является рассмотрение теоретических междисциплинарных подходов к пониманию антропологического смысла культуры повседневности и выявление их функционального потенциала в решении проблем современности. Для анализа используются философско-исторический, культурологический и семиотический подходы, включающие элементы сравнительно-исторического метода для анализа феномена культуры повседневности и его связи с историческими социокультурными процессами. Авторы раскрывают грани антропологического смысла культуры повседневности как микроуровневого среза культуры, в котором аккумулируются и транслируются глубинные пласты культурного наследия и, вместе с тем, формируется новая идентичность человека. На основе междисциплинарных исследований выделены ключевые антропологические вызовы современности: сосуществование архаичных и модернизированных культур; эволюционно-биологические изменения человечества; сохранение телесности как антропологической ценности; самореализация человека в условиях развития искусственного интеллекта. Сделан вывод о том, что в условиях продолжающихся социокультурных, экологических и технологических трансформаций культура повседневности становится зоной повышенной уязвимости и одновременно источником сопротивления деструктивным тенденциям, сохранения глубокого антропологического потенциала общества и человека.

Ключевые слова: культура повседневности, антропологический смысл культуры, антропологические вызовы, идентичность, цифровая трансформация, личность

Для цитирования: Ивенкова О. А., Итунина Н. Б. Культура повседневности в условиях современных вызовов: социально-антропологический подход // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 50–61. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.4](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.4). EDN [ZFLEKU](https://edn.zflek.ru).

Введение. Понятие «культура» является одним из наиболее распространённых в научном дискурсе, но в многообразии трактовок и прочтений смысловое наполнение его неоднозначно. Вариативность граней данного феномена находит своё отражение в многообразии его определений, отражающих многослойность и альтернативность целей и методологических подходов, используемых для его изучения и понимания.

Вместе с тем, признание антропологического смысла культуры как меры человеческого в человеке — это то, с чем согласны авторы всех определений культуры, независимо от их специфического подхода к ней. Культура — дело рук человеческих, в ней человек ищет и находит себя. В культуре и через культуру человек реализуется как индивид, индивидуальность и личность; в культуре и через культуру осуществляется бесконечное совершенствование человека как личности, главными атрибутивными характеристиками которой, по нашему

мнению, выступали и выступают ответственная свобода, творчество и духовность.

Наиболее ярко антропологический смысл культуры проявляется в культуре повседневности, понимаемой и принимаемой как привычный ритм жизни, традиционный уклад и поведенческий паттерн, прочный фундамент уверенности и предсказуемости, заданный нормами, ценностями, идеалами. Однако в эпоху стремительных перемен, развития технологий, интенсификации темпа социальных взаимодействий и трансформаций образа жизни индивидов повседневность становится ареной серьёзных испытаний. В такой обстановке обостряется противоречие между привычной жизненной средой, её адаптационным функционалом и непрекращающейся чередой вызовов современности, стремительно меняющих знакомую реальность, формирующих новые условия жизнедеятельности и, соответственно, новые механизмы адаптации.

Культурология как наука о человеке и культуре. Стоявший у истоков культурологии как самостоятельной науки вслед за В. Освальдом (1853–1932) американский культурантрополог Л. Уайт (1900–1975) в программной статье «Наука о культуре» подчёркивал, что мир человека — это мир его культуры: «открытие культуры когда-нибудь встанет в истории науки в один ряд с гелиоцентрической теорией Коперника или открытием клеточной основы всех форм жизни» [1, с. 147]. Термин «культурология», по Л. Уайту, «выявляет связь между человеческим организмом, с одной стороны, и экстрасоматической традицией, какой является культура, — с другой» [1, с. 154]. Однако, Л. Уайт, как считают историки культурологии, определяя культурологию в качестве строгой науки о культуре, пожертвовал человеком, настаивая, что культура, а не человек, определяет формы и содержание человеческого поведения [1, с. 149].

В дальнейшем как в западной, так и в отечественной исследовательской культурологической традиции ведущей становится тенденция гуманизации культуры — превращения человека в центральный топос в пространстве реальности и современной эпистемологии. История развития культурологии связана с растущим стремлением исследователей видеть её как науку и о человеке, и о культуре.

По вектору выявления антропологического смысла культуры в культурологических исследованиях движется, в частности, К. Гирц (1926–2006), глава и авторитетный представитель школы интерпретативной антропологии США второй половины XX века. Предлагая не противопоставлять биологическое и культурное в человеке, он формулирует два ключевых положения своей культурантропологической концепции: во-первых, человек — животное, чьё поведение зависит от культурных программ; во-вторых, культура — это совокупность контрольных механизмов, управляющих поведением людей [2, с. 115–138].

Разделяя идеи представителя школы философской антропологии М. Шелера о неспециализированности человека и эксцентричности его положения в мире, Гирц полагает, что в процессе эволюции биологическое и культурное развивались параллельно, что в дальнейшем обусловило их взаимодополняемость в настоящем. Являясь детищем человека, культура, в свою очередь, формирует человечество как единый биологический вид и как отдельных индивидов, личностей.

Отталкиваясь от своего видения человека как «незавершённого животного», которое само себя завершает посредством культуры, её конкретных форм, К. Гирц предлагает саму культуру понимать как исторически транслируемую

систему значений, воплощённых в символах. Символы, как элементарные частицы культуры, символические комплексы и культурные системы выполняют функцию формирования поведения людей в рамках той или иной культуры. Эта функция присуща высокой, а также срединной культуре, которые, не сливаясь, проникают в культуру повседневности — обыденную культуру.

Последняя формируется обычаями, традициями, обрядами, нормами, которые мало осознаются и поддерживаются в силу привычки. Действия человека на обыденном, повседневном уровне культуры чаще всего управляются набором правил, которые К. Гирц объединяет понятием «здоровый смысл». Для него повседневность — это культурная система здравого смысла. Исследователь убеждён: если мы хотим действительно познать человека и человечество, следует стремиться раскрыть характер не только разных культур, но и разных видов индивидов внутри каждой культуры. Путь к общему, убеждён Гирц, «лежит через изучение особенного, обусловленного конкретными обстоятельствами» повседневной жизни [2, с. 137].

Осваивая культуру с детства, каждый человек входит в мир и обретает в нём своё бытие — в этом проявляется её экзистенциальный смысл. В дальнейшем культура, прежде всего культура повседневности, остаётся для человека микросредой, обеспечивающей его жизненные потребности и наполняющей большую часть жизни.

Непреходящую значимость феномена культуры повседневности подчеркнул её глубокий исследователь Ю. М. Лотман (1922–1993). Он был убеждён, что сама «история проходит через Дом человека, через его частную жизнь. Не титулы, ордена или царская милость, а “самосостояние человека” превращает его в историческую личность. Эти слова отражают квинтэссенцию исследовательского кредо Лотмана — выдающегося отечественного специалиста, органично соединявшего историю культуры с историей человеческой души. По нашему мнению, это вышеприведённое утверждение раскрывает и суть антропологического смысла культуры вообще, и культуры повседневности в частности.

Грани антропологического смысла культуры повседневности и методология их исследования. Исследовательский интерес к культуре повседневности обусловлен следующими причинами:

- если для высокой культуры характерно ограниченное число акторов, то в культуре повседневности каждый человек становится её активным деятелем, «проявляет и испытывает новую возможность — возможность построения своего собственного “идеального мира”» [3, с. 709–710];
- в повседневной культуре люди проводят большую часть своей жизни;
- повседневность выстраивает границы, задаёт систему отсчёта нормативности лежащую в основе оценки значимости других сфер человеческой деятельности;
- практичность и утилитарность повседневности не исключают её творческого потенциала — это пространство испытания методов через решение стандартных задач и перехода к другим видам деятельности [4, с. 414];
- в мире повседневности человек конституирует себя как личность: его действия помимо практического смысла обладают ценностно-символическим измерением [5].

Понятие «повседневность» ввёл французский философ М. Монтень (1533–1592), определивший её как «заурядные, стандартные, удобные для человека

моменты существования, повторяющиеся в каждый миг житейского спектакля» [6, с. 73]. XX век вывел повседневность — сложноорганизованную сферу жизнедеятельности человека — в авангард проблематизации междисциплинарных исследований. Исторические, культурологические, социологические, лингвистические, антропологические и другие исследования поставили понятия «повседневность» и «культура повседневности» в ряд ключевых в понимании социокультурных процессов. Особую роль в изучении и определении особенностей культуры повседневности сыграли исследователи французской школы «Анналов» М. Блок, Ф. Бродель и др. В феноменологическом ключе культура повседневности исследовалась такими мыслителями, как П. Бергер, Г. Гарфинкель, Э. Гуссерль, Т. Лукман, А. Шютц и др.

В России понятие повседневности прорабатывали М. М. Бахтин, А. Ф. Losev, Ю. М. Лотман. Содержательный анализ феномена повседневности продолжается в первой четверти XXI столетия. Среди современных исследований следует указать на работы Л. Г. Ионина, И. Т. Касавина, М. В. Капкан, Н. Н. Козловой, Е. В. Золотухиной-Аболиной, В. Д. Лелеко, Б. В. Маркова, Т. Б. Мосоловой и других.

Как показано в исследованиях, повседневный мир — это реальность, в которой люди рождаются, живут изо дня в день и умирают. Именно повседневность составляет безусловные предпосылки и конечную сферу приложения всех остальных форм существования и деятельности людей, целостный социокультурный жизненный мир как «естественное» условие человеческой жизнедеятельности [7, с. 254]. Мир обыденной жизни не выбирают, его находят как само собой разумеющуюся реальность.

В рамках деятельностно-событийного подхода жизнь человека рассматривается как процесс сознательной, наделённой смыслами активности, раскрывая повседневность через следующие характеристики: «необходимость и неизбежность совершения тех или иных действий, выражающих каждодневные заботы; их повторяемость, доходящая до цикличности и ритмичности во времени и событийном наполнении; замкнутость в типичных пространствах (кухня, улица, бытовка и др.); консервативность обыденных начал жизни и форм культуры; усреднённость и общедоступность повседневных задач, знаний и способов деятельности; массовый характер распространения обыденных феноменов и безличность событий; отнесенность к приватной сфере, не связанной с общественными и служебными обязательствами» [8, с. 8].

В результате складывается «образ повседневной жизни, стиль обыденного поведения или же просто быт представителя той или иной социальной общности» [4, с. 15–17].

Упомянувшийся выше Ю. М. Лотман, констатируя, что быт — «это обычное протекание жизни в её реально-практических формах», «это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение», задаётся вопросом: как быт может соприкасаться с миром символов и знаков, составляющих пространство культуры [9, с. 10]? Ответ он иллюстрирует конкретным примером. Лотман описывает героя из романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди», которому, чтобы скрыть от окружающих дырявые подошвы, пришлось придумать особую походку. Дырявые сапоги — это вещь, а для постороннего наблюдателя их порванные подметки становятся знаком, указывающим на бедность как символ культуры. «Итак, быт, в символическом его ключе, есть часть культуры», — заключает исследователь [9, с. 11]. Культура повседневности двойственна по

своей природе: она выступает как практическая реальность в мире знаков, так и знак (символ) в мире практической реальности [9, с. 385].

Представляется важным подчеркнуть, что культура повседневности интерсубъективна и носит коллективный характер — она формируется только в общении, в межличностных контактах. Главное в ней — не «предметы» и «процессы», а человеческие смыслы. Таким образом, культура повседневности словно соткана из тех значений, которые люди придают вещам и отношениям. «Любовь», «преступление», «наказание» и другие явления — это повседневные феномены, которым в разных контекстах приписываются различные смыслы. Так, переживание любви, хорошо известное каждому, связано с веками выработанной символикой и ритуалами культуры, облагораживающими половое чувство. Поэтому любовь называют продуктом истории культуры. Стендаль писал о ней как о «чуде цивилизации». Любовь погружена в символический мир, который связывает внутренний мир индивида с культурным прошлым его этноса. Она неразрывно связана с формированием личности и даже конституирует человека как личность. Именно поэтому любовь нередко предлагают считать критерием существования человека. Её понимание возможно лишь на основе истории культуры.

В этом контексте феномен современной «сексуальной революции», нацеленный на устранение «предрассудков» и «излишних сложностей» на пути удовлетворения одного из важнейших влечений человека, можно и нужно рассматривать как феномен антикультуры. Согласимся с отечественным исследователем И. С. Коном, отмечавшим, что «сексуальная активность, какой бы высокой она ни была, не может заменить других форм самореализации. Главные трудности, с которыми будут сталкиваться люди XXI века — не столько сексуальные, сколько коммуникативные — чувство одиночества, неудовлетворенная потребность в самораскрытии, любви и психологической интимности» [10, с. 29–41].

Раскрывая и дополняя ранее отмеченные характеристики культуры повседневности, следует подчеркнуть, что она является фундаментальным условием человеческого существования. Охватывая организацию социальных отношений, институтов и непосредственное бытие человека, культура повседневности включает сложную систему потребностей, интересов, обыденных практик, житейского опыта и здравого смысла, формирующих ментальность и исходные представления о мире. Культура повседневности характеризуется сочетанием универсальных и уникальных элементов, объективного и субъективного опыта, социального и индивидуального. Благодаря своей диалектической природе она становится особенно важной для понимания этнокультур. Именно эта специфика делает её ярким индикатором общего и особенного в этнокультурах, выявляя ключевые противоречия между тенденциями к культурной унификации и стремлением к сохранению уникальности культурного опыта.

Благодаря своей текучести и непрерывности культура повседневности служит барометром социальных трансформаций. Именно в рутинных практиках находят своей выражение и укореняются общественные преобразования. Через обыденную реальность, привычные предметы и действия отражаются глубокие сдвиги в обществе, показывая, как масштабные процессы преломляются в мелких, личных деталях жизни отдельного человека. Этот процесс «ещё более заметно разворачивается на общем фоне отказа от “обезличенных универсальных” типологических схем объяснения общества и культуры» [11, с. 154].

В границах культуры повседневности формируются механизмы понимания, адекватного восприятия и принятия «другого» — незнакомой и зачастую чуждой реальности, иной культуры. Это происходит в силу того, что повседневность ставит разные культурные опыты в равные условия, создавая прочную базу для эффективного межкультурного диалога и преодоления кризиса этноидентичности. В современном мире это как никогда актуально.

Антропологические вызовы современности: четыре ключевые проблемы. Современный мир сталкивается с серьёзными антропологическими вызовами. Проблема судьбы человека, его предназначения, субъективности, свободы и исторического пути превратились в насущные вопросы, активно обсуждаемые культурологами, философами и гуманитариями. То, что было предметом тысячелетних размышлений, сегодня требует практического осмысления.

Спектр проблем, которые относят к антропологическим вызовам современности, широк. Как справедливо отмечает О. В. Плебанек, среди антропологических вызовов современности, определяющих тренды дальнейшего развития человечества наравне с технологическими, особую значимость приобрели следующие четыре [12].

Первый из современных антропологических вызовов — это отношение к архаическим обществам и культурам, точнее, проблема их сосуществования с так называемыми цивилизованными обществами и культурами. Эта давняя проблема в условиях растущего взаимодействия и интенсивных потоков межкультурной коммуникации приобретает особую остроту. Она выступает как нерешённый и принципиально важный вопрос: могут ли последующие поколения сами выбирать свой образ жизни, сохранять или безвозвратно утрачивать ценности, привычную повседневность, обычаи и нормы.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что проблема сосуществования архаичных и модернизированных культур многогранна и требует комплексного подхода. Она затрагивает не только межгосударственные отношения, но и внутреннюю государственную культурную политику. Характеристикой современной социокультурной ситуации в мире и его отдельных регионах стало сложное сочетание элементов модернизации с актуализацией архаизирующих тенденций [13]. В результате возникает парадоксальное явление: одновременно идёт процесс смешения культурных традиций и этнических групп, и обостряется раскол интересов и убеждений между сообществами, например, между «нативизмом» и «глобализмом» [14], «патриотизмом» и «космополитизмом». Нельзя не согласиться с М. С. Гусельцевой, которая пишет: «космополитизм, воспринимаемый прежде как мировоззрение и элитарный жизненный стиль малых групп, становится в наши дни повседневным (хотя и не всегда осознаваемым) опытом одних сообществ и в то же самое время выходит за рамки представлений о социальной нормальности в других сообществах» [15, с. 18].

Выработаны различные модели воскрешения архаики: «тотальная архаизация», «неполная архаизация», и наиболее приемлемая модель — «диалог культур». Последняя предполагает целенаправленную адаптацию архаических форм культуры через их частичную модернизацию и включение в современную социокультурную практику, особенно в культуру повседневности, с обязательным сохранением их исходного архаического содержания. Однако реализация этой модели сталкивается с рядом серьёзных трудностей и рисков, что и делает данную проблему одной из ключевых антропологических задач современности.

Второй антропологический вызов современности связывают с проблемой биологической эволюции человека. В арсенале современной науки — достаточ-

ное количество эмпирических данных, подтверждающих продолжающиеся эволюционно-биологические изменения человечества: акселерация, ювенализация и другие явления. При этом ряд процессов объясняется наличием у человека культурной среды, поскольку эволюционируют в первую очередь те из биологических свойств человеческого организма, которые необходимы для адаптации и выживания человека именно в культуре. Например, увеличение срока взросления обусловлено ростом сложности культуры, в которую входит человек в процессе социализации и инкультурации. При этом тело эволюционирует в сторону возрастающей зависимости от техники и технологий.

Этот тренд был замечен ещё в XX веке. О неоднозначности такого развития и связанных с ним антропологических рисках предупреждал советский философ Э. В. Ильенков (1924–1979), чей 100-летний юбилей отмечала как отечественная, так и зарубежная философская общественность, а также его земляки [16; 17; 18]. В работе «Об идолах и идеалах» (1968) он называл идолом идеал машины, которая якобы «умнее» человека. Почему? Как философ, много работавший над философским осмыслением проблем человека, его взаимоотношений с культурой, наукой, техникой, искусством и нравственностью, над вопросами обучения и воспитания личности, Э. В. Ильенков считал, что такой идеал принижает человеческое достоинство и потенциал быть универсальной личностью.

С точки зрения машинно-технических критериев в человеке слишком много «лишнего». Машина, напротив, тем лучше, чем точнее её конструкция соответствует «частным функциям» [19, с. 293–294]. Поэтому острейшей проблемой Ильенков считал не создание новых машин, «умнее и сильнее человека», а задачу — как сделать самого человека умнее, сильнее и предусмотрительнее, чем вышедшая из-под его контроля машинерия капиталистического производства [19, с. 312]. Задача остаётся актуальной и в XXI столетии, и поиск её решения порождает новые антропологические вызовы.

Здесь мы выходим на **третий** обозначенный О. В. Плебанек антропологический вызов, связанный с проблемой человеческого тела как конструкта [12]. Современная культура позволяет компенсировать врождённые или приобретённые недостатки человеческой телесности — это позитивный эффект. Однако вызывает тревогу растущая тенденция создания тела, которое не может существовать в естественной среде, поскольку сконструировано не в соответствии с физиологическими возможностями и потребностями, а произвольно, под воздействием моды и других культурологических факторов — бодибилдинг, трансформинг и др.

В отечественной исследовательской традиции (А. Ф. Лосев, И. М. Быховская, Л. В. Жаров и др.) телесность рассматривается как показатель социокультурных качеств человеческого тела. Хотя тело человека остаётся средоточием действия законов органического мира, оно одновременно подвержено влиянию социокультурных закономерностей, которые модифицируют, но не отменяют проявления этих законов.

Человеческая телесность во все времена составляла важную аксиологическую сферу культуры. Пол и телесность, наряду с нравственностью, семьёй, личностью и другими ценностями, выступают культурными универсалиями, что делает их устойчивыми к радикальным изменениям и тем более элиминированию из социокультурного процесса. В современных условиях наблюдается опасная тенденция экспериментирования с этими универсалиями, что начинает осознаваться как угроза самой возможности и перспективе человеческой жизни.

Угроза существованию человеческой телесности, сформированной миллионами лет биоэволюции и всё более активно преобразуемой техногенным миром, реальна и усиливается. Не менее серьёзной представляется перспектива «планового» генетического совершенствования антропологического материала, его приспособления к новым, растущим социальным нагрузкам. Такие перспективы сопряжены также с рисками манипуляций над психикой через воздействие на мозг.

Появление цифровой антропологии в конце XX века стало свидетельством усилившегося интереса к человеку в новых условиях. Эта область ставит своей целью постижение «сути человека через создаваемые им культурные миры», теперь уже цифровые [20, с. 47]. Её проблемное поле включает необходимость сопоставления теоретических рамок, привычных для анализа нецифровой культуры, с цифровой реальностью как новым объектом исследования. Множество возникающих вопросов стимулирует поиск ответов, способных углубить понимание человеческой сущности в контексте цифровой среды. Именно поэтому в центре внимания цифровой антропологии находится дихотомия, обозначаемая как «digital/human» [21]. Современная виртуальность не становится препятствием для проявления человеческой сущности — напротив, она создаёт новые условия для её самореализации: «технически генерируемые виртуальные платформы позволяют моделировать культурные практики, высвечивающие такие стороны человеческой природы, которые в условиях “реального” мира остаются скрытыми или непроясненными» [20, с. 58].

В этой связи особую тревогу вызывает проблема искусственного интеллекта, которую можно рассматривать как ещё один, **четвёртый**, тесно связанный с предыдущими антропологический вызов современности. Академик В. А. Лекторский, как и многие исследователи, рассматривающие глобальную цифровизацию как антропологический вызов, предупреждает: новые проблемы настолько серьёзны, что заставляют думать об экзистенциальных угрозах, антропологической революции, а то и катастрофе [22].

Осмысление ситуации через призму классических антропологических констант, сформулированных И. Кантом как три фундаментальных вопроса о человеке (что я, человек, в лице всего человечества могу знать; должен делать; на что смею надеяться), показывает: благодаря глобальной цифровизации и системам искусственного интеллекта человек и человечество получают ранее недоступные возможности и преимущества. Выгоды от цифровизации неоспоримы — равно как и проблемы, ею порождённые в различных сферах жизнедеятельности.

Цифровизация, наряду с другими факторами, обуславливает возрастающую сложность современного социума, что усиливает нестабильность и рискогенность социальной среды. В этих условиях концепты социализации, инкультурации и социокультурной адаптации приобретают повышенную актуальность. Возникает потребность в поиске оптимальных стратегий и форм интеграции и адаптации к новым условиям. Стандартизация социальных практик становится одним из ключевых адаптивных механизмов, всё шире проникающих в повседневную жизнь. Как отмечают исследователи, «упрощённые практики становятся ответом на вызовы сложности, которые позволяют осуществлять организацию социальной жизни на массовом уровне, удовлетворяя потребность людей в предсказуемости и повторяемости, в однозначных рациональных интерпретациях происходящего» [21, с. 38].

Стандартизация, долгое время выступавшая спутником культуры повседневности, становится неотъемлемой частью цифровизации. Представляя собой совокупность унифицированных требований, эталонов, моделей и правил поведения, она сегодня нередко сводит качественные характеристики к количественным, содержание к форме, упрощая и искажая суть. Под влиянием технизации повседневность трансформируется, и человек постепенно превращается из активного субъекта в пассивного пользователя — «юзера». Он умеет обращаться с техническими средствами и делает это с удовольствием, но при столкновении с малейшими проблемами теряется. Даже вне технической среды современный человек зачастую чувствует себя беспомощным, способным лишь использовать артефакты повседневности, не понимая их устройства и принципов функционирования.

Вынужденный полагаться на стандартизацию, человек ищет и применяет шаблоны — с помощью инструкций, консультаций специалистов, советов знакомых или популярных блогеров. Социальные практики, соответствующие принятым стандартам, наиболее распространены именно в повседневном мире, к которому особенно важно приспособиться. Однако упрощённые практики, создавая иллюзию стабильности и комфорта, сами могут становиться источником новых рисков.

Заключение. Антропологический смысл культуры повседневности, выявленный, теоретически обоснованный и интерпретированный социогуманитарным знанием прошедшего столетия как базис надёжности и определённости, приобретает новые аспекты и сущностные характеристики. Привычная нормативность повседневности трансформируется в результате ускорения социальной динамики, появления инноваций в материальной и духовной сферах жизнедеятельности социума. Возникает необходимость в переосмыслении роли культуры повседневности в эпоху перемен — не как стабильного и привычного фундамента, а как динамичного адаптивного пространства, способного стать основой формирования новых смыслов, ценностей и идентичности. И в этой связи изучение антропологии культуры повседневности приобретает особую актуальность: как человек конструирует свою жизнедеятельность в ситуации неопределённости и перемен; какие механизмы адаптации создаёт социальная динамика; где источник новых ценностей, смыслов и идентичности?

«Цивилизация юзеров», о которой пишут современные исследователи, не порождена самой повседневностью, но именно в её реалиях люди ищут и находят кратчайшие пути адаптации. В этой связи становится особенно важным противостоять тенденции культивирования дилетантизма как способа взаимодействия с тотальной властью техники, СМИ и политических структур. Эта тенденция должна быть сбалансирована стремлением к развитию высших человеческих ценностей: ответственной свободы, достоинства, творчества, идентичности, понимания и взаимопонимания.

«Наука... Математика, кибернетика. Эффективность, оптимальность, информация, обратная связь. Черный ящик. Вроде бы все складно, логично... Нет, не могу вдохновиться эдаким. Чего-то здесь очень важного недостаёт. Чего?» [19, с. 10] — ещё полвека назад размышлял Э. В. Ильенков, одним из первых попытавшийся осмыслить антропологические последствия технологизации культуры. Этот вопрос, обретающий всё новые грани, предстоит осмыслить современным и будущим исследователям наравне с другими аспектами антропологических вызовов современности.

Библиографический список

1. Уайт Л. А. Наука о культуре // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб : Университетская книга, 1997. С. 141–156.
2. Гириц К. Влияние концепции культуры на концепцию человека // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб : Университетская книга, 1997. С. 115–140.
3. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М. : Гардарики, 1998. 784 с.
4. Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М. : Канон+, 2004. 432 с. EDN [QVIBJT](#).
5. Капкан М. В. Культура повседневности: учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2025. 104 с.
6. Станкевич Л. П., Полякова И. П. Феномен повседневности: сущность, содержание и целостность // Философия и общество. 2009. № 2(54). С. 72–81. EDN [KWHRCB](#).
7. Козлова Н. Н. Повседневность // Новая философская энциклопедия : в 4 томах. Т. 3. М. : Мысль, 2001. С. 254–255.
8. Итунина Н. Б., Любимова Е. А. Культура повседневности и ее роль в поддержании этнической идентичности // Гуманитарный научный вестник. 2019. № 6. С. 8–14. DOI [10.5281/zenodo.3602476](#). EDN [USAZPU](#).
9. Лотман М. Ю. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVII–начало XIX века). СПб : Искусство — СПб, 1997. 399 с.
10. Кон И. С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 29–41.
11. Адань, Аотгенхуар, Сум Б. Интерпретация повседневности как совокупности «жизненных миров» и «миров опыта» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7, № 2. С. 151–159. DOI [10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-14](#). EDN [STGIOB](#).
12. Плебанек О. В. Антропологические вызовы современности // Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества : сб. науч. ст. по результатам Международного симпозиума «Гуманизм XXI столетия: К идеологии самосохранения человечества» (СПб, 20–21 ноября 2009). СПб : Санкт-Петербургское культурологическое общество, 2010. С. 77–79.
13. Хачатурян В. М. Архаизация и модернизация в современной России: к проблеме модернизационного потенциала архаики // Исторические повороты культуры: сб. науч. ст. М. : Согласие, 2018. С. 77–85.
14. Крастев И. После Европы. М. : Дело, 2018. 144 с. EDN [QSHJOJ](#).
15. Гусельцева М. С. Человек и мир в ситуации изменений: трансдисциплинарный подход // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2022. № 1. С. 12–34. DOI [10.28995/2073-6398-2022-1-12-34](#). EDN [BDBBNF](#).
16. Итунина Н. Б., Разина Л. С., Фоменков А. И. «Я “прощайте” Вам не сказал» (к 100-летию со дня рождения Э. В. Ильенкова) // Творческое наследие Э. В. Ильенкова и современность. 2024. № 10. С. 6–16. EDN [NJOGBE](#).
17. Лекторский В. А. Об Эвальде Васильевиче Ильенкове // Вопросы философии. 2024. № 3. С. 5–7. DOI [10.21146/0042-8744-2024-3-5-7](#). EDN [VZEANR](#).
18. Образ Эвальда Ильенкова в воспоминаниях : сб. / Авт.-сост. и отв. ред. Г. В. Лобастов. М. : Русская панорама, 2024. 448 с.
19. Ильенков Э. Об идолах и идеалах. 2-е изд. Киев : Час-Крок, 2006. 312 с.
20. Седых О. М. Концепт культуры в цифровой антропологии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2024. Т. 48, № 3. С. 44–60. DOI [10.55959/MSU0201-7385-7-2024-3-44-60](#). EDN [AKFBVW](#).
21. Miller D., Horst H. A. The Digital and the Human: A Prospectus for Digital Anthropology // Digital anthropology / Ed. by H. A. Horst, D. Miller. London; N.Y. : Berg, 2012. P. 3–38. DOI [10.4324/9781003085201-2](#).
22. Человек и системы искусственного интеллекта / В. А. Лекторский, С. Н. Васильев, В. Л. Макаров [и др.]. СПб : Издательство «Юридический центр», 2022. 328 с. EDN [XSBHKY](#).
23. Зарубина Н. Н. Упрощенные социальные практики как способ адаптации к сложному социуму // Социологические исследования. 2014. № 5(361). С. 37–46. EDN [SEJMWI](#).

Поступила: 17.03.2025. Доработана: 30.04.2025. Принята: 15.05.2025.

Сведения об авторах:

Ивенкова Ольга Александровна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и философии, Смоленский государственный университет. Смоленск, Россия.

Ivenckova@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 527048; ORCID: 0000-0001-7534-1238

Итунина Нина Борисовна, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и философии, Смоленский государственный университет. Смоленск, Россия.

nina.itunina@mail.ru

Author ID РИНЦ: 585344

O. A. Ivenkova¹, N. B. Itunina¹

¹ Smolensk State University, Smolensk, Russia

EVERYDAY CULTURE IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES: A SOCIO-ANTHROPOLOGICAL APPROACH

Abstract. The modern contradictory and risk-generating sociocultural dynamics necessitate the actualization of philosophical and culturological analysis regarding the anthropological meaning of culture in general, and everyday culture in particular. The aim of this study is to examine theoretical interdisciplinary approaches to understanding the anthropological significance of everyday culture and to identify their functional potential for addressing contemporary problems. Philosophical-historical, culturological, and semiotic approaches are used in the analysis, including elements of the comparative-historical method for examining the phenomenon of everyday culture and its connection with historical sociocultural processes. The authors reveal various dimensions of the anthropological meaning of everyday culture as a micro-level slice of culture where deep layers of cultural heritage are accumulated and transmitted, while at the same time new forms of human identity are formed. Based on interdisciplinary research, key anthropological challenges of the modern era have been identified: coexistence of archaic and modernized cultures; evolutionary-biological changes affecting humanity; preservation of corporeality as an anthropological value; and human self-realization in the context of artificial intelligence development. It is concluded that under ongoing sociocultural, ecological, and technological transformations, everyday culture becomes an area of heightened vulnerability and simultaneously a source of resistance to destructive tendencies, preserving the profound anthropological potential of society and the individual.

Keywords: everyday culture, anthropological meaning of culture, anthropological challenges, identity, digital transformation, personality

For citation: Ivenkova O. A., Itunina N. B. Everyday culture in the context of modern challenges: a socio-anthropological approach. *Science. Culture. Society*. 2025;31(2):50–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.2.4>

References

1. White L. A. The Science of Culture. In: *Anthology of Cultural Studies*. Vol. 1. Interpretation of Culture. Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga; 1997. P. 141–156. (In Russ).
2. Geertz C. The Interpretation of Cultures. In: *Anthology of Cultural Studies*. Vol. 1. Interpretation of Culture. Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga; 1997. P. 115–140. (In Russ).
3. Cassirer E. *Favorites. An Essay on Man*. Moscow: Gardarika; 1998. (In Russ).
4. Kasavin I. T., Schavelev S. P. *Analysis of everyday reality*. Moscow: Canon+; 2004. (In Russ).
5. Kapkan M. V. *Culture of Everyday Life: a Textbook for Universities*. Moscow: Yurait; 2025. (In Russ).
6. Stankevich L. P., Polyakova I. P. The Phenomenon of Everyday Life: Essence, Content and Integrity. *Philosophy and Society*. 2009; (2):72–81. (In Russ).
7. Kozlova N. N. Everydayness. In: *New Philosophical Encyclopedia: In 4 volumes*. Vol. 3. Moscow: Mysl'; 2001. P. 254–255. (In Russ).

8. Itunina N. B., Lyubimova E. A. Culture of Everyday Life and its Role in Maintaining Ethnic Identity. *Humanitarian Scientific Bulletin*. 2019;(6):8–14. (In Russ). DOI [10.5281/zenodo.3602476](https://doi.org/10.5281/zenodo.3602476).
9. Lotman M. Y. Conversations about Russian Culture. The Life and Traditions of the Russian Nobility (XVII-early XIX Century). Saint Petersburg: Iskusstvo — SPB; 1997. (In Russ).
10. Con I. S. Human Sexualities at the Turn of the XXI Century. *Voprosy Filosofii*. 2001;(8):29–41. (In Russ).
11. Adan, Aotgenhuar, Sum B. Interpretation of everyday life as a set of “life worlds” and “worlds of experience”. *Research Result. Social Studies and Humanities*. 2021;7(2):151–159. (In Russ). DOI [10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-14](https://doi.org/10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-14).
12. Plebanek O. V. Anthropological Challenges of Modernity. In: Cultural Studies and Global Challenges of Modernity: Towards the Development of Humanistic Ideology of Mankind's Self-Preservation: coll. of scient. art. based on the results of the International Symposium 'Humanism of the XXI Century: Towards an Ideology of Mankind's Self-Preservation' (St. Petersburg, 20-21 November 2009). St. Petersburg: SPbKO Publ., 2010. P. 77–79. (In Russ).
13. Khachatourian V. M. Archaization and Modernization in Modern Russia: to the Problem of Modernisation Potential of Archaics. In: Historical turns of culture: coll. of scient. art. Moscow: Soglasie; 2018. P. 77–85. (In Russ).
14. Krastev I. After Europe. Moscow: Delo; 2018. (In Russ).
15. Guseltseva M. S. Man and the World in a Situation of Change: a Transdisciplinary Approach. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*. 2022;(1):12–34. (In Russ). DOI [10.28995/2073-6398-2022-1-12-34](https://doi.org/10.28995/2073-6398-2022-1-12-34).
16. Itunina N. B., Razina L. S., Fomenkov A. I. I Didn't Say Goodbye to You” (on the 100th Anniversary of the Birth of E. V. Ilyenkov). *Creative Heritage of E. V. Ilyenkov and Modernity*. 2024;(10):6–16. (In Russ).
17. Lectorsky V. A. About E. V. Il'enkov. *Voprosy Filosofii*. 2024;(3):5–7. (In Russ). DOI [10.21146/0042-8744-2024-3-5-7](https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-3-5-7).
18. Lobastov G. V. (auth.-comp., ed.) The Image of Evald Ilyenkov in Memoirs. Moscow: Russkaya panorama; 2024. (In Russ).
19. Ilyenkov E. About Idols and Ideals. 2nd ed. Kiev: Chas-Krok; 2006. (In Russ).
20. Sedykh O. M. The Concept of Culture in Digital Anthropology. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2024;48(3):44–60. (In Russ). DOI [10.55959/MSU0201-7385-7-2024-3-44-60](https://doi.org/10.55959/MSU0201-7385-7-2024-3-44-60).
21. Miller D., Horst H. A. The Digital and the Human: Prospectus for Digital Anthropology. In: Horst H. A., Miller D. (eds). Digital anthropology. London; N.Y. : Berg; 2012. P. 3–38. DOI [10.4324/9781003085201-2](https://doi.org/10.4324/9781003085201-2).
22. Lektorsky V. A., Vasiliev S. N., Makarov V. L. [et al.] Man and Artificial Intelligence Systems. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Publ.; 2022. (In Russ).
23. Zarubina N. N. Simplified Social Practices as an Adopting Means to Complex Socium. *Sociological Studies*. 2014;(5):37–46. (In Russ).

Received: 17.03.2025. Corrected: 30.04.2025. Accepted: 15.05.2025.

Author information:

Olga A. Ivenkova, Candidate of Philosophy, Associate professor, Head of the Department of Sociology and Philosophy, Smolensk State University. Smolensk, Russia.

Ivenckova@yandex.ru

ORCID: [0000-0001-7534-1238](https://orcid.org/0000-0001-7534-1238)

Nina B. Itunina, Candidate of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology and Philosophy, Smolensk State University. Smolensk, Russia.

nina.itunina@mail.ru

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.2.5](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.5)
EDN [NTIEVD](https://edn.ru/NTIEVD)
УДК 316.323.6

В. В. Мухачёв¹

¹ ИСПИ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

МЕЩАНЕ И МЕЩАНСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА И ФЕНОМЕН БУРЖУАЗНОЙ КУЛЬТУРЫ: МАРКСИСТСКИЙ ПОДХОД

Аннотация. Статья посвящена месту и роли мещан и мещанства как *мелкобуржуазному* слою городских жителей, которые, занимаясь *ремесленно-торговой* деятельностью на «обочине» земледельческой экономики феодального общества, оказались *авангардом* буржуазии как таковой и пионерами капиталистического способа производства. История мещанства началась в IX–XI вв., когда в феодальной Европе возрождались античные и строились новые города, первые жители которых, в основном, были ремесленниками и торговцами, обеспечивавшими обмен продуктами труда между городом и деревней. С них началась история буржуазии, её развитие из мещан как мелких производителей, ведущих товарное производство, до использующих наёмный труд купечества, собственников мануфактур, заводов, фабрик и владельцев банков. Этот, напрямую связанный с материальным производством слой горожан, со временем породил особый социально-психологический тип личности, распространившийся впоследствии среди представителей разных слоёв и профессий городского населения нового и новейшего времени. Основой бытия мещан являются *товарное* производство и *торговля* как средство обмена между товаропроизводителями, которая играет в обществе противоречивую роль, поскольку её задачей является получение коммерческой *выгоды*, что открывает простор обману, мошенничеству и прочим нарушениям существующих в обществе норм морали и нравственности. Торговая сторона жизнедеятельности мещан формирует в них особый тип личности с соответствующей психологией и образом мыслей, который в последующем широко распространяется в обществе и усваивается представителями других слоёв и профессий городского населения.

Ключевые слова: мещанин, мещанство, мелкая буржуазия, капиталистический способ производства, торговля, мещанский тип личности

Для цитирования: Мухачёв В. В. Мещане и мещанство как социальная группа и феномен буржуазной культуры: марксистский подход // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 62–74. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.5](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.5). EDN [NTIEVD](https://edn.ru/NTIEVD).

История не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах»! Не «история», а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство (1844)

Введение. «Мир стал как никогда хрупким. Мир буквально повис на ниточке. Мещанская цивилизация подвела человечество к краю пропасти, за которой гибель в результате всеобщей войны стала реальнее любой фантазии “помешанного из XXI века”. Голод, болезни, нехватка ресурсов, разгул насилия, растления и саморазрушения ...массовая гибель в итоге — это тоже вид войны человечества против самого себя.

Идеал, движущая сила, «клеточка» этой умирающей цивилизации — это мещанин, эгоист, буржуа. Имён у него много, суть одна, человек, замкнутый на себя, полагающий окружающий мир своей собственностью, или местом реализации любых своих эгоистичных желаний.

Мещанский способ производства поглотил все и вся. Он многолик, но все так же убог по своей сути, как и тысячи лет назад. Откуда он появился? И куда он идёт? Этот мир, основанный на таком прочном фундаменте, состоящем из убийственной «клеточки» — мещан?». С этих слов начинается книга В. М. Чернышева «Мещанский способ производства: мещане» [1, с. 3].

В повседневной жизни о *мещанах* и *мещанстве* ввиду их безмерной заботы о личном благосостоянии и быте при явном безразличии к *первоочередным* нуждам, интересам и возможностям общества почти всегда говорят осуждающе. Но говорят, как правило, между собой, *приватно*, а не *публично*. Тема мещан как отдельного социального слоя и мещанского социально-психологического типа личности, пренебрегающего общепринятыми нормами морали, редко становится предметом открытого честного разговора писателя или учёного с читателем, политика с обществом. Причина тому лежит на поверхности — говорить на эту тему для многих означает говорить и *о себе самом*.

В обществе, где господствуют частная собственность и частные интересы, где обмен продуктами труда между людьми предполагает получение *личной выгоды* и осуществляется посредством *торговли*, торга между покупателем и продавцом, там господствуют *свои* мораль, нравы и правила приличия. Здесь у многочисленной части населения, не владеющей значительным капиталом и вынужденной, выживая или пробиваясь «наверх», полагаться, прежде всего, на свою способность к труду, *чрезмерно* развивается чувство эгоизма, которое, выходя за пределы разумного, становится определяющей чертой характера человека. В *таком* обществе трудно не быть мещанином. И потому прав автор книги «Обыкновенное мещанство» Ю. Белов, когда пишет, что «мещанство всеядно, от него никто не застрахован» [2, с. 7].

Человеку в *таком* обществе, чтобы не стать мещанином, нужно уметь бороться с собственным *эгоцентризмом*, быть способным во имя общих нужд и интересов общества, коллектива, бороться с мещанским желанием иметь *всё* сразу, здесь и сейчас, и стремлением к уровню жизни, который явно *превышает* среднюю норму потребления продуктов общественного производства, достигнутую в той или иной стране к определённом периоду её исторического развития.

Полной противоположностью мещанина как полного, законченного индивидуалиста и *эгоиста* в истории человечества был и остаётся индивид-*альтруист*, который убеждён в необходимости приоритета общего перед частным, личным, и во имя социальной справедливости способен жертвовать своим «Я». Как благосостоянием, так и жизнью. История знает и таких людей. В сравнении с огромной армией мещан их не так много, но именно они спасают увязшие в социально-экономическом неравенстве общества от полного и окончательного погружения в пучину мещанства, а некоторые из них навсегда сохраняются в памяти людей и становятся прообразами литературных героев — античного Прометея или горьковского Данко. К ним, в первую очередь, относятся тысячи и тысячи революционеров прошлого и настоящего, от Спартака до Че Гевары. И человечеству есть чем здесь гордиться, но у него есть и то, чего ему следует стыдиться и с чем должно бороться.

Мещане и мещанство за фасадом языка. Их мелкобуржуазная сущность. Познание человеком окружающего его мира движется от явления к его содержанию и сущности: сначала от внешних форм проявления сущности первого порядка, затем к сущности второго, третьего порядка и т.д. При этом, случается так, что, когда сущность явления мыслью исчерпана, кто-то возвращается к одной из *внешних* форм существования этого явления и посредством её вновь начинает рассматривать, описывать и анализировать уже познанное. Зачастую такой отправной точкой «познания познанного» становится *язык* людей, представляющий собой *знаковую* (материальную) форму *идеального* содержания сознания. «На “духе”, — писали Маркс и Энгельс, излагая в первой главе «Немецкой идеологии» открытое ими материалистическое понимание истории, — с самого начала лежит проклятие — быть “отягощенным” материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоёв воздуха, звуков, словом — в виде языка» [3, с. 39].

Книга В. Чернышева «Мещанский способ производства: мещане» — пример подобного анализа. Для её автора слова «мещанин» и «мещанский» указывают «на содержание современного способа производства и обмена в большинстве стран мира, а также на основных “носителей” идеологии и повседневной жизни этого экономического строя» [1, с. 6]. Более того, он считает, что название «современного способа производства и обмена», который «принято уже два столетия называть буржуазным», *не подходит* «для ясного понимания процесса его возникновения, развития и отмирания» и что «гораздо точнее и понятнее для русского слуха и сознания слово “мещанский”», которое *для него* «собственно и определяет однозначно и прочно жизнь и судьбу данного способа производства» [1, с. 4].

С тем, что для *русского* слуха и сознания слово «мещанский» привычнее и понятнее, чем лексема «буржуазный», пожалуй, можно согласиться. Но то, что это слово «гораздо точнее» определяет *капиталистический* способ производства, принять нельзя. Здесь приходится вспомнить, что буржуазией является определённый класс людей, которые, обладая капиталами и используя свободный от *внеэкономического* принуждения труд, организуют уже *внутри* феодального общества *капиталистический* способ производства, а затем, одержав политическую победу над феодальной аристократией, создают на нём как экономическом *базисе* собственное (буржуазное!) общество с *соответствующей* ему идеологической *надстройкой* — государством, политикой, правом и культурой, от воспитания и образования до науки, литературы, искусства.

Что же такого волшебного для теории познания нашёл Чернышев в словах «мещанин» и «мещанский»? С точки зрения языкознания существительные «мещанин», «мещане», «мещанство» и прилагательное «мещанский» являются *однокорневыми*, родственными, словами, где «мещанин» является *производящим*, а остальные — *производными* от него. В морфологическом отношении слова «мещанин» и «мещанство» — существительные единственного числа, но первое — одушевлённое и мужского рода, а второе — неодушевлённое и среднего рода. Обозначая слой людей, относящийся к буржуазии и капиталистическому способу производства, они, отнюдь, не подменяют собой теоретически более точные, экономической наукой найденные, названия того и другого.

На наш взгляд, В. Чернышев придаёт понравившимся ему словам неоправданно широкое значение, не считаясь с тем, что они родом из языка *повседневной* жизни и относятся к *обыденному* сознанию. Именно оттуда они пришли в литературу, публицистику и *либеральную* политэкономию, которая, писал

Энгельс, «обычно брала термины коммерческой и промышленной жизни в том виде, как их находила, и оперировала ими, совсем не замечая, что тем самым она ограничивает себя узким кругом понятий, выражаемых этими терминами» [4, с. 32]. Не случайно, другой выдающийся марксист предупреждал многочисленных «искателей истины», что «с обывательскими понятиями нельзя браться за теоретические вопросы» [5, с. 94].

Поэтому, прежде чем описывать, характеризовать и, тем более, *определять* капиталистический способ производства посредством лексем «мещанский», «мещане» или «мещанство», следует за фасадом языка увидеть и понять сущность мещанства как социального явления, которое, отражаясь в сознании, обозначается в языке и получает в нем своё имя.

История мещан (и мещанства) началась в IX–XI вв., когда в *феодальной* Европе принялись возрождать античные и строить новые города, жители которых уже не были связаны с сельскохозяйственным трудом крестьянства, а занимались *ремеслом* и *торговлей*, деятельностью, которая, писал Маркс, *старшие* капиталистического способа производства, т.к. используемый в ней *торговый* капитал «представляет собой исторически древнейшую свободную форму существования капитала» [6, с. 357], обеспечивающую обмен продуктами крестьянского и ремесленного труда между городом и деревней. Причём, аналогичные процессы в IX–XIII вв. происходили в Киевской Руси, где ко времени нашествия Батыя в 1237 г. уже насчитывалось около 300 городов [7].

Этот всемирно-исторический факт разделения общественного труда, когда ремесло (промышленность) отделилось от земледелия, отразился в головах европейцев и получил своё лексическое выражение в языке. Именно тогда для обозначения жителей средневековых городов Европы, ранее феодальному обществу неизвестного слоя людей, появились новые слова, которые затем уже как иностранные могли *мигрировать*, использоваться разными народами и получать прописку в других языках. В частности, такое случилось с русскими словами «мещанин» и «мещанство».

У русской лексемы «мещанин» *польские* корни. Она представляет собой кальку со слова “mieszkaniec”, которым в средние века обозначали *жителей* польских “miasto” («место», «город»), где *обитали* эти люди, занимаясь ремёслами и торговлей. Такие ремесленники и торговцы населяли города многих стран и государств средневековой Европы, где их также определяли, прежде всего, по месту жительства и называли «горожанами» («обитателями»). И “burger” в Германии, и “bourgeois” во Франции произошли от слова “burg” (город). В Англии людей, которых в Польше называли “mieszkaniec”, обозначали разными словами, от унаследованного после римлян из латыни архаического “inhabitant”, означавшее «живое существо (a person or animal), обитающее в *определённом* месте», до более поздних “townsfolk” или “townspeople”.

В дальнейшем развитие представлений и понятий европейцев о жителях городов шло от *общего* для них определения по месту жительства к *особенностям* профессиональной деятельности ремесленников и торговцев, их *специализации* в процессе разделения труда и связанным с этим социально-экономическим различиям. Соответственно меняющейся реальности происходили изменения в лексике европейцев, где слова, используемые для обозначения мещан, уточнялись и дополнялись новыми значениями. В конце концов, в Германии мещан стали называть “Kleinburger” (мелкий буржуа), во Франции — “bourgeois”, а в Англии — “merchant” (торговец), “shopkeeper” (лавочник) или “tradesman”.

Последнее в переводе на русский означало «лицо, которое занимается торговлей или ремеслом в сравнительно небольших масштабах». При этом, лексема “tradesman” одновременно относилась к профессиям *торговца, купца, лавочника и ремесленника*. Все они, немецкие “Kleinburger”, французские “bourgeois” и английские “tradesmans” были в своих странах теми, кого в русском языке до реформ Петра I и Екатерины II называли «посадскими», и только в западных, пограничных с Польшей и Литвой, областях России с конца XVI в. именовали по-польски «мещанами».

В традиционной для феодального общества социальной структуре, где *дворянство* и *духовенство* пользовались привилегиями, горожане-мещане для представителей высших сословий были людьми низкого происхождения, простолюдинами. На социальной лестнице того общества они стояли выше *крепостных* крестьян, но ниже сословий дворянства и духовенства. Поэтому с самого начала слова «мещанин», «мещане» и «мещанство» имели *два* значения, или *двойной* смысл. Прежде всего, эти слова отличали мещан-*горожан* от крестьян и дворян *географически* — по *месту* их жительства, проживания на территории того или иного государства. В другом, переносном, смысле эти слова определяли тех же людей, говоря современным языком, *социологически*, указывая на *низкое* положение «бюргеров» в *социальной структуре* феодального общества. Здесь синонимом мещанина выступала, имеющая оттенок презрительности и пренебрежительности уничижительная лексема «обыватель» (“obywatel” по-польски, philister по-немецки, philistine по-английски). Соответственно, антонимами этих слов в средние века выступали обозначавшие *привилегированное* сословие лексемы «дворянин», «рыцарь», «джентльмен», «барин».

Возникнув при феодализме, мещане *объективно*, не зная того, стали *мелкой* городской буржуазией, предвестниками нового в истории человечества *капиталистического* периода развития. С этим и связана *социально-экономическая* сущность мещан. Употребив в работе против П. Струве, буржуазного экономиста и по совместительству «легального марксиста», слово «мещанский», Ленин пояснил: «Выражение “мещанский” употребляю я не в обыденном, а в политико-экономическом значении слова. Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства, — вот два признака, составляющие понятие “мелкого буржуа”, Kleinburger’a или, что то же, мещанина» [8, с. 413]. Говорить о мещанах или мещанстве означает всегда говорить о мелкой, в городах живущей, буржуазии в виде «мелких производителей, хозяйничающих при системе товарного производства». Политико-экономический подход в понимании мещанина и мещанства выходит *за пределы* лексики, языка; он связывает этих людей с социально-экономической действительностью, с производственными отношениями, способом производства и потому противостоит позиции В. Чернышева, для которого «сущность и судьба» мещанина заключена в его «наименовании» [1, с. 71].

Если забывать о *политико-экономическом* значении слов «мещанин» и «мещанство», что свойственно идеологам буржуазии, то легко забыть о социально-экономических различиях между *разными* классами людей и *первопричине* этих различий — частной собственности на средства производства. Тогда легко подменить научный, требующий материалистической точности, анализ *идеологией*, той, по определению Маркса и Энгельса, разновидностью сознания, где господствует «чистая», лишённая экономической эмпирии, теория, которая, писали они, не знает действительности или *превратно* и *ложно* отражает её, оказываясь «литературой о литературе», «фразами о фразах».

Место и роль торговли в истории мещанства, буржуазии и капитализма. Осуществляя материальную связь между городом и деревней, развивая *национальные* рынки, мещане как *мелкие* производители, хозяйствующие при системе товарного хозяйства, сыграли важную роль в истории капитализма, в развитии буржуазии как *нового*, идущего на смену феодальной аристократии, класса частных собственников, олицетворяющих собой капиталистический способ производства. Они — «первичная буржуазия». Выступив в качестве *зародыша* буржуазии и первопроходца капиталистического способа производства, мещане по мере развития капитализма, как и во времена феодализма, были и остаются *низшим* слоем по отношению к вырастающей из него *крупной* промышленной, торговой и финансовой буржуазии. Пользуясь удачным выражением В. Чернышева, мещане — это «планктон», «питательный бульон», в котором развивается капиталистический способ производства и произрастает средняя и крупная буржуазия — купечество разных гильдий, капиталисты-промышленники и банкиры-ростовщики [1, с. 19, 22].

Основой образа жизни и психологии мещан является обусловленная существованием частной собственности *торговая* деятельность человека, которая в истории общества играет *противоречивую* роль. С одной стороны, как форма обмена продуктами труда торговля служит удовлетворению самых разнообразных, от насущных до эксклюзивных, потребностей людей, экономически связывает город с деревней, страну со страной и способствует превращению истории отдельных этносов, народов и наций во *всеобщую* историю человечества. Но, с другой стороны, в нравственном отношении торговля как вид деятельности, целью которой является получение коммерческой *выгоды*, безнравственна, порочна и аморальна. «Дёшево купить, чтобы дорого продать, — вот закон торговли», — писал автор «Капитала» [6, с. 362]. В основе мещанства как особого типа личности лежит *гипертрофированный* эгоизм мелкого буржуа, ставящего собственное благополучие и *личное потребление* продуктов общественного труда *выше* интересов коллектива, общества, человечества. Следствиями такого непомерно развитого эго становятся, с одной стороны, алчность, корысть, цинизм, а с другой — приземлённость сознания, навязчивая забота о постоянном росте личного потребления, отсутствие интереса к общественной жизни, духовная скудость внутреннего мира человека.

На заре буржуазной политэкономии существовало иллюзорное представление, будто торговля представляет собой «обмен эквивалентов». Но такое, где «сделка, в которой выигрывают обе стороны», возможна, согласно автору «Капитала», лишь в отношении обмена *потребительными* стоимостями, происходящего по формуле $T - D - T$ и то *при условии*, что процесс обращения товаров происходит в «чистой форме», которая в действительности *не существует* [9, с. 168, 171]. В действительности при капитализме преобладает капиталистическая торговля *меновыми* стоимостями по формуле $D - T - D$ и потому, если «в отношении потребительной стоимости оба контрагента могут выиграть, то на *менной* стоимости они не могут оба выиграть. Здесь господствует скорее правило: «Где равенство, там нет выгоды»» [9, с. 169].

Вопреки всей практике капиталистической торговли и потому лицемеря, либеральные политики и теоретики любят фантазировать на тему «*справедливых*» экономических отношений и «*взаимовыгодного*» сотрудничества. На самом деле, капиталистическая торговля не является «обменом эквивалентов» и *каждый раз* предоставляет одной из сторон торговой сделки — покупателю, или

продавцу — возможность разбогатеть и нарастить свой капитал посредством обмана, надувательства, мошенничества и даже насилия. В древности, когда обмен продуктами труда перерос *первобытный* бартер и у людей в виде средства обмена появились *деньги*, любители пожить за чужой счёт начали торговать деньгами — давать их «в рост». И тогда возникло *ростовщичество*, которое несло разорение и банкротство заёмщикам. В последующем в руках буржуазии оно превратилось уже в банковский кредит, в финансовую зависимость от которого с тех пор попадают физические и юридические лица, промышленные и сельскохозяйственные предприятия, целые отрасли и даже экономика отдельных государств в целом. В мире капитализма современное ростовщичество в виде банковского кредита — это целенаправленная экономическая политика финансовых воротил, олигархов и *их* правительств, о чем подробно повествует Дж. Перкинс, автор книги «Исповедь экономического убийцы» [10].

Анализ истории торговой деятельности привёл Маркса к следующему выводу: «Итак, повсюду, где торговый капитал имеет преобладающее господство, он представляет систему грабежа и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильственным грабежом, морским разбоем, хищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т.д.» [6, с. 364]. Связанные с великими географическими открытиями большие преобразования в торговле XVI–XVII вв. привели к буму *купеческого капитала* и составили, по словам Маркса, «один из главных моментов, содействовавших переходу феодального способа производства в капиталистический» [6, с. 365]. Именно тогда, в период первоначального накопления капитала по мере его расширения от бытовой торговли, базара, городского и национального рынка до мирового рынка из городской мелкой буржуазии, или мещан (ремесленников, мелких торговцев, лавочников и ростовщиков) вырастали ремесленные *мастера*, *начальники цехов*, *мануфактурищики*, *купцы* и *банкиры*, чья торговля носила капиталистический характер и осуществлялась по формуле $D - T - D'$.

В отличие от своих ранних работ, где Маркс не сдерживает эмоций и его язык полон ярких образов, иронии и сарказма в отношении современных ему буржуазных демократов вроде А. Руге или мелкобуржуазных социалистов подобных Прудону, автор «Капитала», анализируя торговлю как разновидность естественно-исторической деятельности людей, говорит о ней, в основном, сухим, свойственным *естествознанию* и *математике*, языком. И совсем иначе, не менее точно, но эмоционально и образно, пишет о торговле молодой Энгельс в статье «Наброски к критике политической экономии» (1844), которые Маркс считал «гениальными» [11, с. 8], и которые стали в истории марксизма заметным шагом в сторону материалистического понимания истории.

По Энгельсу, политическая экономия буржуазии «возникла как естественное следствие распространения торговли, и с ней на место простого ненаучного торгашества выступила развитая система дозволенного обмана, целая наука обогащения», которая возникла «из взаимной зависти и алчности купцов» [12, с. 544]. В меркантилистской системе, которая пришла на смену «ненаучному торгашеству», пишет Энгельс, «алчный характер торговли был уже несколько замаскирован; нации начали понемногу сближаться, заключать торговые договоры и договоры о дружбе», но «по существу это были всё те же старая жадность к деньгам и корыстолюбие, и время от времени они проявлялись в вой-

нах, которые в тот период всегда вызывались торговым соперничеством. Войны эти показали также, что торговля, подобно грабежу, покоится на кулачном праве; без всякого зазрения совести старались хитростью или насилием добиться таких договоров, которые считались наиболее выгодными... У торговли тоже были свои крестовые походы и своя инквизиция» [12, с. 545].

Вскрывая связь буржуазной политэкономии с *практикой* капиталистической торговли купцов, мещан в том числе, Энгельс оставил ряд глубоких, материалистической диалектикой пропитанных и *нашему времени созвучных*, замечаний.

В частности, по поводу противоречия между идеей либеральных экономистов о «национальном богатстве» и теорией «свободы торговли» при господстве частной собственности он писал: «Выражение “национальное богатство” появилось впервые благодаря стремлению либеральных экономистов к обобщениям. Пока существует частная собственность, выражение это не имеет смысла. “Национальное богатство” англичан очень велико, и всё же они — самый бедный народ в мире. Надо или вовсе отбросить это выражение или принять такие предпосылки, при которых оно получило бы смысл. То же относится к выражениям: национальная экономия, политическая, общественная экономия. При нынешнем положении вещей эту науку следовало бы называть *частнохозяйственной* экономией, ибо для неё общественные отношения существуют лишь ради частной собственности.

Ближайшим следствием частной собственности является *торговля*, взаимный обмен предметами необходимости, купля и продажа. При господстве частной собственности эта торговля, как и всякая другая деятельность, должна стать непосредственным источником дохода для торговца; это значит, каждый должен стараться как можно дороже продать и как можно дешевле купить... Словом, торговля есть узаконенный обман. Что практика соответствует этой теории, сможет подтвердить всякий купец, если он захочет воздать должное правде» [12, с. 547–549].

Соотнося лозунг «свободы торговли» с проблемой гуманизма, поставленной перед человечеством ещё в эпоху Возрождения, Энгельс говорил: «Смит был прав, когда он объявлял торговлю гуманной. Абсолютно безнравственного нет ничего на свете; и в торговле есть такая сторона, в которой воздаётся должное нравственности и человечности. Но как воздаётся! Кулачное право средневековья, открытый грабёж на большой дороге стал несколько гуманнее, когда он превратился в торговлю, а торговля стала несколько гуманнее, когда первая её ступень, характеризующаяся запрещением вывоза денег, превратилась в меркантилистскую систему. Теперь и сама эта система стала несколько гуманнее. Разумеется, в интересах торговца поддерживать хорошие отношения как с тем, у кого он дешёво покупает, так и с тем, кому он дорого продаёт... Вот в чём заключается гуманность торговли, и этот *лицемерный способ злоупотребления нравственностью для безнравственных целей* является гордостью системы свободы торговли (курсив мой — В. М.)» [12, с. 549–551].

Мещанство — образ жизни и тип личности городской мелкой буржуазии.

Мещанство — это не только N-е количество мещан-индивидов, или их слой, сословие, но также особый, мещанами созданный, *социально-психологический* тип личности, в характере которого отразились образ жизни и примитивная система ценностей мелкого буржуа-горожанина, вся жизнь которого *подчинена* постоянной заботе получения коммерческой *выгоды*.

Мещанский тип личности сформировался в определённой, связанной с *материальным* производством, *торгово-промышленной* социальной среде, однако позднее, по мере роста населения городов и появления в них *иных*, занятых в сфере *духовного* производства, *мелкобуржуазных* слоёв буржуазного общества, *этот* тип личности наложил свой отпечаток на многих представителей и *других* профессий, связанных с образованием, медициной, юриспруденцией, наукой, литературой, искусством и пр. При капиталистически организованной системе общественного труда иначе и быть не может: «Буржуазия, — отмечали авторы «Манифеста Коммунистической партии», — лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почётными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наёмных работников» [13, с. 427]. Со временем, когда мещанство, мещанская мораль, проникли во все поры буржуазного общества, мещанский тип личности стал предметом острой социальной критики, а сами мещане постоянно оказывались героями сатирических литературных произведений («Корабль дураков» С. Бранта, «Мещанин во дворянстве» Люлли и Мольера, «Ярмарка тщеславия» У. Теккерея, «Гобсек» Бальзака, «Мёртвые души» Гоголя, «Милый друг» Мопассана и др.). Людям, живущим в эпоху глобального капитализма и с утра до вечера видящим и слышащим слово «выгода», не следует забывать, что до капитализма такого не было, поскольку торговля была предметом морального осуждения со стороны большей части общества, а ростовщичество вообще считалось одной из позорнейших профессий и в мировых религиях (христианстве, исламе и иудаизме) признавалось большим грехом. До завершения перехода от феодального способа производства к капиталистическому торговля представителями дворянской культуры рассматривалась как не богоугодное дело и библейский сюжет о том, как Иисус изгнал из своего храма торговцев, неоднократно становился предметом изображения в картинах известных художников эпохи Возрождения (Л. Кранах Старший, Тициан, Эль Греко, И. Босх, Рембрандт и др.).

Русский революционер, глубокий мыслитель и блистательный писатель, в совершенстве владевший безукоризненной стилистикой письма, А. И. Герцен (1812–1870) после двух ссылок за участие в революционной деятельности в 1847 г. эмигрировал из *никولاевской* России в Западную Европу. Наблюдая воочию там торжество буржуазии над побеждённой ею феодальной аристократией, создатель звонившего из Лондона на всю Европу «Колокола» изложил свои впечатления о жизни европейцев на страницах автобиографических очерков, которые составили книгу «Былое и думы». С его слов, эта книга стала отражением «истории в человеке, *случайно* попавшемся на её дороге». В ней Герцен оставил потомкам много точных зарисовок к социальному портрету *европейского* мещанства, чей «тип личности» к тому времени уже распространился на самые разные слои населения. Описывая последствия революции 1848 г. во Франции, Герцен не случайно обнаружил, что кругом «мещане-генералы, мещане-министры, мещане-банкиры кутят, наживают миллионы, теряют миллионы...» и что всем им нужно «бесцветное богатство, в котором золото, как в Первой империи, вытесняет искусство, лоретка — даму, биржевой игрок — литератора» [14, с. 155].

Рассматривая европейское мещанство конкретно-исторически и замечая его особенности в разных странах, Герцен писал: ««Нравы в Италии не изменились новомещанским направлением до такой степени, как во Франции и Англии.

История итальянского мещанства совсем не похожа на развитие буржуазии во Франции и Англии... Мещанство в французском смысле, собственно, представляется в Италии особой средой, образовавшейся со времени первой революции и которую можно назвать, как это делается в геологии, *пизмонтским* слоем. Он отличается в Италии, так же, как во всей материке Европы, тем, что во *многих* вопросах постоянно либерален и *во всех* — боится народа и слишком нескромных толков о труде и зарплате, да ещё тем, что он всегда уступает врагам сверху, не уступая никогда *своим* снизу» [14, с. 325–326].

Продолжая делиться своими впечатлениями от общения с мещанской Европой, Герцен говорил: «Поживши год, другой в Европе, мы с удивлением видим, что вообще западные люди не соответствуют нашему понятию о них, что они *гораздо ниже* его.

В идеал, составленный нами, входят элементы верные, но не существующие более, или совершенно изменившиеся. Рыцарская доблесть, изящество аристократических нравов, строгая чинность протестантов, гордая независимость англичан, роскошная жизнь итальянских художников, искрящийся ум энциклопедистов и мрачная энергия террористов — все это переплавилось и переродилось в целую совокупность других господствующих нравов, *мещанских*. Они составляют целое, т.е. замкнутое, оконченное в себе, воззрение на жизнь, с своими преданиями и правилами, с своим добром и злом, с своими приёмами и с своей нравственностью *низшего порядка*.

Как рыцарь был первообраз мира феодального, так купец стал первообразом нового мира: господа заменились *хозяевами*. Купец сам по себе — лицо стёртое, промежуточное; посредник между одним, который производит, и другим, который потребляет, он представляет нечто вроде дороги, повозки, средства.

Рыцарь был больше *он сам*, больше лицо и берег, как понимал, своё достоинство, оттого-то он, в сущности, и не зависел ни от богатства, ни от места; его личность была главное; в мещанине личность прячется или не выступает, потому что не она главное: главное — товар, дело, вещь, главное — *собственность*.

Рыцарь был страшная невежда, драчун, бретёр, разбойник и монах, пьяница и пиетист, но он был во всем открыт и откровенен; к тому же он всегда готов был лечь костями за то, что считал правым; у него было своё нравственное уложение, свой кодекс чести, очень произвольный, но от которого он не отступал без утраты собственного уважения или уважения равных.

Купец — человек мира, а не войны, упорно и настойчиво отстаивающий свои права, но слабый в нападении; расчётливый, скупой, он во всем видит торг и, как рыцарь, вступает с каждым встречным в поединок, только мерится с ним — *хитростью*. Его предки, средневековые горожане, спасаясь от насилий и грабежа, принуждены были лукавить: они покупали покой и достояние уклончивостью, скрытностью, сжимаясь, притворяясь, обуздывая себя. Его предки, держа шляпу и кланяясь в пояс, обсчитывали рыцаря; качая головой и вздыхая, говорили они соседям о своей бедности, а между тем потихоньку зарывали деньги в землю. Всё это естественно перешло в кровь и мозг потомства и сделалось физиологическим признаком особого вида людского, называемого *средним состоянием*» [14, с. 381–382].

После Герцена к описанию мещанства и сопоставлению мещанской морали с нравами и представлениями дворянского сословия о добре и зле обращались разные писатели, включая социологов недавнего времени [15]. Но у немногих из них была подобная *герценовской* эстетика языка и глубина мысли.

Принадлежность к мещанскому сословию, как правило, передавалась по наследству, однако, происхождение «из мещан» не обрекало людей на образ жизни и торгашескую психологию мещанства. Критикуя мелкобуржуазную демократию, Маркс вместе с тем говорил: «...не следует думать, что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию или индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли» [16, с. 148]. Эти слова в полной мере относятся и к мещанам. Некоторые из «мещан по происхождению» строили свою жизнь в стороне от мещанской среды и даже в противоположность ей. Так, сравнивая якобинца М. Робеспьера, «великого мещанина с улицы Сент-Оноре», с представителем немецкой классической философии И. Кантом, Г. Гейне писал, что «тип мещанина в высшей степени выражен в обоих: природа предназначила их к обвешиванию кофе и сахара, но судьба захотела, чтобы они взвешивали другие вещи, и одному бросила на весы короля, другому — Бога...» [17, с. 137].

Всеобъемлющую и материалистически точную оценку *моральных издержек* человечества при господстве частной собственности и товарно-денежных отношений дал Маркс в «Нищете философии» (1847). Там он писал: «Наконец, пришло время, когда всё, на что люди привыкли смотреть как на неотчуждаемое, сделалось предметом обмена и торговли и стало отчуждаемым. Это — время, когда даже то, что дотоле передавалось, но никогда не обменивалось, дарилось, но никогда не продавалось, приобреталось, но никогда не покупалось, — добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т.д., — когда всё, наконец, стало предметом торговли. Это — время всеобщей коррупции, всеобщей продажности, или, выражаясь терминами политической экономии, время, когда всякая вещь, духовная или физическая, сделавшись меновой стоимостью, выносятся на рынок, чтобы найти оценку, наиболее соответствующую её истинной стоимости» [18, с. 73–74].

Эта сущностная характеристика Марксом буржуазного общества является *всеобщей*, она относится не только к Франции середины XIX в., но в целом ко всем капиталистическим странам, где в последние 200 лет буржуазия установила своё экономическое и политическое господство, дав полный простор капиталистическому способу производства. В ней россияне сегодня без труда распознают *постсоветскую*, буржуазно-капиталистическую, Россию.

(Продолжение статьи, раскрывающее тему мещанства в контексте истории и судьбы России, будет опубликовано в одном из следующих выпусков журнала).

Библиографический список

1. Чернышев В. М. Мещанский способ производства: мещане. Издательская группа «Утопия», 2014. 74 с.
2. Белов Ю. Обыкновенное мещанство. Статьи и очерки. М. : Изд-во ИТРК, 2019. 368 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений : (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М. : Политиздат, 1966. 152 с.
4. Энгельс Ф. Предисловие к английскому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23: Капитал. Критика политической экономии. М. : Политиздат, 1960. 907 с.
5. Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 30: Июль 1916 — февраль 1917. М. : Политиздат, 1962. 561 с.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25, ч. 1. М. : Политиздат, 1961. 554 с.
7. Куза А. В. Малые города Древней Руси. М. : Наука, 1989. 168 с. EDN [WFZSZT](#).

8. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и его критика в книге г. Струве : (Отражение марксизма в буржуазной литературе) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1: 1893 — 1894. М. : Политиздат, 1967. 663 с.
9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23: Капитал. Критика политической экономии. М. : Политиздат, 1960. 907 с.
10. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы : пер. с англ. М. : Претекст, 2010. 350 с. EDN [QTMSJF](#).
11. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13: январь 1859 — февраль 1860. М. : Политиздат, 1959. 771 с.
12. Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1: 1842—1844. М. : Политиздат, 1955. 699 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4: май 1846 — март 1848. М. : Политиздат, 1955. 616 с.
14. Герцен А. И. Сочинения в 9 т. Т. 5: Былое и думы. Ч. 4-5. М. : Гослитиздат, 1956. 770 с.
15. Оссовская М. Рыцарь и буржуа : Исследования по истории морали : пер. с польского. М. : Прогресс, 1987. 528 с.
16. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8: август 1851 — март 1853. М. : Политиздат, 1957. 705 с.
17. Гейне Г. К истории религии и философии в Германии : пер. с нем. М. : Прогресс, 1994. 226 с.
18. Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4: май 1846 — март 1848. М. : Политиздат, 1955. 616 с.

Поступила: 18.04.2025. Принята: 23.05.2025.

Сведения об авторе:

Мухачёв Вадим Владимирович, доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.
vadism@rambler.ru
Author ID РИНЦ: 809770

V. V. Mukhachev¹

¹ ISPR FCTAS RAS. Moscow, Russia

TRADESMEN AND PHILISTINISM AS A SOCIAL GROUP AND A PHENOMENON OF BOURGEOIS CULTURE: A MARXIST APPROACH

Abstract. The article is devoted to the place and role of the tradesman and the philistinism as a petty bourgeois stratum of urban residents who, engaged in handicraft and trade activities on the “sidelines” of the agricultural economy of feudal society, turned out to be the vanguard of the bourgeoisie as such and the pioneers of the capitalist mode of production. The history of the philistinism began in the IX-XI centuries, when ancient cities were revived and new ones were built in feudal Europe, the first inhabitants of which were mainly artisans and traders who ensured the exchange of products of labor between the city and the village. With them began the history of the bourgeoisie, its development from the petty bourgeoisie as small producers, conducting commodity production, to the merchants, owners of manufactories, factories, plants and bank owners, using hired labor. This layer of townspeople, directly connected with material production, eventually gave rise to a special socio-psychological personality type, which subsequently spread among representatives of different layers and professions of the urban population of modern and contemporary times. The basis of the existence of the philistinism is commodity production and trade as a means of exchange between commodity producers, which plays a contradictory role in society, since its task is to obtain commercial benefits which opens up space for deception, fraud and other violations of

the existing norms of morality and ethics in society. The trading side of the life of the tradesman forms in them a special type of personality with a corresponding psychology and way of thinking, which subsequently spreads widely in society and is adopted by representatives of other layers and professions of the urban population.

Keywords: tradesman, philistinism, petty bourgeoisie, capitalist mode of production, trade, philistine personality type

For citation: Mukhachev V. V. Tradesmen and philistinism as a social group and a phenomenon of bourgeois culture: a Marxist approach. *Science. Culture. Society*. 2025;31(2):62–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.2.5>

References

1. Chernyshev V. M. The petty-bourgeois mode of production: The bourgeoisie. Utopia Publ. Group; 2014. (In Russ.).
2. Belov Yu. Ordinary Petty-Bourgeoisie. Articles and essays. Moscow: ITRK Publ. House; 2019. (In Russ.).
3. Marx K., Engels F. Feuerbach. The Opposition of the Materialist and Idealist Outlooks: (A new publication of the first chapter of The German Ideology). Moscow: Politizdat; 1966. (In Russ.).
4. Engels F. Preface to the English Edition. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 23: Capital. A Critique of Political Economy. Moscow: Politizdat; 1960. (In Russ.).
5. Lenin V. I. On the Caricature of Marxism and on "Imperialist Economism". In: Lenin V. I. Complete Collected Works. Vol. 30: July 1916 – February 1917. Moscow: Politizdat; 1962. (In Russ.).
6. Marx K. Capital. Critique of Political Economy. Vol. 3, Part 1. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 25, Part 1. Moscow: Politizdat; 1961. (In Russ.).
7. Kuza A. V. Small Towns of Ancient Rus. Moscow: Nauka; 1989. (In Russ.).
8. Lenin V. I. The Economic Content of Narodnichestvo and Its Critique in Struve's Book: (A Reflection of Marxism in Bourgeois Literature). In: Lenin V. I. Complete Collected Works. Vol. 1: 1893 – 1894. Moscow: Politizdat; 1967. (In Russ.).
9. Marx K. Critique of Political Economy. Vol. 1. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 23: Capital. A Critique of Political Economy. Moscow: Politizdat; 1960. (In Russ.).
10. Perkins J. Confessions of an Economic Hit Man. Moscow: Pretext; 2010. (In Russ.).
11. Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 13: January 1859 – February 1860. Moscow: Politizdat; 1959. (In Russ.).
12. Engels F. Outlines of a Critique of Political Economy. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 1: 1842–1844. Moscow: Politizdat; 1955. (In Russ.).
13. Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 4: May 1846 – March 1848. Moscow: Politizdat; 1955. (In Russ.).
14. Gertsen A. I. Collected Works in 9 Vols. Vol. 5: Bygone Days and Thoughts. Part 4–5. Moscow: Goslitizdat; 1956. (In Russ.).
15. Ossowska M. Ethos rycerskie i jego odmiany. Moscow: Progress; 1987. (In Russ.).
16. Marx K. The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 8: August 1851 – March 1853. Moscow: Politizdat; 1957. (In Russ.).
17. Heine H. Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland. Moscow: Progress; 1994. (In Russ.).
18. Marx K. Poverty of Philosophy. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 4: May 1846 – March 1848. Moscow: Politizdat; 1955. (In Russ.).

Received: 18.04.2025. Accepted: 23.05.2025.

Author information:

Vadim V. Mukhachev, Doctor of Philosophy, Professor, Main researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
vadism@rambler.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.2.6](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.6)
EDN [GVXQFR](https://edn.gvxqfr)
УДК 316.4

Н. И. Белова¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН (1917–1940)

Аннотация. В контексте теории общественного договора рассмотрены два исторических периода, в течение которых наблюдались существенные изменения в основных принципах организации здравоохранительной политики государства. К формированию прообраза современной системы здравоохранения государство приступило в первые годы советской власти сразу после Октябрьской революции. Начальный период (1917–1929 гг.) институционального строительства сферы охраны здоровья населения связан с созданием центрального государственного органа — Народного комиссариата здравоохранения, усилия которого были направлены на огосударствление и централизацию системы здравоохранения, развитие медицинской инфраструктуры, подготовку врачебных и других медицинских кадров, а также организацию санитарно-просветительской работы с привлечением населения к её реализации. Взяв на себя обязанность по обеспечению каждого гражданина бесплатной и квалифицированной медицинской помощью, государство приступило к реализации своих планов в достаточно сложных социально-экономических и политических условиях. За относительно короткий срок в стране были практически ликвидированы инфекционные заболевания и снижен уровень социально значимых. Второй исторический период — довоенный (1930–1940 гг.) — характеризуется масштабными реформами советского здравоохранения. Задачи, стоявшие перед отраслью, определялись интересами и планами государства в процессе социалистического строительства. Охрана здоровья была преимущественно ориентирована на работающее население, медицинское обслуживание становится максимально приближенным к рабочему месту, создаются лечебно-профилактические учреждения при предприятиях. Именно в годы первых трёх пятилеток складываются основные службы советского здравоохранения, в том числе охраны материнства и детства, санитарно-эпидемиологическая служба и др. Деятельность системы здравоохранения оценивалась достаточно высоко. Развитие системы общественного здравоохранения стало одним из приоритетных направлений социальных преобразований того времени.

Ключевые слова: общественное здоровье, здоровье населения, здравоохранительная политика, здравоохранение, общественный договор

Для цитирования: Белова Н. И. Общественный договор в сфере охраны здоровья советских граждан (1917–1940) // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 75–86. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.6](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.6). EDN [GVXQFR](https://edn.gvxqfr).

Благодарность: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00093 «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации», <https://rscf.ru/project/23-18-00093/>

Введение. Социально-экономическое развитие любого государства и, прежде всего, его безопасность, напрямую зависят от состояния общественного здоровья. Общественное здоровье является «медико-социальным ресурсом и потенциалом общества, способствующим обеспечению национальной безопасности» и в целом характеризует «жизнеспособность общества» [1, с. 4]. С целью поддержания «жизнеспособности общества» государство, исходя из своих традиций и социально-экономических возможностей, формирует здравоохранительную политику. И если создание условий для её реализации относится

к прерогативе государства, то в качестве субъектов реализации выступают не только медицинский персонал государственных или частных медицинских организаций, но и сами граждане. В этой связи можно говорить об общественном договоре в сфере охраны здоровья как социальном контракте, позиции и содержание которого исторически конкретны.

В последние годы наблюдается повышенный интерес российских исследователей к изучению состояния общественного договора в нашей стране [2], определению его основных характеристик [3; 4] и индикаторов оценки [5], а также специфики его проявления в различных сферах [6; 7], включая сферу охраны здоровья населения [8; 9; 10; 11].

Определяя теоретические рамки общественного договора, отечественные учёные акцентируют внимание на том, что он «...прежде всего, отвечает на вопрос: как соотносятся интересы народа, его основные устремления, ценностные ориентации и интересы с политикой государственной власти, на чём базируется их согласие или конфронтация и, соответственно, возможность существования общества?» [4, с. 116]. Общественный договор «...призван гарантировать существование государства, обеспечить возможность эффективного решения экономических, политических, социальных и духовно-нравственных проблем» [2, с. 179].

Можно выделить несколько ключевых тезисов, связанных с исследованием вопросов охраны здоровья населения в контексте общественного договора. Первый тезис: государство как субъект общественного договора вырабатывает национальные стратегии и программы в области общественного здравоохранения, направленные на заботу о здоровье своего населения. Соответственно государство заинтересовано в том, чтобы граждане сохраняли и поддерживали своё здоровье, предлагая механизмы и условия для реализации здравоохранительной политики.

Второй тезис: население является не только объектом, но и субъектом реализации общественного договора. Следовательно сами граждане готовы участвовать в поддержании собственного здоровья. Население *доверяет, соглашается, поддерживает* предложенную государством политику в области общественного здравоохранения. Например, в современной России за последние десять лет оценки населением выполнения государством своих обязанностей по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь демонстрируют положительную динамику — с 37% в 2014 г. до 65% в 2024 г. Однако каждый четвёртый (25%) россиянин все ещё считает, что государство «не выполняет» своих обязательств [12, с. 34–35].

Третий тезис: поскольку в центре общественного договора находятся «социальное доверие и социальный контракт между властью и народом» и «он выражает некое постоянно изменяющееся качественное состояние общества, требующего регулярного настраиваемого взаимодействия народа и государства» [4, с. 98–99], то не менее важным является изучение опыта становления и развития общественного договора в сфере охраны здоровья населения. В этой связи обратим внимание на формирование здравоохранительной политики в Советском Союзе в первые десятилетия его существования, которая позволила в дальнейшем сформировать систему оказания медицинской помощи, высоко оценённую Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ)¹.

¹ Улумбекова Г. У. Советское и российское здравоохранение критиковать можно, но плевать в него нельзя // Высшая школа организации и управления здравоохранением. 17.12.2024. URL: <https://www.vshouz.ru/news/smi/wcs-18898/> (дата обращения: 08.04.2025).

Общественный договор в сфере охраны здоровья населения в первые годы советской власти. Зарождение основ организации и функционирования российской сферы здравоохранения началось сразу после Октябрьской революции. В начале XX в. в России существовал ряд серьёзных медико-социальных проблем: высокий уровень инфекционной заболеваемости и распространённости социально значимых болезней, чрезвычайно высокая младенческая смертность, низкий уровень доступности медицинской помощи (в сельской местности 0,44 больничной койки на 1000 населения [13]), а также дефицит врачебных кадров (практически две трети — 71% — врачей жили в городах²).

Уровень распространённости отдельных социально значимых и инфекционных заболеваний носил катастрофический характер. Статистические данные того времени показывают, что в структуре заболеваемости (на 10 тыс. населения) наблюдался брюшной тиф (26,6 случаев), сыпной тиф (7,3 случая), сифилис (76,8 случая), малярия (216,6 случаев) и др.³ Что касается младенческой смертности, в указанные годы её преобладающая доля приходилась на сельское население: в 1909 г. — 88,5%, в 1910 г. — 89,6%, в 1911 г. — 88,4%⁴ от общего числа случаев младенческой смертности в стране. Учитывая, что численность сельского населения в тот период значительно превышала долю городского, пропорция отражает не только высокую заболеваемость, но и демографическую специфику эпохи. Низкий уровень доступности медицинской помощи, недостаточная гигиеническая грамотность, специфический образ жизни на селе — всё это явилось причинами сложившейся ситуации.

После Октябрьской революции 1917 г. новая власть остро нуждалась в здоровых тружениках, способных строить и защищать государство, поэтому основной целью общественного договора в сфере охраны здоровья населения этого периода стало сохранение «человеческих ресурсов», необходимых для «выживания» нового государства. Таким образом, формирование общественного договора в сфере охраны здоровья населения проходило в условиях малодоступности медицинской помощи, низкого уровня санитарной культуры и качества жизни населения [8]. Поэтому новой власти прежде всего необходимо было разработать меры по борьбе с заразными болезнями и «выведению страны из тяжёлого санитарного состояния» [14, с. 46].

Развитие системы общественного здравоохранения, направленного на охрану здоровья советского населения, стало одним из приоритетных направлений социальных преобразований того времени [8]. В июле 1918 г. был создан первый центральный государственный орган — Народный комиссариат здравоохранения, выполнявший организационно-управленческие функции в сфере охраны здоровья населения⁵. Государство взяло на себя обязательство по предоставлению каждому гражданину бесплатной и квалифицированной медицинской помощи, созданию условий для роста рождаемости и снижения смертности.

² Отчёт о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи за 1913 год. СПб., 1915. 333 с. // Государственная публичная историческая библиотека России (ГПИБ). URL: <http://elib.shpl.ru/rn/nodes/42628-za-1913-god-1915> (дата обращения: 08.04.2025).

³ Там же.

⁴ Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1909, 1910 и 1911 годах. В Европейской России. СПб., 1915. С. 15 // Архив открытого доступа Санкт-Петербургского государственного университета. URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/29308> (дата обращения: 12.04.2025).

⁵ Декрет об учреждении Народного комиссариата здравоохранения. 11 июля 1918 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12308-11-iyulya-dekret-ob-uchrezhdenii-narodnogo-komissariata-zdravooohraneniya> (дата обращения: 08.04.2025).

Институционализация советской системы здравоохранения проходила в нелёгких условиях: медицинская инфраструктура находилась в упадочном состоянии, потребность во врачебных кадрах была высока, многие доктора не спешили переходить на сторону новой власти, сомневаясь в перспективности предложенной модели здравоохранительной политики. Перед Народным комиссариатом здравоохранения стояли задачи по огосударствлению и централизации системы здравоохранения, внедрению санитарно-просветительской деятельности, и, что не маловажно, — привлечению населения к решению здравоохранительных проблем [15].

В основе советской модели здравоохранения, позднее названной именем первого наркома здравоохранения Н. А. Семашко, лежала профилактическая направленность медицинской помощи. Основным методом реализации профилактического подхода в медицинских учреждениях стала диспансеризация населения. Развивалась и здравоохранительная инфраструктура: в 1919 г. в 24 губерниях страны насчитывалось 1 281 лечебное учреждение с общим числом больничных коек — 68 956 шт.; в 1920 г. — 1 889 лечебных учреждений и 125 297 койко-мест в них⁶. Организация и оказание медицинской помощи населению осуществлялись по территориально-участковому принципу, такого подхода придерживались и в царской России, когда за врачом закреплялась определённая территория, населению которой предоставлялось лечение.

Медицинская помощь оказывалась поэтапно; завершающий этап — закрепляющий положительный эффект от лечения — относился к восстановительной медицине и реализовывался преимущественно в условиях курортов (лечебных местностях), которые, вслед за больницами и амбулаториями, были объявлены государственной собственностью⁷. В 1919 г. в систему государственных санаторно-курортных учреждений входило всего 5 курортов (Старая Русса, Липецк, Сергиевские минеральные воды, Эльтон и Кашин) [16]. Однако уже в декабре 1920 г., после утверждения декрета «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» и национализации крымских здравниц, курортная инфраструктура значительно расширилась (к концу зимы 1920 г. — 5000 коек, весной 1921 г. — 25 000 коек.) и стала использоваться для «...лечения и восстановления трудоспособности рабочих, крестьян и всех трудящихся всех Советских республик, а также для рабочих других стран, направляемых Международным советом профсоюзов»⁸.

Для реализации задач, связанных с сохранением общественного здоровья, требовались квалифицированные медицинские кадры. Кадровый вопрос был одной из самых острых проблем того времени, нехватка врачей наблюдалась практически во всех сферах здравоохранения⁹. С одной стороны, была высокая потребность в медицинском персонале, с другой, — со стороны государства был введён особый контроль за врачебной деятельностью. Такое решение

⁶ Статистический ежегодник 1921 г. Вып. 2 (с присоединением некоторых сведений за 1922 г.). 1923. С. 77 // ГПИБ. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/71455-t-8-vyp-4-statisticheskiy-ezhegodnik-1921-g-vyp-2-s-prisoedineniem-nekotoryh-svedeniy-za-1922-g-1923> (дата обращения: 08.04.2025).

⁷ Декрет СНК о лечебных местностях общегосударственного значения. 04 апреля 1919 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/15539-4-aprelya-dekret-snk-o-lechebnyh-mestnostyah-obshchegosudarstvennogo-znacheniya> (дата обращения: 08.04.2025).

⁸ Декрет СНК об использовании Крыма для лечения трудящихся. 21 декабря 1920. С. 60 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12796> (дата обращения: 08.05.2025).

⁹ XVI Всероссийский Съезд Советов (15–23 января 1935 г.). Стенографический отчёт: бюллетени. №№ 1–17. Постановления (С. 411–412) // ГПИБ. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_680455/ (дата обращения: 08.04.2025).

было связано с высоким спросом на врачебный труд, вызванным последствиями войн и эпидемий. Невозможность в тех условиях строго придерживаться формальностей, требовать документы при приёме врачей на службу, привела к тому, что в число врачей попало немалое количество самозванцев — в лучшем случае имевших незавершённое высшее или среднее медицинское образование, а в худшем — не имевших никакой медицинской подготовки. Например, в период с 1918 по 1920 год численность врачей, относящихся к гражданскому ведомству, увеличилась в 3 раза (с 3 637¹⁰ до 10 095 человек¹¹).

С целью систематизации данных о количестве и структуре врачебного состава в 1925 г. впервые был опубликован «Список медицинских врачей СССР» (по состоянию на 01.01.1924 г.)¹². Этот документ направлялся во все Здравоотделы и должен был предоставляться всем гражданам для справок. Соответственно, заниматься врачебной деятельностью в пределах Союза ССР мог только врач, зарегистрированный в соответствующем Здравоотделе.

Помимо самих медицинских работников «в решение насущных здравоохранительных проблем» [17], в том числе связанных с повышением уровня гигиенической культуры, активно вовлекались сами граждане. Участие населения в санитарном просвещении (санпросвет-театры, дома санпросвета, санитарные выставки и агитпоезда и др.), «...оздоровлении городов и других населённых пунктов» (например, субботники по очистке улиц от грязи), а также массовая вакцинация населения против опасных болезней привели к тому, что к 1924 г. «санитарное состояние страны стало приходить в норму», инфекционная заболеваемость снизилась [8; 15]. Такая включённость и *солидарность* граждан в решении здравоохранительных задач могла быть как результатом пропаганды или принуждения со стороны власти, так и свидетельством добровольного *доверия, согласия и поддержки* проводимой властями политики. В доступных мемуарах нет свидетельств, подтверждающих факт принудительного участия населения в этих мероприятиях. Таким образом, в реализации общественного договора участвовали все его субъекты: советская власть, медицинская интеллигенция и общество в целом, что позволило к 1930 г. изменить ситуацию в стране [8] и перейти к решению новых здравоохранительных задач.

Довоенный период (1930–1940 гг.) — масштабная реформа здравоохранения. На фоне процессов индустриализации и коллективизации в стране началась масштабная реформа здравоохранения, которая, как и многие другие сферы, была подчинена целям пятилетних планов. Органы здравоохранения и медицинские работники были обязаны положить «во главу угла своей работы неуклонное повышение её качества, развёртывая на всех её участках социалистическое соревнование и ударничество»¹³. Как отмечалось, «для новой

¹⁰ Статистический ежегодник 1918–1920 гг. Вып. 1. 1921. С. 86 // ГПИБ. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/71452-t-8-locale-nil-vyp-1-statisticheskii-ezhegodnik-1918-1920-gg-vyp-1-1921> (дата обращения: 08.04.2025).

¹¹ Статистический ежегодник 1921 г. Вып. 2 (с присоединением некоторых сведений за 1922 г.). 1923. С. 77 // ГПИБ. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/71455-t-8-vyp-4-statisticheskii-ezhegodnik-1921-g-vyp-2-s-prisoedineniem-nekotorykh-svedeniy-za-1922-g-1923> (дата обращения: 08.04.2025).

¹² Список медицинских врачей СССР (На 1 января 1924 года). М.: Наркомздрав, 1925. 827 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_pb00003482 (дата обращения: 08.04.2025).

¹³ XVI Всероссийский Съезд Советов (15–23 января 1935 г.). Стенографический отчёт: бюллетени. №№ 1–17. Постановления // ГПИБ. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_680455/ (дата обращения: 08.04.2025).

советской медицины надо отказаться от болтовни и слов. Задачи выражаются контрольными цифрами пятилетки. Это программа боевых заданий в деле оздоровления трудящихся» [18].

Перед системой здравоохранения стояла задача переориентации всей деятельности — от борьбы с эпидемиями и лечения физических недугов жителей страны к удовлетворению интересов государства в социалистическом строительстве: возвращению «нового поколения рабочих, здоровых и жизнерадостных, способных поднять могущество Советской страны на должную высоту и защитить её грудью от покушений со стороны врагов» [19, с. 298].

Организация медицинского обслуживания становится максимально приближённой к рабочему месту трудящихся. Осуществлялась эта задача путём развёртывания лечебно-санитарной сети на предприятиях: по состоянию на январь 1936 г. насчитывалось 6 949 здравпунктов, число посещений которых составило 44 184,2 тыс. [20], а также прикрепления рабочих ведущих отраслей промышленности к лечебным учреждениям. При этом, в первую очередь речь шла о рабочих предприятий металлургической, угольной, химической и текстильной промышленности, которые вносили «наибольший вклад в развитие экономики страны». Объём предоставляемой медицинской помощи трудящимся напрямую зависел от размера прибыли и отчислений предприятий на медицинское страхование [21].

В этот период формируются основные службы советского здравоохранения, в том числе система охраны материнства и детства: женские консультации, детские консультации для детей до трёх лет и детские поликлиники, ориентированные на амбулаторное лечение детей старше трёх лет. Особое внимание уделялось женщинам-труженицам, имеющим малолетних детей. При направлении детей в ясли и дошкольные учреждения учитывалась сфера деятельности матери-труженицы: промышленность, транспорт и строительство, а также предприятия, где при значительном применении женской рабочей силы наблюдается текучесть кадров, связанная с недостаточным уровнем бытового обслуживания¹⁴.

Что касается вопросов охраны здоровья детского населения, то принимаемые меры со стороны государства «привели к заметному снижению младенческой смертности в России. К 1927 г. её коэффициент достиг 205 на 1000» [22, с. 48]. Однако в начале 1930-х годов на фоне голода и других негативных социально-экономических процессов, в стране зафиксирован рост младенческой смертности, пик которого пришёлся на 1933 г. (295,1 на 1000) [22]. Достичь положительной динамики удалось позже — в 1937-1939 гг.: из каждой тысячи новорождённых в возрасте до одного года умирал 171 ребёнок [23].

Во второй половине 1930-х гг. параллельно с положительными тенденциями (снижение младенческой смертности) в стране наблюдались негативные демографические явления, связанные со снижением рождаемости и ростом уровня материнской смертности. К середине 1930-х годов рождаемость была на уровне 35‰ [23, с. 58], что значительно ниже показателей 1927–1928 гг. (42,8‰). По мнению ряда авторов, это обусловлено падением уровня жизни, последствиями голода и другими факторами. Определённую роль сыграла и эмансипация

¹⁴ О плане развёртывания в 1931 году сети яслей и дошкольных учреждений в РСФСР. Пост. СНК от 22 апреля 1931 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/393657-o-plane-razvertyvaniya-v-1931-godu-seti-yasley-i-doshkolnyh-uchrezhdeniy-v-rsfsr-post-snk-ot-22-aprelya-1931-g> (дата обращения: 08.04.2025).

женщин — рост грамотности, получение вознаграждения за свой труд независимо от мужа, в целом повышение роли женщины в строительстве нового государства, привели к «возрастанию неустойчивости семейно-брачных отношений. Одним из следствий неустойчивости семьи был резкий рост аборт» [23, с. 59]. Например, каждая сотая женщина, идущая на операцию по искусственному прерыванию беременности состояла в незарегистрированном браке¹⁵.

В этой связи советское правительство принимает ряд мер, направленных на сдерживание процессов ослабления семейных уз и падения рождаемости. В июне 1936 г. выходит Постановление ЦИК и СНК СССР¹⁶, запрещающее аборт по желанию женщины (кроме случаев угрозы жизни матери или тяжёлых наследственных заболеваний). Помимо репрессивных были приняты меры по поддержке женщин-матерей, с особым акцентом на тружениц (материальная помощь роженицам и многодетным матерям). Перед органами здравоохранения были поставлены задачи по расширению сети родильных домов, осуществляющих стационарную медицинскую помощь роженицам. К 1938 году планировалось создать в сельских больницах и колхозных роддомах по 6 тысяч родильных коек. По данным за 1936 год, в сельской местности было развёрнуто более 20 тысяч врачебных родильных коек (в больницах — 17 851, колхозных роддомах — 2 386) [20]. Кроме того, в Постановлении акцентировалась необходимость развития инфраструктуры, ориентированной на детей (детские сады, ясли, молочные кухни), и на подготовку соответствующего среднего медицинского персонала (акушерки, медицинские сёстры и т.д.)¹⁷.

Высокая потребность во врачебных кадрах оставалась одной из ключевых проблем государства. Для ускоренной подготовки специалистов ежегодно принимались нормативно-правовые акты, касающиеся как обучения, так и механизмов удержания кадров в сфере здравоохранения (размер заработной платы, льготы, пенсии и др.).

С целью скорейшего пополнения численности врачебного персонала с осени 1931 г. осуществлялась заочная подготовка врачей сроком обучения 4 года. Преимущественное право на зачисления имели представители пролетариата и крестьянства. Социальный и национальный состав принятых на учёбу учитывался в обязательном порядке. Для максимального вовлечения в медицинские учебные заведения учащихся из национальных меньшинств открывали специальные подготовительные отделения, а также организовывали национальные группы при рабфаках, в которых велось преподавание на соответствующих языках¹⁸. В 1931 г. Наркомздрав рекомендовал принять в вузы не менее 60% (в от-

¹⁵Труды III Всесоюзного съезда по охране материнства и младенчества, Москва, 1-7 декабря 1925 года. М.: Охрана материнства и младенчества, 1926. С. 85 // ГПИБ. URL: <http://elible.shpl.ru/ru/nodes/60679> (дата обращения: 08.04.2025).

¹⁶Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатёж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о роддомах. 27 июня 1936 г. № 65/1134(1) // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/400482-postanovlenie-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-i-soveta-narodnyh-komissarov-o-zapreschenii-abortov-uvelichenii-materialnoy-pomoschi-rozhenitsam-ustanovlenii-gosudarstvennoy-pomoschi-mnogosemeynym-rasshirenii-seti-rodilnyh-domov-detskih-yasley-i-d> (дата обращения: 08.04.2025).

¹⁷Там же.

¹⁸По докладу Наркомздрава о подготовке медицинских кадров. Пост. СНК от 22 августа 1931 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/391947> (дата обращения: 08.04.2025).

дельных документах встречается цифра 75%) рабочих и крестьян [24]. При этом подавляющее большинство таких студентов не имели начального или среднего образования.

Получение медицинского образования для большинства студентов служило социальным лифтом, открывало перспективы новой жизни. И несмотря на то, что советское правительство стремилось «создать и воспитать тип врача — друга и помощника трудящегося, знающего чуткого и заботливого, ненавистника каст и предрассудков»¹⁹, качество подготовки врачей было на крайне низком уровне. По данным ряда авторов [21] это обернулось беспрецедентным ростом ошибок в диагностике и лечении, пугающими результатами так называемого «хирургического хулиганства». Поэтому нередко врачей не судили за врачебные ошибки (даже за гибель пациента), а отправляли доучиваться.

Образовательный эксперимент с заочной подготовкой врачей в начале 1930-х годов был признан неудачным. Тем не менее, такой формат обучения позволил подготовить огромное количество медицинских работников, которые в последствии сыграли решающую роль в спасении сотен тысяч жизней советских людей на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны. К концу 1940 г. в системе здравоохранения страны работало не менее 82,2 тыс. специалистов с высшим образованием и 299,1 тыс. сотрудников со средним медицинским образованием²⁰.

Помимо профессиональных медицинских работников население также привлекалось к решению задач охраны здоровья. Рабочие и колхозники через свои общественные организации должны были способствовать улучшению условий труда и быта. С этой целью на предприятиях при социально-бытовых группах фабзавкомов формировались группы содействия здравоохранению — добровольцы, обычно являющиеся активом предприятия. В свою очередь на сельских территориях организовывались Здравячейки при культурно-бытовых комиссиях колхозов, в состав которых входили все желающие члены колхоза, а также обслуживающий их медицинский персонал²¹. Значительную роль в санитарном просвещении населения продолжали играть Дома санитарного просвещения, работа которых «в гораздо большей мере, чем раньше, отражала связь между вопросами медицинскими и задачами общехозяйственными, культурными»²². Среди наиболее популярных форм привлечения населения к здравоохранительной работе были «санкультпоходы» и «санкультэстафеты», позволявшие привести в должное санитарное состояние различные объекты. На селе организация санитарно-просветительской работы была направлена на оздоровление условий быта и благоустройство села силами жителей, а также пропаганду гигиены

¹⁹ XVI Всероссийский Съезд Советов (15–23 января 1935 г.). Стенографический отчет: бюллетени. №№1-17. Постановления (С. 411–412) // ГПИБ. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_680455/ (дата обращения: 08.04.2025).

²⁰ Здравоохранение в Союзе ССР (Статистический справочник) // Под ред. А. М. Меркова. Рига, 1946. URL: <https://istmat.org/node/33608> (дата обращения: 08.04.2025).

²¹ XVI Всероссийский Съезд Советов (15–23 января 1935 г.). Стенографический отчет: бюллетени. №№1-17. Постановления // ГПИБ. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_680455/ (дата обращения: 08.04.2025).

²² Организация и развитие сети домов санитарного просвещения в СССР // «Центр гигиенического образования населения» Роспотребнадзора. URL: <https://cgon.rosпотребнадзор.ru/istoriya/istoriya-sanitarnogo-prosveshcheniya/stanovlenie-i-razvitiye-sanitarnogo-prosveshcheniya-v-rossii-/organizatsiya-i-razvitiye-seti-domov-sanitarnogo-prosveshcheniya-v-sssr/> (дата обращения: 08.04.2025).

сельскохозяйственного труда и снижение травматизма среди колхозников, рабочих совхозов и МТС²³.

Однако, несмотря на кажущийся успех проводимой политики в сфере охраны здоровья, многие её направления носили декларативный характер. Реформы здравоохранения проходили достаточно трудно, нормативы, установленные партийными и медицинскими чиновниками и управленцами, зачастую не выполнялись. Статистические данные и официальные отчёты часто расходились с реальной жизнью, например, до сих пор ведутся дискуссии о численности населения страны в те годы.

Выводы. Советский опыт становления и развития общественного договора в сфере охраны здоровья населения показывает, что при осуществлении грамотной здравоохранительной политики, создании условий для её реализации, возможен консенсус между государством и населением. Поддержка населением здравоохранительной политики советской власти, активное участие в её реализации позволили за короткий промежуток времени не только повысить уровень гигиенической культуры в стране, но и взять под контроль серьёзные инфекционные заболевания. Предпринятые со стороны государства усилия по формированию разветвлённой сети медицинских учреждений по всей стране, бесплатная подготовка и переподготовка медицинских кадров, позволили в будущем гарантировать получение бесплатного и доступного медицинского обслуживания для всех граждан.

Библиографический список

1. Полякова О. Б., Бонкало Т. И. Общественное здоровье : дайджест. М. : НИИОЗММ ДЗМ, 2024. 48 с. EDN [UZYPSW](#).
2. Тощенко Ж. Т. Общественный договор в российском исполнении: реальность и уроки // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 3-2. С. 168–183. DOI [10.28995/2073-6401-2023-3-168-183](#). EDN [QMUUBE](#).
3. Zubov B. B. Общественный договор: история и современность // Социально-политические науки. 2023. Т. 13, № 6. С. 31–40. DOI [10.33693/2223-0092-2023-13-6-31-40](#). EDN [AFFODE](#).
4. Тощенко Ж. Т. Общественный договор: эволюция идей // Россия реформирующаяся. 2023. № 21. С. 98–121. DOI [10.19181/ezheg.2023.4](#). EDN [WOSWAH](#).
5. Зайцева А. А. Состояние и перспективы общественного договора в России: оценка экспертов // Социальные процессы в современном российском обществе: признаки и тенденции развития : Материалы IX Всероссийской научной конференции (Иркутск, 18–19 апреля 2025). Иркутск : Иркутский государственный университет, 2025. С. 44–49. EDN [FPNAHP](#).
6. Воробьева И. В. Теория общественного договора и его отражение в общественном и политическом пространстве России // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 1. С. 26–35. DOI [10.19181/nko.2025.31.1.2](#). EDN [OODXWI](#).
7. Буланова М. Б. Социальный потенциал российского учительства и проблемы его реализации // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 1. С. 50–58. DOI [10.19181/nko.2025.31.1.4](#). EDN [DLFYVS](#).
8. Белова Н. И. Охрана здоровья населения в первые годы советской власти // Общественный договор: формы участия интеллигенции в его реализации в России : сб. науч. ст. XXV Международной теоретико-методологической конференции (Москва, 09 апреля 2024). Москва : РГГУ, 2024. С. 209–218. EDN [BTZLJU](#).
9. Перхов В. И., Песенникова Е. В. Коммерциализация общественного здравоохранения и «новый общественный договор» // Современные проблемы здравоохранения

²³ Санитарное просвещение в России в период 1930–1941 гг. // «Центр гигиенического образования населения» Роспотребнадзора. URL: <https://cgon.rosпотребнадзор.ru/istoriya/istoriya-sanitarnogo-prosveshcheniya/stanovlenie-i-razvitiye-sanitarnogo-prosveshcheniya-v-rossii-/sanitarnoe-prosveshchenie-v-rossii-v-period-1930-1941gg/> (дата обращения: 08.04.2025).

- и медицинской статистики. 2021. № 1. С. 208–221. DOI [10.24411/2312-2935-2021-00013](https://doi.org/10.24411/2312-2935-2021-00013). EDN [TTJFHZ](https://www.edn.ru/TTJFHZ).
10. *Зикунова И. В.* Пандемийный шок: методологическое объяснение и новый общественный договор // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 3(96). С. 45–52. DOI [10.22394/1818-4049-2021-96-3-45-52](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-96-3-45-52). EDN [NSQNEC](https://www.edn.ru/NSQNEC).
 11. *Хрычкова А. С., Смелова С. В.* Правовые аспекты социальной защиты общественного здоровья в Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 2. С. 82–85. DOI [10.24412/2073-3305-2024-2-82-85](https://doi.org/10.24412/2073-3305-2024-2-82-85). EDN [KDGGSK](https://www.edn.ru/KDGGSK).
 12. Как живешь, Россия? : Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2024. 89 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024). EDN [INPEEV](https://www.edn.ru/INPEEV).
 13. *Митерев Г. А.* Народное здравоохранение за 25 лет советской власти // Гигиена и санитария. 1942. № 11-12. С. 1–10.
 14. *Крутиков В. А., Михайлов Н. Г.* Вклад А. Н. Сысина в создание теоретических и практических основ санитарного дела в СССР // Гигиена и санитария. 1974. № 9. С. 45–48.
 15. *Семашко Н. А.* Первые шаги Наркомздрава // Гигиена и санитария. 1948. № 8. С. 3–7.
 16. Санаторно-курортное лечение: роль в укреплении здоровья и профилактике заболеваний у детей в России / К. И. Григорьев, М. А. Хан, Е. Е. Петрайкина, О. Ф. Выхристюк // Лечебное дело. 2024. № 3. С. 119–128. DOI [10.24412/2071-5315-2024-13179](https://doi.org/10.24412/2071-5315-2024-13179). EDN [CTFLLO](https://www.edn.ru/CTFLLO).
 17. *Проппер-Граценков Н. И.* 20 лет советского здравоохранения // Гигиена и санитария. 1938. № 7-8. С. 7–15.
 18. *Владимирский М. Ф.* Очередные задачи здравоохранения М. : Госмедиздат, 1930. 32 с.
 19. *Сталин И. В.* Политический отчет Центрального комитета XVI Съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. М. : Политиздат, 1950. 304 с.
 20. Здоровье и здравоохранение трудящихся СССР : статистический сборник / Под ред. И. А. Краваля. М. : Ред.-изд. упр. ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «Союзоргучет», 1936. 221 с.
 21. *Затравкин С. Н., Вишленкова Е. А., Шерстнева Е. В.* «Коренной перелом»: довоенная реформа советского здравоохранения // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 2. С. 652–666. DOI [10.15826/qr.2020.2.486](https://doi.org/10.15826/qr.2020.2.486). EDN [TJVLVN](https://www.edn.ru/TJVLVN).
 22. *Кваша Е. А.* Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6(230). С. 47–55. EDN [OOOTRB](https://www.edn.ru/OOOTRB).
 23. *Нефедов С. А.* Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 281 с. EDN [RVEBCJ](https://www.edn.ru/RVEBCJ).
 24. *Есауленко И. Э., Маркова С. В.* Из истории заочной подготовки врачей // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. Т. 25, № 3. С. 190–192. DOI [10.18821/0869-866X-2017-25-3-190-192](https://doi.org/10.18821/0869-866X-2017-25-3-190-192). EDN [WTDIEB](https://www.edn.ru/WTDIEB).

Поступила: 12.04.2025. Доработана: 26.05.2025. Принята: 30.05.2025.

Сведения об авторе:

Белова Наталья Ильинична, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой прикладной социологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

n.i.belova@mail.ru

Author ID РИНЦ: [501479](https://elibrary.ru/501479); ORCID: [0000-0002-0336-7145](https://orcid.org/0000-0002-0336-7145)

N. I. Belova¹¹ Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia

SOCIAL CONTRACT IN THE SPHERE OF HEALTHCARE FOR SOVIET CITIZENS (1917–1940)

Abstract. The article considers two historical periods of time, during which significant changes were observed in the basic principles of the organization of the state health policy. The state began to form the prototype of the modern health care system in the first years of Soviet power, immediately after the October Revolution. The initial period (1917–1929) of institutional development of the public health sector is associated with the creation of a central government body — the People's Commissariat of Health, whose efforts were aimed at nationalization and centralization of health care, development of medical infrastructure, training of doctors and other medical workers, as well as the organization of health education work with the involvement of the population in its implementation. Having assumed the responsibility for providing each citizen with free and qualified medical care, the state began to implement its plans in fairly difficult socio-economic and political conditions. In a fairly short period of time, infectious diseases were virtually eliminated in the country and the level of socially significant diseases was reduced. The second historical period — pre-war (1930–1940), is characterized by large-scale reforms of Soviet health care. The tasks facing the sphere were associated with the interests and plans of the state in socialist construction. Health protection was mainly focused on the working population, medical care became as close as possible to the workplace, medical and preventive institutions were created at enterprises. During the years of the first five-year plans, the main services of Soviet health care were formed, including the protection of motherhood and childhood, the sanitary and epidemiological service, etc. The activities of the Institute of Health were assessed quite highly. The development of the public health care system became one of the priority areas of social transformation at that time.

Keywords: public health, health of the population, health policy, health care, social contract

For citation: Belova N. I. Social contract in the sphere of healthcare for soviet citizens (1917–1940). *Science. Culture. Society*. 2025;31(2):75–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.2.6>

Acknowledgements: This work is supported by the Russian Science Foundation, project 23-18-00093 “The fate of the social contract in Russia: the evolution of ideas and lessons of implementation”, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00093/>

References

1. Polyakova O. B., Bonkalo T. I. Public Health: Digest. Moscow: NIIOZMM DZM; 2024. (In Russ.).
2. Toshchenko Zh. T. Social contract in Russian version: reality and lessons. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*. 2023;(3-2):168–183. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2023-3-168-183](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-3-168-183).
3. Zubov V. V. The Social Contract: History and Modernity. *Sociopolitical Sciences*. 2023;13(6):31–40. (In Russ.). DOI [10.33693/2223-0092-2023-13-6-31-40](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2023-13-6-31-40).
4. Toshchenko Zh. T. Social contract: evolution of ideas. *Rossiia reformiruyushchayasya*. 2023;(21): 98–121. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2023.4](https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.4).
5. Zaitseva A. A. The state and prospects of the social contract in Russia: expert assessment. Social processes in modern Russian society: signs and development trends: Proceedings of the IX All-Russian scientific conference (Irkutsk, April 18–19, 2025). Irkutsk: Irkutsk State University; 2025. (In Russ.).
6. Vorobyova I. V. The theory of the social compact and its reflection in the public and political space of Russia. *Science. Culture. Society*. 2025;31(1):26–35. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2025.31.1.2](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.2).
7. Bulanova M. B. Social potential of Russian teachers and problems of its realisation. *Science. Culture. Society*. 2025;31(1):50–58. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2025.31.1.4](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.4).
8. Belova N. I. Public health protection in the first years of Soviet power. Social contract: forms of participation of the intelligentsia in its implementation in Russia: col. of scient.

- art. of the XXV International Theoretical and Methodological Conference (Moscow, April 09, 2024). Moscow: RSUH; 2024. P. 209–218. (In Russ.).
9. Perkhov V. I., Pesennikova E. V. Commercialization of public health care and “new social contract”. *Current problems of health care and medical statistics*. 2021;(1):208–221. (In Russ.). DOI [10.24411/2312-2935-2021-00013](https://doi.org/10.24411/2312-2935-2021-00013).
 10. Zikunova I. V. Pandemic Shock: Methodological Explanation and New Public Contract. *Power and Administration in the East of Russia*. 2021;(3):45–52. (In Russ.). DOI [10.22394/1818-4049-2021-96-3-45-52](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-96-3-45-52).
 11. Khrychikova A. S., Smelova S. V. Legal aspects of social protection of public health in the Russian Federation. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 2024;(2):82–85. (In Russ.). DOI [10.24412/2073-3305-2024-2-82-85](https://doi.org/10.24412/2073-3305-2024-2-82-85).
 12. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.] How are you, Russia? Express information 54th stage of the sociological monitoring, April 2024 Moscow: FCTAS RAS; 2024. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024).
 13. Miterev G. A. Public Health in 25 Years of Soviet Power. *Hygiene and Sanitation*. 1942;(11-12):1–10. (In Russ.).
 14. Krutikov V. A., Mikhailov N. G. Contribution of A.N. Sysin in the creation of theoretical and practical foundations of sanitary affairs in the USSR. *Hygiene and Sanitation*. 1974;(9):45–48. (In Russ.).
 15. Semashko N. A. The First Steps of the People's Commissariat of Health. *Hygiene and Sanitation*. 1948;(8):3–7. (In Russ.).
 16. Grigoriev K. I., Khan M. A., Petryaikina E. E., Vykhrystyuk O. F. Health resort treatment: role in promoting health and preventing childhood diseases in Russia. *Lechebnoe delo*. 2024;(3):119–128. (In Russ.). DOI [10.24412/2071-5315-2024-13179](https://doi.org/10.24412/2071-5315-2024-13179).
 17. Propper-Grashchenkov N. I. 20 years of Soviet health care. *Hygiene and Sanitation*. 1938;(7-8):7–15. (In Russ.).
 18. Vladimirsky M. F. The next tasks of health care. Moscow: Gosmedizdat; 1930. (In Russ.).
 19. Stalin I. V. Political report of the Central Committee to the XVI Congress of the VKP(B), June 27, 1930. Moscow: Politizdat; 1950. (In Russ.).
 20. Kraval I. A. (ed.) Health and healthcare of workers of the USSR: Statistical digest. Moscow: Red.-izd. upr. TsUNKhU Gosplana SSSR i V/O «Soyuzorguchet»; 1936. (In Russ.).
 21. Zatravkin S. N., Vishlenkova E. A., Sherstneva E. V. “A Radical Turn”: The Reform of the Soviet System of Public Healthcare. *Quaestio Rossica*. 2020;8(2):652–666. (In Russ.). DOI [10.15826/qr.2020.2.486](https://doi.org/10.15826/qr.2020.2.486).
 22. Kvasha E. A. Infant mortality in XX century Russia. *Sociological Studies*. 2003;(6):47–55. (In Russ.).
 23. Nefedov S. A. Agrarian and demographic results of Stalin's collectivization. Tambov: TGU im. G.R. Derzhavina; 2013. (In Russ.).
 24. Esaulenko I. E., Markova S. V. From history of correspondence training of physicians. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2017;25(3):190–192. (In Russ.). DOI [10.18821/0869-866X-2017-25-3-190-192](https://doi.org/10.18821/0869-866X-2017-25-3-190-192).

Received: 12.04.2025. Corrected: 26.05.2025. Accepted: 30.05.2025.

Author information:

Natalia I. Belova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.

n.i.belova@mail.ru

ORCID: [0000-0002-0336-7145](https://orcid.org/0000-0002-0336-7145)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.2.7](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.7)
EDN [LCALXB](https://edn.lcalxb.ru)
УДК 316.7: 94(47).084.8

Г. В. Тартыгашева¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ И ВЛАСТЬЮ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Аннотация. В статье, опираясь на историко-социологический анализ, раскрывается роль художественной интеллигенции и партийно-государственной элиты в формировании социальной сплочённости, патриотизма, единства нации, мобилизации духовных сил советского народа как важных компонентов общественного договора. Автор рассматривает особенности общественного договора между художественной интеллигенцией и советской властью в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Режиссёры, актёры, писатели, музыканты, композиторы и художники воевали на фронте, поддерживали сбор средств в Общественный фонд обороны, вели агитационную и пропагандистскую работу, обеспечивали стабильное развитие советской культуры в тылу. Несмотря на неоднозначное отношение к советской власти и существование оппозиции среди творцов, в военное время художественная интеллигенция сплотилась в служении интересам государства и народа, значительно способствовала поддержке боевого духа, мобилизации духовных сил народа. Благодаря её творчеству, обращению к историческим корням, символам и смыслам, произошёл рост национального самосознания, единства советского народа в тяжёлых условиях военного времени.

Ключевые слова: художественная интеллигенция, общественный договор, Великая Отечественная война, культурная политика, социальная сплочённость, патриотизм, национальное единство

Для цитирования: Тартыгашева Г. В. Общественный договор между художественной интеллигенцией и властью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 87–98. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.7](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.7). EDN [LCALXB](https://edn.lcalxb.ru).

Благодарность: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00093 «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации», <https://rscf.ru/project/23-18-00093/>

Введение. Теоретическую концепцию общественного договора представляют различные модели социального согласия между государством и народом, предполагающие легитимность политического режима и власть предержащих. Актуальность данного исследования обусловлена современными вызовами: в сложных условиях специальной военной операции и наличия среди граждан, включая представителей российской художественной интеллигенции, оппозиционно настроенных к государству лиц, особую значимость приобретает анализ исторического опыта сохранения общественного договора и выполнения своих функций и обязательств как со стороны творческой интеллигенции, так и со стороны государства в годы Великой Отечественной войны.

Опыт Великой Отечественной войны показал реальное действие общественного договора в экстремальных условиях. Несмотря на неоднородность социального состава советской художественной интеллигенции, наличие недовольных и несогласных, её созидательная деятельность способствовала укреплению

социальной сплочённости и проявлению высокого уровня патриотизма. Это свидетельствует о том, что как власть предержащие, так и творцы выполняли свои обязательства ради достижения общей цели — победы над фашистскими захватчиками. Возникает закономерный вопрос: что же стало основой общественного порядка и единства в этот непростой период?

К началу Великой Отечественной войны в стране сформировался и постоянно воспроизводился мобилизационный тип взаимоотношений между обществом и властью, предполагающий быстрое осуществление «советского проекта» модернизации с помощью реализации «гоббсовской модели» социального контракта, то есть установления абсолютной власти государства и создания централизованной командно-административной системы управления. По мнению исследователей, именно эффективность советских методов мобилизации и монопольное влияние власти на общественное сознание через контролируемое культурное производство обеспечили успешность трансформационных процессов и победу в Великой Отечественной войне [1, с. 195]. Для достижения компромисса между обществом и государством был использован мощный пропагандистский механизм, реализуемый художественной интеллигенцией [2]. Анализируя действие общественного договора в истории России, Ж. Т. Тощенко отмечает: «Так, во время войны с Наполеоном и Великой Отечественной состоялось единение всех сил народа и власти на основе глубинной убеждённости большинства людей в необходимости отстоять самость своей страны, сохранить верность тысячелетним ценностям национальной жизни и культуры» [3, с. 132].

Интеграционная функция военной угрозы, рост социальной сплочённости, патриотизма и национального единства рассматриваются многими исследователями как важные факторы действия общественного договора в условиях чрезвычайных ситуаций. Так, согласно работам У. Самнера [4], Л. Козера [5], Дж. Мюллера [6], внешние угрозы усиливают этноцентризм и сплочённость «мы-группы», необходимые для коллективной борьбы за существование. В конфликтных ситуациях повышение уровня доверия к государству и политическим элитам достигается за счёт роста патриотизма и враждебности к внешним врагам. Согласно теории социальной идентичности Г. Тэшфела и Дж. Тернера, самоидентификация индивида с определённой группой строится на противопоставлении себя индивидам, не являющимся её членами, поэтому образ «врага» формируется именно через категорию «другого» [7].

Э. Хобсбаум пишет о «изобретении традиций», которые строятся на основе старых институтов и служат для легитимации власти и укрепления общественной сплочённости: «...ощущения идентичности с “общиной” и/или внутренне присущи институтам, представлявшим, выражавшим и символизировавшим идентичность с “нацией”» [8, с. 56]. Конструирование традиций происходит путём отсылки к прошлому при объяснении новой ситуации или путём регулярного воспроизведения сконструированного прошлого. В качестве традиционных факторов, способствующих формированию сплочённости, отечественные исследователи Д. В. Зайцев и О. В. Зайцева выделяют «внешние или внутренние вызовы, детерминанты культурного порядка (например, знаки, символы, традиции, образование, наука). При позитивной направленности событий влияние данных факторов способствует развитию патриотизма, формированию чувства общенациональной идентичности, чувства защищённости граждан... высокого уровня доверия к власти и социальным институтам» [9, с. 104]. Этот процесс не является стихийным, он побуждается элитой, в том числе посред-

ством культурного производства, реализуемого художественной интеллигенцией. Таким образом, роль художественной интеллигенции в рамках общественного договора заключалась в служении интересам государства и продвижении коммунистической идеи, а результаты творческого труда служили мощными инструментами пропаганды и формирования общественного мнения.

Целью настоящего исследования является анализ деятельности художественной интеллигенции как субъекта общественного договора в период Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено изучению её вклада в достижение Победы советского народа в 1945 году. Также важной задачей статьи является сохранение и актуализация исторической памяти о роли творцов культуры в военное время.

Художественная интеллигенция накануне Великой Отечественной войны.

К концу 1930-х годов художественная интеллигенция была объединена в творческие союзы, подконтрольные государству. Создание новой советской культуры осуществлялось на принципах «социалистического реализма» и борьбы с инакомыслием. Кроме того, появилась новая советская художественная интеллигенция — выходцы из рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции, которая в большинстве своём была преисполнена искренней веры в коммунистические идеалы. С одной стороны, их отличало чувство сопричастности к строительству нового общества и реализации идей культурной революции, с другой — стремление занять высокую социальную позицию, обрести материальное благополучие и известность, ведь соблюдение «правил игры» во взаимоотношениях с властью обеспечивало значительные преференции и признание.

Накануне войны единомыслия в творческой среде не наблюдалось. Анализ социально-профессионального состава Союза советских писателей СССР (ССП) показал, что несмотря на рост в составе писателей-членов партии (в РСФСР около трети: из 1535 — 438), большинство были выходцами из служащих. Например, в Москве в 1934 году насчитывалось 504 члена СПП. Из них: рабочие — 60 человек (11,9%), крестьяне — 41 человек (8,1%), служащие — 260 человек (51,6%) [10]. К началу войны Союз советских писателей объединил свыше 3 тысяч писателей, поэтов, драматургов и критиков.

В среде художественной интеллигенции оставались оппозиционные культурные деятели, ушедшие во «внутреннюю эмиграцию». Тем не менее общественный договор между художественной интеллигенцией и властью в довоенный период действовал. Членство в одном из творческих союзов, даже для рядовых представителей художественной интеллигенции, становилось своего рода гарантией материального благополучия и решения многих проблем за счёт государства.

Важной идейной основой общественного договора с художественной интеллигенцией стали успехи советского государства в распространении культуры среди широких народных масс, ликвидации неграмотности, создании институтов науки и образования и т.д. Эта культурно-просветительная работа значительно превосходила по масштабам аналогичные усилия царского правительства.

В Союз советских художников (ССХ) СССР входило 4300 живописцев, графиков, скульпторов, искусствоведов, работников декоративного искусства и театральных художников. По состоянию на 1 января 1941 г. в государственную сеть театров СССР входило 859 учреждений. Музейная сеть РСФСР насчитывала 626 музеев [11; 12, с. 113].

Была создана общегосударственная система проводного радиовещания (к 1940 году в стране действовало 77 радиовещательных станций, охватывающих практически всю территорию СССР). Формировалась разветвлённая сеть культурно-массовых учреждений: библиотек — более 86 тыс.; клубов, Домов культуры, изб-читален — более 111 тыс.; 382 парка культуры и отдыха. В 1939 г. выходило 8 780 газет и 1 592 журнала общим тиражом более 7,5 млн. экземпляров. В том же году было издано 43 758 названий книг, тираж которых составил 781 тыс. экземпляров. В стране действовало 787 театров и 90 цирков, а также около 31 тыс. киноустановок (с 1933 г. получает распространение звуковой кинематограф), более половины из которых находилось в сельской местности. Около 76% районных центров имели стационарные кинотеатры [13].

Идеологическое воспитание масс осуществлялось через наглядную демонстрацию приемлемых образцов поведения в новом советском обществе, через сюжеты и героев, близких и понятных основной массе советского населения. В культурном производстве художественной интеллигенцией использовались архетипы соборности и мессианства русского народа-освободителя, ценности традиционной русской культуры. В первую очередь это были биографические и исторические фильмы, отображающие события и людей, олицетворяющих русскую воинскую славу. Общий настрой таких фильмов, как «Александр Невский» (1938), «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1941) выражал уверенность в том, что пока русский народ един — он непобедим. Единство, героизм и самопожертвование раскрывались как ключевые качества, обеспечивающие победу над врагом. Фильм про Александра Невского содержал легко прочитываемую аллегорию, связанную с псами-рыцарями и Новгородской Русью. А слова советского писателя П. А. Павленко: «Кто с мечом к нам войдёт, от меча и погибнет. На том стояла и стоит русская земля!», вложенные режиссёром С. Эйзенштейном в уста русского князя, с той поры считаются его «исторической фразой» и звучат как грозное предупреждение врагу и утверждение о непобедимости русского народа, доказанное многими победами против завоевателей [14].

Фильмы В. Пудовкина о гражданине Минине и князе Пожарском, «Суворов», наполненные гордостью, героическими подвигами и самопожертвованием русского народа, также сыграли важную роль в формировании чувства народного единства и патриотизма. К. М. Симонов отмечал в своих воспоминаниях: «В наибольшей степени Сталин был склонен программировать именно кино. ... Он не фантазировал на темы о том, как и каким надо изображать современного человека. Он брал готовую фигуру в истории, которая могла быть утилитарно полезна с точки зрения современной политической ситуации современной идейной борьбы» [15, с. 164–165].

Сходные процессы «военизации» и «героизации» сюжетов и действующих лиц наблюдались и в литературе. Такие произведения, как: «Пётр Первый» Алексея Толстого; «Спартак», «Батый», «Чингисхан» Василия Яна; «Цусима» Алексея Новикова-Прибоя; «Порт-Артур» Александра Степанова; «Емельян Пугачёв» Вячеслава Шишкова, созданные в предвоенный период, выполняли определённую государственную миссию. Они обращались к прошлому в поисках примеров народного сопротивления феодальным и имперским властителям, славы русского оружия, и одновременно обосновывали необходимость построения сильного государства, проведения жестокой политики во имя высоких целей. Так постепенно создавался советский пантеон героев, «жертвующих

собой во благо счастливого светлого будущего, преодолевающих сопротивление неосвоенных пространств, человеческую косность, разобщённость» [16, с. 108].

Тем не менее, по-прежнему существовали многочисленные группы населения, пострадавшие от советского режима и недовольные репрессивными методами советского управления, находящиеся в тайной оппозиции к советской власти. Так, например, историк О. В. Будницкий отмечает: «В Советском Союзе накануне войны было немало людей, мечтавших о гибели советской власти; некоторые из них ради этого были готовы пойти на сотрудничество с любой внешней силой, способной эту власть уничтожить» [17, с. 7].

Особенности социального настроения части художественной интеллигенции того времени передаёт одна из дневниковых записей М. М. Пришвина о первых днях войны: «Речь Сталина вызвала большой подъем патриотизма, но сказать, действительный это патриотизм или тончайшая подделка его, по совести не могу, хочу, но не могу. Причина этому — утрата общественной искренности в советское время, вследствие чего полный разлад личного и общественного сознания» [18, с. 503].

Таким образом, деятельность художественной интеллигенции в предвоенный период контролируется партийно-государственным руководством в отношении влияния на массовое сознание и массовую культуру. Дискурсы предчувствия войны и патриотизма стали составной частью политической риторики, контролируемого культурного производства и повседневных практик художественной интеллигенции.

Художественная интеллигенция в годы войны. Во время Великой Отечественной войны управление учреждениями культуры и реализация задач государственной культурной политики осуществлялись через Всесоюзный комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР (КПДИ при СНК СССР). Основными направлениями деятельности комитета были: разъяснение характера и целей войны, обличение фашистского режима, укрепление духа советского народа и его веры в победу.

Многие представители художественной интеллигенции приняли непосредственное участие в военных действиях. В ряды действующей армии вступило более трети состава Союза писателей (около 1 тыс. чел.), а также 960 членов Союза художников [19]. «Уходили — в прямом значении этого слова: в пешем строю, по Волоколамскому шоссе, на запад, — писал Борис Рунин — ...Нас было примерно девяносто человек — прозаиков, поэтов, драматургов, критиков, вступивших в ополчение через оборонную комиссию Союза писателей. В одном строю шагали и уже маститые, такие как Юрий Либединский, Степан Злобин, Бела Иллеш, Рувим Фраерман, Павел Бляхин, и мало кому известные в ту пору писатели, как Александр Бек или Эммануил Казакевич» [20, с. 18].

В годы войны многие писатели ушли на фронт в качестве военных корреспондентов (В. В. Вишневский, А. П. Гайдар, Б. Л. Горбатов, В. С. Гроссман, С. В. Михалков, Б. Н. Полевой, А. А. Сурков, Н. С. Тихонов, М. А. Шолохов и др.). Во фронтовых редакциях работали И. Л. Андроников, Ю. П. Герман, В. А. Закруткин, А. С. Левада, М. С. Лисянский, Н. К. Чуковский, С. П. Щипачев и другие. Колоссальная роль военных корреспондентов заключалась в том, что они создавали целостную картину событий на фронте, поднимали боевой дух солдат и тружеников тыла. Их очерки, рассказы и фельетоны распространялись миллионными тиражами во фронтовых и центральных газетах. Уже к кон-

цу 1942 года в стране выходило 4 центральных, 13 фронтовых, 60 армейских, 600 дивизионных и бригадных газет.

Особое место среди военных корреспондентов занимал И. Г. Эренбург, чьи статьи и очерки пользовались большой любовью и уважением у читателей. Всего за время войны он опубликовал около 1500 антифашистских пропагандистских статей и произведений. 200 из них собраны в книге «Война. 1941–1945».

Для поднятия боевого духа солдат и офицеров на призывных пунктах, в армейских казармах и военных госпиталях, на передовой проводились концерты силами фронтовых бригад артистов и даже специальных фронтовых театров. «Всего в годы Великой Отечественной войны действовало около четырёх тысяч фронтовых бригад (из них более 700 в Москве и более 500 в Ленинграде). Не было ни одной военной части, где бы ни побывали артисты. Под обстрелами, на передовой они показали 1 миллион 350 тысяч спектаклей и концертов. В работе бригад приняли участие 42 000 актёров, некоторые из них выступали на различных фронтах по несколько сот раз» [21, с. 65].

Такие произведения, как «Ракеты и гранаты» А. П. Гайдара, «Моабитские тетради» М. Джалиля, «Фронтовой дневник» Е. П. Петрова, «От Белгорода до Карпат» Б. Н. Полевого, «Дни и ночи», «Русские люди», «Так и будет», «Под каштанами Праги» К. М. Симонова, «Русский характер» А. Н. Толстого, «Непокорённые» Б. Л. Горбатова, «Наука ненависти», «Они сражались за Родину» М. А. Шолохова и другие, точно и глубоко отражали дух войны и характер советского человека, защищающего свою родину в смертельной схватке с врагом.

Художественная и научная интеллигенция, духовенство, оставшиеся в тылу, инициировали создание Общественного фонда обороны. В первые дни войны было собрано 300 миллионов рублей. Представители творческих профессий жертвовали государственные премии, месячные и полугодовые заработки, разовые пожертвования в фонд обороны страны. На эти деньги были построены и переданы в действующую армию дополнительные танки, самолёты, артиллерийские орудия и боевые корабли, что является безусловным показателем всенародного патриотизма. Примером такого участия стала следующая запись: «Дорогой товарищ Тимошенко! Прошу зачислить в фонд обороны СССР присуждённую мне Сталинскую премию первой степени. По Вашему зову в любой момент готов стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину и великое дело Ленина — Сталина. Полковой комиссар запаса РККА писатель Михаил Шолохов» [22, с. 113].

Ярких примеров множество: «Композитор М. Коваль пожертвовал Северо-Западному фронту свою Госпремию 100 тыс. рублей на строительство самолёта «Емельян Пугачёв». На постройку танка «Иван Мичурин» А. Герасимов, заслуженный деятель искусств РСФСР, передал 150 тыс. рублей. По 50 тыс. рублей пожертвовали народный артист РСФСР Н. Ханаев, народная артистка СССР А. Яблочкина, актёры Каменец-Подольского театра им. Петровского. Народный артист СССР А.А. Остужев обязался до конца войны ежемесячно отчислять в Фонд обороны 50% своего заработка. Народные артисты СССР В.В. Барсова и М.Д. Михайлов, И.С. Козловский, М.О. Рейзен, В.И. Качалов, О.Л. Книппер-Чехова, И.М. Москвин, композитор С.С. Прокофьев, профессор Московской государственной консерватории В.В. Нечаев давали концерты в Фонд обороны» [23, с. 70–72].

Таким образом, своей деятельностью в военные годы представители художественной интеллигенции способствовали не только укреплению морально-

го духа населения и формирования патриотического сознания, но и активному участию в обеспечении материальной поддержки фронта. Их усилия сыграли важную роль в сохранении культурного наследия и укреплении общественного договора между государством и народом.

Роль художественной интеллигенции в мобилизации духовных сил советского народа. Война не смогла приостановить развития советского культурного процесса: в стране продолжали работать театры, клубы, цирки, библиотеки, проводились художественные выставки, конкурсы, декады мастеров искусства и литературы и другие мероприятия. Композитор Д. Д. Шостакович отметил, что: «...ни в одной национальной культуре война не рождала столь колоссального взлёта творчества... Факт сам по себе беспрецедентен. Искусство напрямую участвовало в борьбе народа с врагом. Наше искусство было напоено беспредельной любовью к Родине, это был его главный определяющий тон» [24, с. 155]. Высочайшую значимость радио, театра, музыки и литературы в поддержании морального духа населения в условиях экстремальных испытаний показал и опыт Ленинграда [25].

Эвакуация учреждений культуры и их концентрация в восточных регионах, привела к коренному изменению там социокультурной ситуации и формированию новых художественных центров. Военные годы стали временем активной образовательной и культурной политики государства в среднеазиатских республиках. В эвакуацию, в Чистополь, Елабугу, Ташкент, Алма-Ату, были направлены представители художественной интеллигенции, среди которых М. И. Цветаева, А. А. Ахматова, Б. Л. Пастернак, А. Н. Толстой, К. И. Чуковский, А. А. Тарковский, В. А. Луговской, Е. С. Булгакова, М. М. Зощенко, В. Б. Шкловский, С. М. Эйзенштейн и другие. Несмотря на бытовую неустроенность, трудности с обеспечением продовольствием, бедность и некомфортные условия жизни в провинциальных городах по сравнению с Москвой и Ленинградом, в этих местах, удалённых от столичного контроля, в творческой среде складывается атмосфера свободы и надежды на лучшее.

Как отмечает исследователь: «Да, но чудесным образом в эвакуации возникает атмосфера свободы. Как сформулировал Пастернак: “Чистополь — это место, где можно говорить всё”. Федин пишет там воспоминания о “Серапионовых братьях” — “Горький среди нас”, Пастернак, хотя и занимается в основном переводами, начинает обдумывать “Доктора Живаго”, внутренне уже нащупывая смысловые узлы начала века, как и Ахматова, которая пишет “Поэму без героя”. Это творческое и живое состояние продлилось год-полтора, а потом закончилось, но оказало огромное влияние на русскую литературу» [26].

В 1941–1942 гг. наблюдалось некоторое ослабление административно-идеологического контроля в области искусства, литературы. Все художественные произведения того времени служили главным целям: мобилизации населения страны на борьбу с нацистскими агрессорами и укреплению уверенности в победе. Больших высот в годы войны достигла советская поэзия. Об этом свидетельствует О. Берггольц: «Я думаю, что никогда больше не будут люди слушать стихи так, как слушали стихи ленинградских поэтов в ту зиму голодные, опухшие, еле живые ленинградцы...» [27, с. 12]. А. Сурков, не понаслышке знавший трагедии войны, говорил на партийном собрании, посвящённом московским писателям: «У нас сейчас должны появиться такие стихи, от которых сжимаются кулаки, стихи, от которых захочется или плакать, или зубами скрежетать»

[28, с. 43]. Стихотворения «Жди меня, и я вернусь», «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины» К. М. Симонова, «Февральский дневник» О. Ф. Берггольц, «Бьётся в тесной печурке огонь» А. А. Суркова, поэма «Василий Теркин» А. Т. Твардовского вмещали в себя и эпическое, эпохальное, и личное, лирическое, были спутниками солдат в окопах.

Советские композиторы отразили образ героического и трагического военного времени в академической музыке, в знаменитых музыкальных произведениях «Пятой симфонии» и «Шестой симфонии» С. С. Прокофьева, «Седьмой симфонии» и «Восьмой симфонии» Д. Д. Шостаковича, «Второй симфонии» А. И. Хачатуряна и т.д., где ярчайшим образом переданы образ истинного зла, жестокая, разрушительная, неумолимая сила войны, но в финале звучала безоговорочная, абсолютная вера в полную победу.

Особую же популярность получил в это время кинематограф. Киноиндустрия адаптировалась к новым условиям: приоритетно получила фронтовая кинохроника и агитационные короткометражные фильмы. Однако, несмотря на тяжёлые военные условия, снимались фильмы, прославляющие героизм советских людей на фронте и в тылу: «Убийцы выходят на дорогу» (В. И. Пудовкин и Ю. В. Тарич), «Зоя» (Л. О. Арнштам), «Два бойца» (Л. Д. Луков), «Непобедимые» (С. А. Герасимов и М. К. Калатозов) и т.д. Также создавались фильмы, помогающие перенести военные тяготы, подкрепляющие надежду на окончание войны и мирное будущее: «Свинарка и пастух» (И. А. Пырьев), «Свадьба» (И. М. Анненский), «Черевички» (Н. Н. Кошверова и М. Г. Шапиро).

В 1943 году партийно-государственный контроль над художественным процессом вновь усиливается. Ближе к концу войны количество секретной информации, ограничений и случаев цензуры разрастается: нельзя писать про голод и смерть в блокадном Ленинграде, нельзя про провальные первые месяцы войны и отступление Красной Армии, нельзя про личную ответственность Вождя. Управлением пропаганды и агитации при ВКП(б) не допущены к изданию 432 «вредные и неуместные» книги. Однако основное место в репертуаре театров, в киносценариях и литературных сюжетах по-прежнему, занимали произведения, организующие народ на защиту Родины, отражающие героическое прошлое русского народа и других народов страны в борьбе против германского фашизма.

Выводы. Несмотря на то, что творческий процесс в СССР находился под жёстким контролем государства и регулировался официальными постановлениями, в ситуации реальной угрозы выживания нации даже та часть художественной интеллигенции, которая была оппозиционна власти, поддержала общественный договор и значительно сплотилась с другими социальными группами. Как отмечает исследователь: «Трагичность советской эпохи в сочетании с романтическим пафосом созидания нового строя и оптимистическими надеждами на лучшее будущее порождали поразительный эффект профессионального подвижничества и плодотворного напряжения творческих сил интеллигенции» [29, с. 15].

Ещё в предвоенный период представители художественной интеллигенции усиленно реконструировали массовое сознание, обращаясь к глубоким историческим корням, символам и смыслам, способствующим укреплению этнического самосознания и воспитанию патриотизма советского народа. В годы войны она продолжила выполнять важнейшую функцию — укрепление веры в победу, поддержание боевого духа и сплочение народа перед лицом внешней угрозы.

Созидательная деятельность, высокая социальная сплочённость и патриотизм, проявленные советской художественной интеллигенцией в годы Великой Отечественной войны, способствовали сохранению социального единства и легитимности общественного договора в неблагоприятных и угрожающих обстоятельствах военного времени.

Библиографический список

1. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке / Г. А. Гончаров, С. А. Баканов, Н. В. Грипина [и др.]. Челябинск : Энциклопедия, 2013. 128 с. EDN [VUFHID](#).
2. Тартыгашева Г. В. Художественная интеллигенция как субъект общественного договора в период культурной революции в СССР (1930-е гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2024. № 3. С. 24–34. DOI [10.28995/2073-6401-2024-3-24-34](#). EDN [CRUVAL](#).
3. Тощенко Ж. Т. Общественный договор: смысл и современное значение : выступление на Пленарном заседании «Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире» // XXI Международные Лихачевские научные чтения. 2023. С. 132. URL: https://www.lihachev.ru/chten/2023/plen/Toshchenko_ZhT_2023.pdf (дата обращения: 25.02.2025).
4. Самнер У. Народные обычаи: Исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1998. № 12. С. 4–34.
5. Козер Л. Функции социального конфликта. М. : Идея-Пресс, 2000. 205 с.
6. Mueller J. E. Presidential Popularity from Truman to Johnson // American Political Science Review. 1970. Vol. 64. Issue 1. P. 18–34. DOI [10.2307/1955610](#).
7. Потапов Д. С. К вопросу об образе врага в социальных и психологических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8, № 2-1. С. 83–89. EDN [JHBHCD](#).
8. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62. EDN [HYZEGX](#).
9. Зайцев Д. В., Зайцева О. В. Социальная сплоченность: опыт социологической рефлексии // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. № 4(63). С. 103–106. EDN [XHNEST](#).
10. Антипина В. А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930-1950-е годы. М. : Молодая гвардия, 2005. 407 с.
11. Меметов В. С. Идеино-воспитательная работа КПСС среди художественной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): дис... д-ра истор. наук : 07.00.01 / Меметов Валерий Сергеевич. Иваново, 1983. 468 с. EDN [NPNSNH](#).
12. Равикович Д. А. Формирование государственной музейной сети (1917 — I половина 60-х гг.). М., 1988. 151 с.
13. Культурное строительство СССР : статистический сборник / Сост.: К. Н. Бухман, Т. П. Бялая, А. В. Гумилева [и др.]. М.; Л. : Госпланиздат, 1940. 268 с.
14. Павленко Н. А. Александр Невский : киноповесть // Собрание сочинений в 6 т. Т. 4: Пьесы и киносценарии. М. : Гослитиздат, 1954. 376 с.
15. Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине. М. : Книга, 1990. 435 с.
16. Солдаткина Я. В. Национальное мировоззрение «сталинской эпохи»: советская культура и русская эпическая проза // Обсерватория культуры. 2009. № 5. С. 108–112. EDN [KXMECX](#).
17. «Свершилось. Пришли немцы!». Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / Сост. и отв. ред. О. В. Будницкий. М. : РОССПЭН, 2012. 325 с.
18. Пришвин М. М. Дневники. 1940-1941. М. : РОССПЭН, 2012. 880 с.
19. Чернобаева Т. П. Вклад художественной интеллигенции в победу советского народа // Прошлое и будущее российской интеллигенции : сб. научных трудов. М. : Проспект, 2015. С. 59–68.
20. Рунин Б. М. Мое окружение: Записки случайно уцелевшего. М. : Возвращение, 1995. 218 с.

21. *Фахретдинова И. И.* Фронтовые концертные бригады в годы Великой Отечественной войны // *Colloquium-Journal*. 2020. № 8-3(60). С. 64-65. DOI [10.24411/2520-6990-2020-11539](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11539). EDN [HAXXPE](#).
22. *Цыганов Д.* Сталинская премия по литературе : Культурная политика и эстетический канон сталинизма. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 800 с.
23. *Батюк Л. И.* Советская культура в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны // К 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Выдающиеся события в мировой истории : сборник. М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2010. С. 70–72.
24. *Шостакович Д.* Музыка и время (1975 №7) // *Свободная мысль*. 2009. № 5(1600). С. 155–160. EDN [TSLRDB](#).
25. *Григорьев Н. Ю., Родюков Э. Б.* Культура и искусство в битве за Ленинград // *Наука. Культура. Общество*. 2019. № 1. С. 76–86. EDN [NBSBOW](#).
26. *Бабицкая В.* В эвакуации писатели встретились со своей страной // *Полка*. 24.03.2020. URL: <https://polka.academy/materials/681> (дата обращения: 20.02.2025).
27. *Берггольц О.* Дневные звезды; Говорит Ленинград; Статьи. Л. : Худож. лит., 1985. 257 с.
28. *Батюк Л. И.* Культура России в годы Великой Отечественной войны : дис... канд. истор. наук : 07.00.02 / Батюк Любовь Ивановна. М., 2005. 182 с. EDN [NNIOLH](#).
29. *Меметов В. С.* О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // *Интеллигенция и мир*. 2008. № 2. С. 7–26. EDN [JVKDOR](#).

Поступила: 14.04.2025. Доработана: 20.05.2025. Принята: 26.05.2025.

Сведения об авторе:

Тартыгашева Галина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории социологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

tarty@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [448665](#); ORCID: [0000-0003-4553-8819](#)

G. V. Tartygasheva¹

¹ Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia

SOCIAL CONTRACT BETWEEN ARTISTIC INTELLIGENTSIA AND THE GOVERNMENT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Abstract. In the article, based on a historical-sociological analysis, the role of the artistic intelligentsia and the party-state elite in shaping social cohesion, patriotism, national unity, and the mobilization of the Soviet people's spiritual strength is revealed as key components of the social contract. Author examines the features of the social contract between the artistic intelligentsia and the Soviet government during the Great Patriotic War of 1941-1945. Directors, actors, writers, musicians, composers, and artists fought at the front, supported fundraising for the National Defense Fund, conducted agitation and propaganda work, and ensured the stable development of Soviet culture in the rear. Despite the ambiguous attitude towards the Soviet government and the existence of opposition among the creators, during the war, the artistic intelligentsia rallied to serve the interests of the state and the people, significantly contributing to the support of the fighting spirit and the mobilization of the spiritual forces of the people. Thanks to her creativity, appeal to historical roots, symbols and meanings, there was a growth of national consciousness and unity of the Soviet people in the difficult conditions of wartime.

Keywords: artistic intelligentsia, social contract, Great Patriotic War, cultural policy, social cohesion, patriotism, national unity

For citation: Tartygasheva G. V. Social contract between artistic intelligentsia and the government during the Great Patriotic war (1941–1945). *Science. Culture. Society*. 2025;31(2):87–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.2.7>

Acknowledgements: This work is supported by the Russian Science Foundation, project 23-18-00093 “The fate of the social contract in Russia: the evolution of ideas and lessons of implementation”, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00093/>

References

1. Goncharov G. A., Bakanov S. A., Grishina N. V. [et al.]. The mobilization model of the development of Russian society in the twentieth century. Chelyabinsk: Encyclopedia; 2013. (In Russ.).
2. Tartygasheva G. V. Artistic intelligentsia as a subject of social contract during the Cultural Revolution in the USSR (1930s). *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*. 2024;(3):24–34. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2024-3-24-34](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2024-3-24-34).
3. Toshchenko J. T. Social contract: meaning and modern meaning: speech at the Plenary session “Dialogues and conflicts of cultures in a changing world”. XXI International Likhachev scientific readings. 2023:132. Available at: https://www.lihachev.ru/chten/2023/plen/Toshchenko_ZhT_2023.pdf (accessed: 25.02.2025). (In Russ.).
4. Sumner W. Folk customs: A study of the sociological significance of customs, manners, habits, morals and ethics. *Rubezh: Al'manakh sotsial'nykh issledovaniy*. 1998;(12):4–34. (In Russ.).
5. Coser L. The functions of social conflict. Moscow: Idea-Press; 2000. (In Russ.).
6. Mueller J. E. Presidential Popularity from Truman to Johnson. *American Political Science Review*. 1970;64(1):18–34. DOI [10.2307/1955610](https://doi.org/10.2307/1955610).
7. Potapov D. S. To the question of the enemy of the enemy in social and psychological researches. *Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*. 2019;8(2-1):83–89. (In Russ.).
8. Hobsbawm E. Invention of tradition. *Acta Eurasica*. 2000;(1):47–62. (In Russ.).
9. Zaitsev D. V., Zaitseva O. V. Social cohesion: a sociological reflection. *Vestnik Saratov State Socia-Economic University*. 2016;(4):103–106. (In Russ.).
10. Antipina V. A. The daily life of Soviet writers. 1930s–1950s. Moscow: Molodaya Gvardiya; 2005. (In Russ.).
11. Memetov V. S. Ideological and educational work of the CPSU among the artistic intelligentsia during the Great Patriotic War (1941–1945). Doctor Degree Thesis. Ivanovo; 1983. (In Russ.).
12. Ravikovich D. A. Formation of the state museum network (1917 – I half of the 60s). Moscow, 1988. (In Russ.).
13. Bukhman K. N., Byalaya T. P., Gumileva A. V. [et al.] (comp.). Cultural construction of the USSR. Statistical collection. Moscow; Leningrad; 1940. (In Russ.).
14. Pavlenko N. A. Alexander Nevsky: film story. In: *Collected Works in 6 vols. Vol. 4: Plays and screenplays*. Moscow: Goslitizdat; 1954. (In Russ.).
15. Simonov K. M. Through the eyes of a man of my generation: reflections on I. V. Stalin. Moscow: Kniga; 1990. (In Russ.).
16. Soldatkina Ya. V. National world consciousness of the “Stalin era”: Soviet culture and Russian epic prose. *Observatory of Culture*. 2009;(5):108–112. (In Russ.).
17. Budnitsky O. V. (comp. & ed.). “It happened. The Germans have come!”. Ideological collaboration in the USSR during the Great Patriotic War. Moscow: ROSSPEN; 2012. (In Russ.).
18. Prishvin M. M. Diaries. 1940–1941. Moscow: ROSSPEN; 2012. (In Russ.).
19. Chernobaeva T. P. Contribution of the artistic intelligentsia to the victory of the Soviet people. In: *Past and future of Russian intelligentsia: collection of scientific papers*. Moscow: Prospekt; 2015. P. 59–68. (In Russ.).
20. Runin B. M. My environment: Notes of an accidental survivor. Moscow: Vozvrashchenie; 1995. (In Russ.).
21. Fahretdinova I. I. Front concert brigades during the Great Patriotic war. *Colloquium-journal*. 2020;(8-3):64–65. (In Russ.). DOI [10.24411/2520-6990-2020-11539](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11539).
22. Tsyganov D. Stalin Prize for Literature: Cultural Policy and the aesthetic canon of Stalinism. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2023. (In Russ.).

23. Batyuk L. I. Soviet culture in the fight against fascism during the Great Patriotic War. In: On the 65th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War. Outstanding events in world history: coll. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics; 2010. P. 70–72. (In Russ.).
24. Shostakovich D. Music and Time (1975 №7). *Svobodnaya mysl'*. 2009;(5):155–160. (In Russ.).
25. Grigoryev N. Y., Rodyukov E. B. Culture and art in the battle of Leningrad. *Science. Culture. Society*. 2019;25(1):76–86. (In Russ.).
26. Babitskaya V. During the evacuation, the writers met with their country. Available at: <https://polka.academy/materials/681> (accessed: 02.20.2025).
27. Bergholts O. Day stars; Leningrad speaks; Articles. Leningrad: Khudozh. lit.; 1985. (In Russ.).
28. Batyuk L. I. Culture of Russia during the Great Patriotic War. Candidate Degree Thesis. Moscow, 2005. (In Russ.).
29. Memetov V. S. On some methodological approaches in the study of the concept of “intelligentsia” in Russian historiography. *The Intelligentsia and the World*. 2008;(2):7–26. (In Russ.).

Received: 14.04.2025. Corrected: 20.05.2025. Accepted: 26.05.2025.

Author information:

Galina V. Tartygasheva, Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

tarty@yandex.ru

ORCID: [0000-0003-4553-8819](https://orcid.org/0000-0003-4553-8819)

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.2.8](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.8)
EDN [KKFOKU](https://edn.kkforku.ru)
УДК 159.9+316.6

М. П. Китаева¹

¹ Московский институт психологии. Москва, Россия

АНДРОГИННАЯ ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В современных социальных условиях всё большее значение приобретает андрогинный тип гендерной идентичности, сочетающий феминные и маскулинные черты, выступающий как адаптивный механизм личностной идентификации в условиях размывания традиционных норм. Цель исследования — выявить особенности андрогинных мужчин и женщин, способствующие или затрудняющие их социальную адаптацию. В работе использованы данные эмпирических исследований последнего десятилетия, проведён анализ взаимосвязей между гендерным статусом личности и такими аспектами, как семейные установки, профессиональный выбор, деятельность в коллективе, уровень тревожности и социальное поведение. Установлено, что андрогинный гендерный статус является доминирующим среди представителей разных возрастных групп, особенно среди молодёжи. Образ идеальной женщины всё чаще формируется в русле биархата (принципа гендерного равноправия) и включает андрогинные черты, тогда как образ идеального мужчины остаётся в значительной степени патриархальным, хотя к нему начинают добавляться «феминные» элементы эмоциональной открытости и заботы. Андрогинные личности демонстрируют высокую адаптивность: они успешнее реализуют себя в профессиональной сфере, обладают более широким диапазоном ролевых возможностей и характеризуются повышенной социальной компетентностью. Однако в некоторых контекстах — таких как распределение семейных ролей или восприятие собственной значимости — андрогинность может сопровождаться неопределённостью и внутренним конфликтом. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в кадровой работе, органах власти и местного самоуправления, административных структурах, образовательной и психологической консультативной деятельности.

Ключевые слова: андрогинность, феминность, маскулинность, аномия, социальная адаптация, гендерная идентичность, гендерный статус, биархат

Для цитирования: Китаева М. П. Андрогинная гендерная идентичность личности в условиях современного общества // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 99–110. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.8](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.8). EDN [KKFOKU](https://edn.kkforku.ru).

Введение. Современное общество по множеству социальных параметров является аномичным [1]. Термин «аномия» был введён Э. Дюркгеймом, который определял его как социальное явление, связанное с кризисом ценностей, их рассогласованием, способным привести к социальной дезорганизации, деструкции и различным формам девиантного поведения [2]. Первоначально понятие аномии применялось к анализу общества в целом, однако дальнейшее развитие теории позволило распространить его на различные сферы социальной жизни. В современных социальных науках выделяются дополнительно такие виды аномии, как семейная, экономическая, духовная, политическая, правовая, крими-

нальная, социокультурная, инновационная, а также так называемая нормальная аномия [1].

Аномичные процессы, присущие современному обществу, затрагивают и сферу гендерной идентичности. Одним из её проявлений становится распространение андрогинного гендерного статуса, сочетающего в себе как феминные, так и маскулинные черты личности [3]. Основанная на гендерном статусе типология личности, используемая в нашей работе, разработана и введена в научный аппарат С. Л. Бемом. Она включает в себя три основных типа личности:

- 1) **маскулинный тип**, личность которого определяется преимущественно традиционными в данной культуре мужскими чертами;
- 2) **феминный тип**, личность которого определяется преимущественно традиционными в данной культуре женскими чертами;
- 3) **андрогинный тип**, объединяющий как мужские, так и женские характеристики, обычно ассоциируемые в данной культуре с соответствующими полами [4].

Аномичность андрогинного человека коррелирует с трансформацией патриархальной модели социальной организации, основанной на чёткой иерархии: мужчины занимают доминирующие позиции, а женщины — подчинённые. Эта модель традиционно способствовала формированию у мужчин преимущественно маскулинного, а у женщин — феминного типа идентичности. Современные социально-культурные изменения указывают на постепенный переход к биархату — системе, предполагающей гендерное равенство и отсутствие иерархических различий, обусловленных половой принадлежностью. Такой переход создаёт условия для формирования андрогинного типа идентичности [5].

В рамках данного исследования под термином биархат понимается модель социального устройства, включающая принципы гендерного равенства, интерпретируемого как фактическое и юридическое равноправие мужчин и женщин в сферах управления обществом и семьёй.

Аномичность может приводить к состоянию маргинальности, зачастую тяжело переживаемому человеком. Хотя маргинальное положение имеет и положительные аспекты — способствует развитию способности рассматривать любую ситуацию с разных позиций (благодаря одновременной принадлежности к нескольким социальным группам), оно также связано с рядом негативных последствий. К ним относится повышенная эмоциональная лабильность и тревожность, обусловленные отсутствием чётких норм и ценностей. В частности, группы, к которым принадлежит маргинальный индивид, могут транслировать противоречия или даже противоположные установки, что усиливает внутренние конфликты и неопределённость [6].

Н. А. Чуркина рассматривает андрогинную гендерную идентичность как один из механизмов успешной адаптации личности к условиям современного общества: сочетание в индивиде феминных и маскулинных норм, ценностей и идеалов способствует формированию более гибкой и устойчивой социальной позиции. Особое внимание она уделяет интерпретации феминности и маскулинности через категорию «Свой–Чужой»: принадлежность одновременно к обоим гендерным полюсам (в рамках андрогинного статуса) позволяет снизить уровень тревожности, связанной с восприятием другого пола как чуждого. Это создаёт предпосылки для формирования коллективного субъекта «Мы» как единства человеческого, а не мужского или женского. Кроме того, андрогиния выступает средством преодоления принципа центрации, лежащего в осно-

ве традиционных иерархических представлений о гендере. Она заменяется на принцип децентрации, при котором человек начинает осознавать себя не через противопоставление другим, а через их сходство с собой. Н. А. Чуркина подчёркивает, что андрогиния является естественным продуктом эволюции современного общества; она проявляет особенности обоих полов, которые изначально присущи каждому человеку на генетическом и гормональном уровнях, независимо от его биологического пола [7].

Целью исследования является изучение особенностей андрогинных мужчин и женщин, которые способствуют или затрудняют их социальную адаптацию.

Методология исследования включает историографический и аналитический обзор отечественных публикаций последнего десятилетия, посвящённых взаимосвязи гендерного статуса (феминного, маскулинного, андрогинного) с личностными характеристиками. Результатом проведённого анализа стало формирование целостного представления о преимуществах и ограничениях андрогинного гендерного статуса у мужчин и женщин.

Распространённость андрогинного гендерного статуса. На основании анализа эмпирических исследований можно констатировать, что андрогинный гендерный статус встречается с различной степенью распространённости на разных этапах жизненного цикла человека (см. табл. 1).

Таблица 1

Распространённость андрогинного гендерного статуса у людей разного возраста

Возрастной период	Частота встречаемости андрогинного гендерного статуса, %	Информация об эмпирическом исследовании
Подростковый возраст	49	Рогова Е. Е., Рогов Е. И., 2024 [8]
	80	Шурухина Г. А., Митина Г. В., Гизатуллина А. М., 2022 [9]
	81	Васюра С. А., 2016 [10]
Юношество	10–30	Черчес Т. Е., Колас Т. А., 2021 [11]
	23–30	Прайзендорф Е. С., Чижова Е. А., 2019 [12]
	27	Шурухина Г. А., Митина Г. В., Гизатуллина А. М., 2022 [9]
	35–60	Горбылева К. В., Зарифьян А. Г., Бебинов Е. М., 2015 [13]
	47–60	Юрченко А. А., 2022 [14]
	63	Харламова Т. М., Макарова М. А., 2022 [15]
	75	Родштейн М. Н., 2019 [16]
Молодость	50	Пахомова В. Б., Бойко А. В., 2022 [17]
	56	Иванова Е. С., Ласнова Д. С., 2016 [18]
	70	Родштейн М. Н., 2019 [16]
	82–85	Барканова О. В., Потапова Е. В., 2016 [19]
Зрелость	70	Родштейн М. Н., 2019 [16]

Анализ данных, представленных в Таблице 1, выявляет возрастные особенности распространённости андрогинного гендерного статуса. Наиболее высокие значения зафиксированы в подростковом и молодом возрасте (до 81 и 85% соответственно), что может быть связано с активным формированием личностной и гендерной идентичности, а также стремлением к преодолению жёстких гендерных стереотипов. В юношеском возрасте наблюдается наибольший разброс значений (от 10 до 75%). Такая вариативность может отражать влияние индивидуальных и социокультурных факторов, включая семейные установки, образовательную среду и уровень гендерной толерантности в обществе. Что касается зрелого возраста, единственное доступное исследование указывает на уровень андрогинности на отметке 70%, что может свидетельствовать о её вневозрастном характере. Однако ввиду недостаточности эмпирической базы по данному возрастному периоду, сделать устойчивые выводы пока не представляется возможным.

Таким образом, андрогинный гендерный статус проявляется как социально-психологический ресурс, особенно выраженный в переходные периоды онтогенеза, когда личность сталкивается с необходимостью выбора, переоценки ценностей и построения целостной модели самоидентификации.

Ещё одним результатом анализа эмпирических исследований стал тот факт, что в большинстве исследований андрогинный гендерный статус является наиболее распространённым в выборках российских респондентов.

Взаимосвязь гендерного статуса и образа идеального мужчины, женщины.

Эмпирическая база демонстрирует наличие чёткой взаимосвязи между гендерным статусом личности и её представлениями об идеальном мужчине и женщине. По данным исследования Д. В. Погонцевой, феминные и андрогинные женщины чаще приписывают образу красивой женщины феминную идентичность, тогда как маскулинные и недифференцированные по гендеру женщины склонны видеть в ней сочетание как феминных, так и маскулинных черт [20]. В свою очередь, исследование М. Н. Родштейна показывает, что мужчины продолжают ассоциировать идеального мужчину с выраженным маскулинным типом [16]. Однако, согласно данным Ш. Сюй, женщины всё чаще ожидают от мужчин проявления не только традиционных маскулинных качеств, но и феминных характеристик, таких как забота, эмоциональная доступность и способность к сопереживанию [21].

Исследование Ю. Г. Тищенко, Н. Ю. Ковалёвой и И. А. Тищенко выявило региональные различия в восприятии гендера: у студентов большого города доля традиционных представлений о феминности и маскулинности составляет — 60%, у студентов города-миллионника доля традиционных представлений снижается до 33%. Также было зафиксировано, что мужчины больше проявляют ингрупповой фаворитизм, чем женщины, и чаще сохраняют чёткое разделение характеристик на «мужские» и «женские». Женщины, напротив, демонстрируют большую гибкость в гендерной дифференциации [22]. Интересно, что по данным исследования А. А. Юрченко, девушкам более характерно приписывать образу мужчин маскулинность, чем юношам [14].

Обобщая, можно отметить, что образ идеального мужчины остаётся в значительной степени патриархальным, однако к нему начинают добавляться ожидания, связанные с проявлением феминных качеств. Что касается идеальной женщины, её образ всё чаще приобретает андрогинные черты.

Более быстрое формирование характерного для биархата андрогинного типа у женщин по сравнению с мужчинами может быть связано с активностью фе-

министских сообществ, которые акцентировали внимание на женских потребностях и правах. В ответ на это в последние годы стали формироваться сообщества, отстаивающие интересы мужчин, что свидетельствует о начале перераспределения внимания к гендерным вопросам в изменённой социальной среде.

Взаимосвязь гендерного статуса и спортивных занятий. Исследования в области спортивной психологии свидетельствуют о наличии взаимосвязи между гендерной идентичностью и физической активностью. Так, Е. Н. Каспарова, Г. В. Скриган, В. И. Дунай и Е. Н. Комиссарова выявили соответствие между типом телосложения спортсмена (мужским или женским) и его гендерной идентичностью: у большинства участников мужской тип телосложения сочетался с маскулинной, а женский — с феминной идентичностью [23].

Кроме того, было установлено, что юноши, регулярно занимающиеся спортом, демонстрируют более выраженные маскулинные черты по сравнению с их сверстниками, не увлекающимися спортом [23]. Это может быть связано как с культурными установками, согласно которым спорт ассоциируется с силой, выносливостью и другими традиционно мужскими качествами, так и с процессами самовыражения и формирования идентичности через физическое развитие.

Взаимосвязь гендерного статуса и самооотношения, тревожности. Результаты ряда исследований указывают на наличие связи между гендерным статусом личности и её уровнем тревожности, самооценкой, а также стратегиями саморегуляции и когнитивными показателями. Согласно исследованию А. С. Семака [24], у феминных девушек и маскулинных юношей зафиксирован более низкий уровень как личностной, так и ситуативной тревожности по сравнению с другими гендерными типами.

В свою очередь Т. Е. Черчес и Т. А. Колас выявили, что у респондентов с недифференцированным типом гендерной идентичности наблюдается несформированность представлений о себе как о целостной личности, тогда как респонденты с андрогинным типом идентичности демонстрируют максимальную адаптивность и положительную самооценку. Для маскулинных женщин и феминных мужчин чаще характерны внутренняя тревога, конфликтность и беспокойство [11].

Исследование Е. О. Канушкиной и С. А. Медведевой позволило установить ряд значимых различий среди женщин 30–35 лет. Уверенность в себе положительно коррелировала: с социальным статусом у феминных и маскулинных женщин; с удовлетворённостью семейным положением у феминных и андрогинных женщин. Высокая удовлетворённость как социальным, так и семейным положением наблюдалась у андрогинных и маскулинных женщин; у феминных женщин этот показатель был ниже. Уверенность в себе намного выше у маскулинных женщин, чем у андрогинных и феминных. Саморуководство проявлялось в большей степени у андрогинных и маскулинных женщин, чем у феминных женщин. У феминных женщин самый высокий уровень самопривязанности, у андрогинных — самый низкий. Внутренняя конфликтность наиболее высока у феминных женщин, намного ниже — у андрогинных и маскулинных. Самообвинение оказалось самым высоким у феминных женщин и минимальным у маскулинных [25].

Важно отметить, что андрогинные мужчины и женщины более склонны к проявлению конструктивного нарциссизма — признанию собственной ценности, реалистичной самооценке и принятию себя [26]. При этом андрогинные юноши по сравнению с маскулинными демонстрируют более высокий уровень тревож-

ности, повышенную самоагрессию и меньший объём кратковременной образной памяти. Маскулинные девушки по сравнению с андрогинными тоже отличаются высоким уровнем тревожности, но лучше распознают наглядный материал, хотя допускают больше ошибок в тестах на избирательность внимания. Андрогинные девушки, в сравнении с андрогинными юношами, проявляют меньшую тревожность, больший объём кратковременной образной памяти и лучшую избирательность внимания [13]. Кроме того, андрогинные юноши и девушки превосходят сверстников с феминным и маскулинным статусом по уровню жизнестойкости, что опосредовано использованием специфического комплекса копинг-стратегий [18]. Также установлено, что лица с маскулинным гендером склонны к заниженной самооценке, с феминным гендером — к завышенной, тогда как у андрогинных индивидов самооценка чаще соответствует реальности [19].

Взаимосвязь гендерного статуса и семейно-ролевых установок. Анализ эмпирических данных демонстрирует тесную взаимосвязь между гендерным статусом личности и её установками на распределение ролей в семье. По данным исследования Е. С. Прайзендорф и Е. А. Чижовой, установки о распределении ролей в семье 46% подростков соответствуют патриархальной схеме, 17% — эгалитарной схеме, 37% являются неопределёнными. При этом отмечено, что 60% девушек предпочитают эгалитарное распределение ролей между партнёрами [12], что указывает на более выраженное стремление к равноправию в семейной жизни по сравнению с юношами.

Исследование М. В. Ретих дополняет эти данные, акцентируя внимание на психологической совместимости в парах с различными гендерными идентичностями [27]. Согласно этому исследованию, мужчины андрогинного типа обладают более высоким индексом психологической совместимости по ролевой адекватности в родительско-воспитательных отношениях по сравнению с мужчинами феминного и маскулинного типов. Андрогинные женщины характеризуются большей поддерживающей позицией в отношениях, чем их маскулинные сверстницы. Что касается совместимости в разных сферах семейной жизни: в хозяйственно-бытовой сфере андрогинная модель семейной пары имеет более низкую согласованность в хозяйственно-бытовой сфере, чем пара, где муж имеет фемининную идентичность, а жена — андрогинную. В то же время андрогинные пары более совместимы в области эмоциональных отношений.

Взаимосвязь гендерного статуса и профессионального выбора. Представляет интерес рассмотреть, как тип гендерной идентичности влияет на профессиональные установки, склонности к определённым видам деятельности и поведение в профессиональной среде.

Согласно исследованиям А. Н. Селюниной и Е. В. Бондаренко, юноши и девушки с андрогинным типом гендерной идентичности чаще выбирают профессии, соответствующие социальному и артистическому типу личности по классификации Холланда. Эти направления предполагают высокую степень гибкости, эмоциональной открытости и способности к адаптации — черты, характерные для андрогинного типа. Подростки с феминной идентичностью избегают профессиональной деятельности, связанной с абстрактными символами, цифрами, таблицами и графиками. Маскулинные подростки не склонны выбирать профессиональную сферу деятельности с творческой направленностью [28],

что может быть связано с культурными установками, в которых творчество часто воспринимается как сфера, требующая «нежных» качеств.

Интересные данные представлены в исследовании Т. М. Харламовой и М. А. Макаровой, согласно которому феминные студенты чаще выражают негативную реакцию на проявления нетерпимости, хамства и несправедливости со стороны представителей маскулинного типа по сравнению с андрогинными участниками исследования [15]. Это может указывать на более высокую чувствительность феминных личностей к этическим аспектам взаимодействия.

Кроме того, установлен потенциально наиболее эффективный вклад в коллективную деятельность в зависимости от типа гендерной идентичности. Фемининный тип может проявить себя в роли генератора идей. Маскулинный — в роли руководителя при реализации этих идей, а также на позициях, требующих авторитарности. Маскулинные типы эффективнее действуют в ситуациях, требующих четкой организации, тогда как феминные — в условиях, предполагающих дипломатичность и демократичность. Андрогинный тип представляет собой наиболее гибкого участника группы, способного выполнять разнообразные функции в зависимости от ситуации [15]. Его многофункциональность обусловлена сочетанием как маскулинных, так и феминных черт, что делает андрогинных личностей ценными участниками профессиональных команд.

Полученные результаты подтверждают, что андрогинная идентичность может служить ресурсом профессиональной адаптации и успешного взаимодействия в условиях многозадачности и изменяющейся профессиональной среды.

Взаимосвязь гендерного статуса и социального поведения. Анализ поведения подростков в социальном взаимодействии показывает, что андрогинные подростки более инициативны в общении, им легче устанавливать контакты с другими людьми, чем их феминным сверстникам. Также уровень удовлетворённости общением наиболее высок у андрогинных подростков и ниже — у маскулинных и феминных [10], что указывает на потенциальное преимущество андрогинности как ресурса социальной адаптации.

Феминные подростки склонны к более строгому следованию нормам и правилам в общении. Они ориентируются на авторитеты, чувствительны к похвалам и упрёкам, полагаются на поддержку окружающих и стремятся сами оказывать заботу и помощь другим, их поведение характеризуется доброжелательностью и готовностью сглаживать конфликты. Маскулинные подростки, согласно этому исследованию, отличаются иным стилем социального взаимодействия. По сравнению с андрогинными сверстниками, они более категоричны, склонны выявлять недостатки в чужих действиях, категорически требуют послушания, отстаивают свой авторитет, не терпят возражений. Они предпочитают действовать на основе фактов, хладнокровного анализа ситуации и логического планирования. Такой стиль может создавать трудности в эмоциональной близости, но обеспечивает эффективность в формальных коммуникациях.

Согласно результатам других исследований, андрогинный тип гендерной идентичности коррелирует с поведенческим и когнитивным одиночеством, обусловленный осознанием своей непонятости окружающими. Для феминных подростков характерны временные и эмоционально окрашенные формы одиночества, связанные с потребностью в поддержке. Подростки с маскулинной гендерной идентичностью могут довольно долго переживать одиночество, так как испытывают трудности в установлении психосоциальных связей [8]. Все

это подчёркивает значение гендерного статуса как фактора, влияющего на особенности социального взаимодействия в подростковом возрасте.

Заключение. Анализ эмпирических данных свидетельствует о том, что андрогинный гендерный статус становится доминирующей моделью идентичности, особенно среди молодёжи. При этом его распространённость зависит от социально-культурного контекста: представители мегаполисов демонстрируют более высокий уровень принятия андрогинных ценностей по сравнению с жителями меньших населённых пунктов.

Современные идеалы мужественности и женственности находятся в состоянии трансформации. Образ идеальной женщины всё чаще приобретает андрогинные черты, соответствующие принципам биархата, тогда как образ мужчины остаётся в значительной степени патриархальным. Однако наблюдается появление феминных качеств у мужчин — таких как эмпатия, забота и эмоциональная доступность.

Андрогинные личности успешнее реализуют себя в командной работе и обладают широким диапазоном профессиональных предпочтений. Если феминные индивиды склонны быть генераторами идей, а маскулинные — эффективными их исполнителями или руководителями, то андрогинные участники отличаются способностью выполнять разнообразные функции в зависимости от ситуации.

В семейной жизни андрогинные пары показывают высокую совместимость в эмоциональной сфере, хотя могут сталкиваться с неопределённостью в распределении бытовых ролей. Это подчёркивает необходимость переосмысления традиционных семейных ролей в условиях изменяющегося социального контекста.

Результаты проведённого исследования о преимуществах и недостатках андрогинного гендерного статуса имеет широкий спектр практического применения: в кадровой политике — для формирования гибких и эффективных команд; в образовании — при разработке программ саморазвития и гендерной грамотности; в психологическом консультировании — при работе с вопросами идентичности и профессиональной самореализации; в государственных структурах — при формировании гендерно-чувствительных программ.

Итак, андрогинная гендерная идентичность выступает маркером социальной динамики, отражающим формирование новой модели личности, сочетающей элементы традиционной феминности и маскулинности. Её изучение открывает возможности для понимания механизмов социальной адаптации, профессиональной самореализации и межличностного взаимодействия в условиях быстро меняющегося общества.

Библиографический список

1. *Китаева М. П.* Аномия и отчуждение современного человека в изменяющемся мире // Горизонты цивилизации. 2024. № 1(15). С. 42–56. DOI [10.47475/2413-0125-2024-15-1-42-56](https://doi.org/10.47475/2413-0125-2024-15-1-42-56). EDN [WILHXM](https://www.edn.ru/WILHXM).
2. *Нансо М. Д.* Теория аномии Э. Дюркгейма и современность // Социодинамика. 2017. № 2. С. 22–30. DOI [10.7256/2409-7144.2017.2.19456](https://doi.org/10.7256/2409-7144.2017.2.19456). EDN [YGAMLV](https://www.edn.ru/YGAMLV).
3. *Китаева М. П.* Особенности гендерной идентичности в патриархате и биархате // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : Материалы XI Международной научно-практической конференции, (Иркутск, 24 февраля 2025). Иркутск : Иркутский государственный университет, 2025. С. 318–323. EDN [HKUAFZ](https://www.edn.ru/HKUAFZ).
4. *Бем С. Л.* Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М. : РОССПЭН, 2004. 336 с. EDN [QXLMST](https://www.edn.ru/QXLMST).

5. Чуркина Н. А. Гендерная социализация в современном обществе // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 5, № 6. С. 90–92. EDN [WHNDBB](#).
6. Китаева М. П. Маргинальность как причина психологического отчуждения в цифровом обществе // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2023. Т. 4, № 12. С. 79–86. EDN [DCDTKE](#).
7. Чуркина Н. А. Андрогинная идентичность как способ адаптации человека в современном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 5(79). С. 204–206. EDN [YMSEUV](#).
8. Рогова Е. Е., Рогов Е. И. Взаимосвязь гендерной идентичности и одиночества в подростковом возрасте // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2024. № 11(237). С. 319–322. EDN [EMZLXH](#).
9. Шурухина Г. А., Митина Г. В., Гизатуллина А. М. Андрогинный тип гендерной идентичности у подростков и юношей: особенности сепарации // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-1. С. 335–338. EDN [GQVGWR](#).
10. Васюра С. А. Специфика коммуникативной активности подростков разного пола и гендерной идентичности // Гуманитарно-педагогическое образование. 2016. Т. 2, № 3. С. 16–24. EDN [WXFLJJ](#).
11. Черчес Т. Е., Колас Т. А. Гендерные особенности психологического благополучия студенческой молодежи // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2021. № 21-4. С. 410–418. EDN [LLNGMC](#).
12. Прайзендорф Е. С., Чижова Е. А. Представления о семейных ролях в контексте формирования гендерной идентичности // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. № 5(16). С. 33–41. EDN [IHCCQY](#).
13. Горбылева К. В., Зарифьян А. Г., Бебинов Е. М. Влияние типов гендерной идентичности на психофизиологические параметры студентов // Ульяновский медико-биологический журнал. 2015. № 4. С. 79–82. EDN [VEAFPJ](#).
14. Юрченко А. А. Исследование особенностей образа мужчины у современной студенческой молодежи с разной гендерной идентичностью // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2022. № 3. С. 154–165. EDN [MLICES](#).
15. Харламова Т. М., Макарова М. А. Особенности ролевого поведения и статуса в студенческой группе представителей разного типа гендера // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2022. № 1. С. 80–90. DOI [10.24412/2308-717X-2022-1-80-90](#). EDN [ICYINU](#).
16. Родштейн М. Н. Когнитивная модель маскулинности как основание андрогинной гендерной идентификации мужчин // Балканское научное обозрение. 2019. Т. 3, № 4(6). С. 60–63. DOI [10.34671/SCH.BSR.2019.0304.0013](#). EDN [LRUJZT](#).
17. Пахомова В. Б., Бойко А. В. Проявления маскулинности и фемининности у молодых женщин // Студенческий научный форум : материалы Международной студенческой научной конференции (Москва, 12 октября 2021). М. : Евразийская научно-промышленная палата, 2022. Т. 12. С. 47–49. EDN [CHFYZV](#).
18. Иванова Е. С., Ласнова Д. С. Взаимосвязь жизнестойкости и различных типов гендерной идентичности у современной молодежи // Инновации в науке. 2016. № 57-2. С. 66–70. EDN [WACTQF](#).
19. Барканова О. В., Потапова Е. В. Особенности самооценки и представлений о семейных ролях людей с андрогинным гендером // Вестник КГПУ. 2016. № 3(37). С. 131–135. EDN [WVOXOP](#).
20. Погонцева Д. В. Гендерная идентичность женщин и их представления о гендерной идентичности красивой женщины // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 5. С. 41. EDN [SHNPWT](#).
21. Сюй Ш. Вербальные знаки ценностных предпочтений современной женщины (на материале брачных объявлений) // Научный диалог. 2016. № 11(59). С. 110–120. EDN [XBGWBV](#).
22. Тищенко Ю. Г., Ковалева Н. Ю., Тищенко И. А. Конструкты маскулинности и фемининности в гендерных представлениях современной студенческой молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 59–66. DOI [10.17213/2075-2067-2022-2-59-66](#). EDN [GPCMER](#).
23. Каспарова Е. Н., Скриган Г. В., Дунай В. И. Характер соотношения морфологических и поведенческих показателей маскулинности/фемининности в зависимости от занятий спортом // Forcipe. 2020. Т. 3, № 3. С. 19–24. EDN [PFBZBY](#).

24. *Семак А. С.* Связь гендерной идентичности и уровня тревожности у студентов вуза // Психологическое знание в контексте современности: теория и практика : сб. ст. по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции (Йошкар-Ола, 26–28 февраля 2016). Йошкар-Ола : Стринг, 2016. С. 144–149. EDN [YFZFJB](#).
25. *Канушкина Е. О., Медведева С. А.* Исследование уверенности в себе у женщин среднего возраста // Modern Science. 2021. № 10-1. С. 351–355. EDN [EXPMJW](#).
26. *Волобуев В. В., Рядинская Е. Н.* Связь гендерной идентичности и нарциссизма // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2022. Т. 5, № 3. С. 6–17. DOI [10.23947/2658-7165-2022-5-3-6-17](#). EDN [DBQGTB](#).
27. *Ретих М. В.* Андрогинная гендерная идентичность личности в контексте психологической совместимости супругов // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2-2(82). С. 67–71. DOI [10.14258/izvasu\(2014\)2.2-11](#). EDN [TEJXUJ](#).
28. *Селюнина А. Н., Бондаренко Е. В.* Взаимосвязь гендерной идентичности и профессиональной направленности студентов с разным статусом профессиональной идентичности // Актуальные вопросы развития личности профессионала: идентичность в контексте межкультурной коммуникации: Сб. матер. Международного психологического форума (Самара, 25–26 апреля 2024). Самара : МГПУ, 2024. С. 121–126. DOI [10.55000/IPsF.2024.51.86.022](#). EDN [SBOUYA](#).

Поступила: 08.04.2025. Доработана: 21.05.2025. Принята: 30.05.2025.

Сведения об авторе:

Китаева Мария Петровна, доктор психологических наук, кандидат биологических наук, Московский институт психологии. Москва, Россия.

kimape@mail.ru

Author ID РИНЦ: [1030439](#); ORCID: [0000-0002-1129-5989](#)

M. P. Kitaeva¹

¹ Moscow Institute of Psychology. Moscow, Russia

ANDROGYNOUS GENDER IDENTITY IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIETY

Abstract. In modern social conditions, the androgynous type of gender identity combining feminine and masculine traits is gaining increasing significance as an adaptive mechanism of personal identification in the context of eroding traditional norms. The purpose of the study is to identify characteristics of androgynous men and women that facilitate or hinder their social adaptation. The research draws on data from empirical studies conducted over the past decade and includes an analysis of the interrelations between an individual's gender status and such aspects as family attitudes, professional choice, group activity, anxiety levels, and social behaviour. Findings indicate that androgynous gender status is dominant among individuals of different age groups, especially among young people. The image of the ideal woman is increasingly shaped within the framework of biarchism (the principle of gender equality) and includes androgynous traits, whereas the image of the ideal man remains largely patriarchal, although "feminine" elements such as emotional openness and caring are beginning to emerge. Androgynous individuals demonstrate high adaptability: they are more successful in their professional lives, possess a broader range of role possibilities, and are characterised by increased social competence. However, in certain contexts — such as the distribution of family roles or perception of personal significance — androgyny may be accompanied by uncertainty and internal conflict. The practical significance of the study lies in the possibility of applying its findings in personnel management, government and local self-government bodies, administrative structures, as well as in educational and psychological counselling activities.

Keywords: androgyny, femininity, masculinity, anomie, social adaptation, gender identity, gender status, biarchism

For citation: Kitaeva M. P. Androgynous gender identity in the context of modern society. *Science. Culture. Society*. 2025;31(2):99–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.2.8>

References

1. Kitayeva M. P. Anomie and alienation of modern man in a changing world. *Gorizonty tsivilizatsii*. 2024;(1):42–56. (In Russ.). DOI [10.47475/2413-0125-2024-15-1-42-56](https://doi.org/10.47475/2413-0125-2024-15-1-42-56).
2. Napso M. D. Émile Durkheim's theory of anomie and the modernity. *Sociodynamics*. 2017;(2):22–30. (In Russ.). DOI [10.7256/2409-7144.2017.2.19456](https://doi.org/10.7256/2409-7144.2017.2.19456).
3. Kitaeva M. P. Features of gender identity in patriarchy and biarchy. In: Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: Resources, problems, and prospects. Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk: Irkutsk State University; 2025. P. 318–323. (In Russ.).
4. Bem S. L. The lenses of gender. Transforming the debate on sexual inequality, Moscow: ROSSPEN; 2024. (In Russ.).
5. Churkina N. A. Gender socialization in modern society. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya*. 2016;5(6):90–92. (In Russ.).
6. Kitaeva M. P. Marginality as a cause of psychological alienation in a digital society. *Actual problems of pedagogy and psychology*. 2023;4(12):79–86. (In Russ.).
7. Churkina N. A. Androgyne identity as a method of human adaptation in modern society. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2017;(5):204–206. (In Russ.).
8. Rogova E. E., Rogov E. I. The correlation between gender identity and loneliness in adolescence. *Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University*. 2024;(11):319–322. (In Russ.).
9. Shurukhina N. A., Mitina G. V., Gizatullina A. M. Androgynous type of gender identity in adolescence and youth: characteristics of separation. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2022;(77-1):335–338. (In Russ.).
10. Vasyura S. A. Spetsifik of communicative activity of teenagers of a different floor and gender orientation. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*. 2016;2(3):16–24. (In Russ.).
11. Cherches T. E., Kolas T. A. Gender features of psychological well-being of student youth. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 2021;(21-4):410–418. (In Russ.).
12. Praizendorf E. S., Chizhova E. A. Perceptions of family roles in the context of gender identity formation. *Health, Physical Culture and Sports*. 2019;(5):33–41. (In Russ.).
13. Gorbyleva K. V., Zarifyan A. G., Bebinov E. M. Influence of types of gender identity on psychophysiological parameters of students. *Ulyanovsk Medico-Biological Journal*. 2015;(4):79–82. (In Russ.).
14. Yurchenko A. A. Features of the image of a man among modern students. *Psychology and pedagogy in Crimea: ways of development*. 2022;(3):154–165. (In Russ.).
15. Kharlamova T. M., Makarova M. A. Specificity of role behavior and status in a student group of different gender types. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*. 2022;(1):80–90. (In Russ.). DOI [10.24412/2308-717X-2022-1-80-90](https://doi.org/10.24412/2308-717X-2022-1-80-90).
16. Rodstein M. N. Cognitive model of masculinity as the basis of androgynous gender identification of men. *Balkan Scientific Review*. 2019;3(4):60–63. (In Russ.). DOI [10.34671/SCH.BSR.2019.0304.0013](https://doi.org/10.34671/SCH.BSR.2019.0304.0013).
17. Pakhomova V. B., Boyko A. V. Manifestations of masculinity and femininity in young women. In: Student Scientific Forum: Proceedings of the International Student Scientific Conference (Moscow, 12 October 2021). Moscow: Eurasian Chamber of Science and Industry; 2022. Vol. 12. P. 47–49. (In Russ.).
18. Ivanova E. S., Lasnova D. S. Interrelation of hardness and various types of modern youth gender identity. *Innovatsii v nauke*. 2016;(57-2):66–70. (In Russ.).
19. Barkanova O. V., Potapova E. V. The features of self-esteem and ideas about family roles of people with an androgyne gender. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev*. 2016;(3):131–135. (In Russ.).
20. Pogontseva D. V. Gender identity of women and their perceptions of gender identity beautiful woman. *Modern scientific researches and innovations*. 2011;(5):41. (In Russ.).
21. Xu Sh. Verbal signs of value preferences of modern woman (on material of marriage advertisements). *Nauchnyy dialog*. 2016;(11):110–120. (In Russ.).
22. Tishchenko Yu. G., Kovaleva N. Yu., Tishchenko I. A. Constructs of masculinity and femininity in gender representations of modern students. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. 2022;15(2):59–66. (In Russ.). DOI [10.17213/2075-2067-2022-2-59-66](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-59-66).

23. Kasparova E. N., Skryhan G. V., Dunay V. I. Characteristic ratios of morphological and behavioral indicators of masculinity/ femininity depending on sports. *Forcipe*. 2020;3(3):19–24. (In Russ.).
24. Semak A. S. The relationship between gender identity and anxiety levels among university students. In: Psychological knowledge in the context of modernity: theory and practice: coll. of art. on the materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference (Yoshkar-Ola, 26-28 February 2016). Yoshkar-Ola: String; 2016. P. 144–149. (In Russ.).
25. Kanushkina E. O., Medvedeva S. A. A study of self-confidence in middle-aged women. *Modern Science*. 2021;(10-1):351–355. (In Russ.).
26. Volobuev V. V., Ryadinskaya E. N. Relationship of gender identity and narcissism. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*. 2022;5(3):6–17. (In Russ.). DOI [10.23947/2658-7165-2022-5-3-6-17](https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-3-6-17).
27. Retikh M. V. Androgynous gender-based identity of personality in terms of psychological compatibility of a married couple. *Izvestiya of Altai State University*. 2014;(2-2):67–71. (In Russ.). DOI [10.14258/izvasu\(2014\)2.2-11](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)2.2-11).
28. Selyunina A. N., Bondarenko E. V. The relationship between gender identity and professional orientation of students with different professional identity status. In: Actual issues of professional personality development: identity in the context of intercultural communication: col. of mater. of the International Psychological Forum (Samara, 25-26 April 2024). Samara: Moscow State Pedagogical University; 2024. P. 121–126. (In Russ.).

Received: 08.04.2025. Corrected: 21.05.2025. Accepted: 30.05.2025.

Author information:

Maria P. Kitaeva, Doctor of Psychology, Candidate of Biological Sciences,
Moscow Institute of Psychology. Moscow, Russia.

kimape@mail.ru

ORCID: [0000-0002-1129-5989](https://orcid.org/0000-0002-1129-5989)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.2.9](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.9)
EDN [KNAJFK](https://edn.ru/KNAJFK)
УДК 316.334.56

Р. В. Евстифеев¹, Г. Г. Евстифеева²

¹ ИНИОН РАН. Москва, Россия

² Владимирский филиал РАНХиГС. Владимир, Россия

ГОРОДСКИЕ ГЕНДЕРНЫЕ РЕЖИМЫ В ЗЕРКАЛЕ КРИТИЧЕСКОЙ ТОПОНИМИКИ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования топонимических систем региональных столиц Центрального федерального округа (16 городов, за исключением Москвы). Цель работы заключалась в выявлении характеристик городских гендерных режимов этих городов с точки зрения критической топонимики, а также в проведении сравнительного анализа с аналогичными данными для европейских городов. Теоретико-методологическую основу исследования составили концепция гендерных режимов и основные положения критической топонимики. Сбор данных по российским городам осуществлялся на основе анализа официальных документов, а также информации геоинформационных систем — Яндекс.Карты и OpenStreetMap; для европейских городов использовались открытые данные, интегрированные проектами Mapping diversity и Stnameslab. Обработка полученных материалов включала применение статистических и картографических методов с использованием программ Microsoft Excel и QGIS. Проведённый анализ подтвердил наличие устойчивых гендерных режимов в топонимических системах всех исследованных городов. Основной характеристикой выявленных режимов стало безусловное доминирование мужских имён в названиях улиц как в российских, так и в европейских городах. Однако наблюдалось различие в содержательном наполнении: в российских городах преобладали имена деятелей надгородского уровня, тогда как в европейских — при гораздо большем числе «женских» антропотопонимов, значительная их часть относится к деятелям, имеющим непосредственное отношение к городу и его развитию. Пространственное распределение топонимов также свидетельствует о регулируемости городского пространства гендерными режимами: «женские» антропотопонимы чаще всего находятся на периферии центральных районов. Полученные результаты позволяют сформулировать перспективные направления дальнейшего изучения городских гендерных режимов через призму критической топонимики.

Ключевые слова: гендерные режимы, критическая топонимика, антропотопонимы, городское пространство, социальное неравенство

Для цитирования: Евстифеев Р. В., Евстифеева Г. Г. Городские гендерные режимы в зеркале критической топонимики // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 111–128. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.9](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.9). EDN [KNAJFK](https://edn.ru/KNAJFK).

Введение. Пространства современных городов наполнены разнообразными формами неравенства и иерархии [1], что предполагает существование определённых правил и норм — часто невидимых и недеklarированных, — по которым одни социальные группы доминируют над другими. В ряде случаев можно говорить об особых режимах поддержания гегемонии определённых групп [2]. Для выявления и анализа таких режимов необходимо применение специальных методов исследования с использованием компаративистских стратегий.

Особое значение имеют режимы, регулирующие гендерные отношения. Понимание необходимости равенства между мужчинами и женщинами сформиро-

© Евстифеев Р. В., Евстифеева Г. Г., 2025

валось ещё в эпоху раннего модерна, а к началу XXI века его достижение стало одной из приоритетных целей политики большинства государств мира.

Создание равных возможностей для мужчин и женщин сегодня заложено в основу нормативных документов многих стран, включая Россию. Так, Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. N 4356-р) направлена на консолидацию усилий федеральных органов власти, региональных и муниципальных структур, делового сообщества, некоммерческих организаций и граждан Российской Федерации в реализации принципа равных прав и свобод мужчин и женщин¹. В частности, Стратегия предполагает укрепление позиций женщин в общественно-политической жизни, создание условий для развития их гражданской активности, повышение роли женщин в развитии общества и расширение их участия в приоритетных направлениях социально-экономического развития страны. Эти цели перекликаются с глобальными ориентирами, обозначенным в Стратегии по обеспечению гендерного равенства на 2022–2025 годы, разработанной Программой развития Организации Объединённых Наций².

Однако, декларируемое в обоих документах стремление к гендерному равенству и повышению участия женщин в политике и экономике нередко сталкивается с сопротивлением сложившихся традиций и институциональных норм, воспроизводящих гендерное неравенство в городском пространстве.

В этой связи актуальной представляется задача разработки методологии оценки соответствия реального состояния городских пространств заявленным в стратегических документах целям, а также проведения сравнительного анализа ситуации в российских городах и за рубежом. Итак, цель данной статьи — выявить основные характеристики городских гендерных режимов столиц Центрального федерального округа России через призму критической топонимики, а также провести сравнение с имеющимися данными по европейским городам.

Гендерные режимы и критическая топонимика: обзор научных подходов. Теоретико-методологической базой исследования служат две концепции, почти одновременно получившие развитие в 1990-х годах: концепция гендерного режима и подходы критической топонимики. Обе идеи возникли как ответ на ограниченность традиционных подходов к анализу социальных явлений и позволили по-новому взглянуть на организацию пространства и воспроизводство гендерных неравенств.

Понятие **гендерного режима (гендерного порядка)** введено в научный оборот как способ преодоления недостатков исследований государства всеобщего благосостояния, в которых вопросы гендера и пола оставались вне поля зрения [3; 4; 5]. Несмотря на то, что изначальный акцент делался, прежде всего, на социально-экономических аспектах гендерного неравенства, острая дискуссия способствовала появлению специального термина, позволяющего описать специфику гендерных отношений в конкретном обществе [6].

В начале 90-х годов XX века Р. Коннелл и С. Валби независимо друг от друга

¹ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. N 4356-р) // Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965441/> (дата обращения: 23.03.2025).

² Gender equality strategy 2022–2025 // United Nations Development Programme. URL: <https://genderequalitystrategy.undp.org/#> (accessed: 23.03.2025).

предложили обратить внимание не на отдельные случаи проявления гендерного неравенства, а на институциональные основы его появления и воспроизводства [7]. Таким образом, гендерный режим стал пониматься как набор норм, ценностей, политик, принципов и законов, которые формируют и влияют на гендерные отношения в данном политическом устройстве [8; 9]. Позднее канадский политолог Хизер Макрей подчеркнула, что гендерный режим создаётся и поддерживается широким спектром политических практик, находясь под влиянием различных структур и агентов, каждый из которых, определяется своим историческим контекстом и путём развития [10, с. 524–525].

В российской науке также накоплен богатый теоретический и практический опыт изучения гендерных отношений, причём с позиций различных методологических подходов. Структурно-конструктивистская концепция гендера, в рамках которой используется понятие «гендерный порядок», в российской научной литературе появилась с начала 1990-х годов [11, с. 214]. Отметим, что отечественные авторы значительно чаще используют понятие «гендерный порядок», чем «гендерный режим». По состоянию на май 2025 года наукометрической системой eLibrary индексируется около 20 публикаций в российских научных журналах, в названиях или ключевых словах которых встречается термин «гендерный режим». В то же время термин «гендерный порядок» встречается в названиях и ключевых словах более чем 160 публикаций.

Под гендерным порядком в российской научной литературе обычно понимается система социальных норм, политической культуры и институтов, формирующих отношение общества к гендерным проблемам и определяющих механизмы их решения. Как отмечает Г. Силласте, в фокусе гендерного порядка находится достижение гендерного равноправия [12, с. 11], которое, в свою очередь, становится центральным объектом гендерной политики. Это определение близко к международному пониманию гендерного режима, что позволяет говорить о возможности их сопоставления. При этом фокус внимания российских и зарубежных исследователей охватывает широкий спектр характеристик гендерного порядка и гендерного режима в разных сферах жизни и масштабах — от семьи до национального государства.

Таким образом, можно предположить существование гендерных режимов в обществах разного масштаба — на уровне национального государства, мегаполиса, городов и т. д. Все эти уровни взаимодействуют и влияют друг на друга. На наш взгляд, гендерное равенство внутри городского пространства вполне возможно рассматривать как самостоятельный объект исследования. Однако, как в российской, так и в мировой науке исследования гендерных режимов или гендерных порядков на городском уровне остаются редкостью.

Опираясь на одно из общепринятых определений — «гендерный режим — это набор правил и норм, создающий устойчивые ожидания относительно гендерных отношений и присваивающий определённые права и обязанности мужчинам и женщинам» [13, р. 5] — можно утверждать, что городской гендерный режим представляет собой систему норм и правил, регулирующих гендерные отношения внутри городского пространства. Одним из измеряемых показателей, характеризующих особенности такого режима, являются различия в представленности женских и мужских имён в городской топонимии.

Именно этот аспект привлекает внимание исследователей, работающих в рамках **критической топонимики**. Отметим, что Р. Коннелл в своей работе «Гендер и власть», определяя уровни гендерного режима — от частной жизни до

государственного устройства, —отдельный параграф посвящает такому институту как улица, анализу улицы как пространственной единицы, противопоставленной «семье» и «дому» [14, р. 132–134]. Однако Коннелл обходит вниманием названия улиц, поскольку критическая топонимика в тот период ещё не была хорошо разработанным направлением.

Хорошо развитые в мировой науке топонимические исследования в рамках ономастики, традиционно основанные на лингвистическом анализе географических названий, к 1980-м годам столкнулись с рядом вызовов. Одним из них стала остающаяся за рамками исследования проблема взаимосвязи «между географическими названиями и явлениями человеческой деятельности» [15, с. 56]. В числе тех, кто указывал на необходимость расширения исследовательских рамок, был и советский топонимист В. А. Жучкевич. Он подчёркивал, что «попытки ограничить решение топонимических проблем одним узкоспециальным аспектом наносят ущерб исследованиям, сужают их практическую значимость и несовместимы с нынешним состоянием научной проблематики» [16, с. 71]. Эти идеи фактически стали предпосылкой для формирования критической топонимики как самостоятельного направления.

Поворот к социальному смыслу топонимики произошёл во второй половине 1980-х годов, когда исследования начали фокусироваться на критическом осмыслении социально-политической и символической роли географических названий, политики номинации и её последствий, а также связанных с ней социально-экономических процессов. В работах М. Азаряху, Р. Роуз-Редфорда и других исследователей были выработаны основные положения критической топонимии, в том числе чётко обозначенная связь между топонимикой и целями политического режима. Городские топонимы рассматриваются как инструмент, через который власть формирует и навязывает определённые представления о прошлом и настоящем, включая доминирующие рамки гендерных отношений и равенства [17]. В наиболее общем виде подход критической топонимики заключается в понимании названий географических объектов — особенно внутригородских! — как результатов социальных процессов: конкуренции, договорённостей, принуждения и применения властных полномочий. Таким образом, топонимическая система выступает не только лингвистическим феноменом, но и может рассматриваться как отражение социально-политических и культурных явлений.

С конца XX века количество исследований в рамках критической топонимики значительно возросло. В этих работах рассматривался широкий спектр вопросов о взаимодействии географических названий, власти и общества, включая проблематику национализма, колониализма, деколонизации [18; 19; 20], а также политики памяти [21]. Однако исследования представленности (видимости) женщин в городском топонимическом пространстве до последнего времени велись преимущественно журналистами и активистами, заинтересованными в изменении гендерного дисбаланса в названиях городских улиц [22; 23; 24]. Научное изучение этой проблемы началось лишь в последнее десятилетие и пока представлено единичными исследованиями, что делает данное направление особенно актуальным.

Стоит отметить специфику рецепции критической топонимики в отечественной науке. Несмотря на богатые традиции советской и российской ономастики, географии и социальных наук, в целом позволяющие говорить о потенциале для формирования собственных теоретических подходов [25; 26], исследования в рамках критической топонимики пока остаются единичными.

Близкую к критической топонимике проблематику исследуют учёные в рамках социономастики и социолингвистики [27]. Например, в работах известного ярославского учёного Р. Разумова рассматриваются закономерности развития русской урбании (городской топонимики) как в синхронии, так и в диахронии, предлагается её типология [28]. Однако, в целом, о распространённости таких исследований в России говорить рано. К маю 2025 года в базе eLibrary зарегистрировано всего 29 статей в российских научных журналах с упоминанием термина «критическая топонимика». Представляется, что при аккуратном и взвешенном подходе некоторые положения и методы критической топонимики были бы полезны применительно к российской социально-топонимической реальности.

Предлагаемое **сочетание концепции гендерных режимов и основных положений критической топонимики**, на наш взгляд, позволяет акцентировать внимание на отражении гендерных отношений в городском топонимическом пространстве. К числу актуальных задач относится описание и объяснение гендерных дисбалансов в использовании мужских и женских имён для названий городских объектов, выявление того, какие конкретно имена представлены в топонимике, какие социальные группы женщин и мужчин они представляют, какова гендерная организация топонимического пространства и как оно соотносится с пространственным распределением власти.

Более сложной задачей представляется изучение изменений в гендерных режимах и их влияния на топонимику, включая динамику и закономерности переименования улиц или присвоения новых названий.

В рамках данного исследования мы рассмотрим отражение гендерного режима в топонимической системе городов через соотношение количества женских и мужских антропотопонимов, через характеристику личностей, чьи имена представлены в городской топонимике, а также пространственное распределение гендерных антропотопонимов в городской среде. Важным для понимания гендерного режима представляется описание способов номинаций улиц, динамика изменения этих способов, динамика переименования улиц (диахронический анализ). Однако в данной работе мы представим только синхронный взгляд на городское топонимическое пространство ряда российских и европейских городов, оставляя проблемы номинации и динамики переименований, более глубоко отражающие общие и уникальные исторически сложившиеся проблемы в каждом городе, для последующих публикаций. Также для будущих исследований представляется перспективной проблема влияния топонимики на жителей города и на формирование гендерных отношений в городском сообществе.

Методология исследования. Данная статья основана на исследовании топонимических систем региональных столиц Центрального федерального округа (16 городов, исключая Москву): Белгород, Брянск, Владимир, Воронеж, Иваново, Калуга, Кострома, Курск, Липецк, Орёл, Рязань, Смоленск, Тамбов, Тверь, Тула, Ярославль. Исследование проводилось с октября 2024 года по апрель 2025 года.

Топонимические системы городов нами рассматривались как антропотопонимический гипертекст — совокупность названий, образованных от имён и фамилий людей, связанных с городским пространством и участвующих в социально-политическом процессе культурного воспроизводства [29]. Такой подход позволяет выявить антропологические и культурологические константы и переменные, включая городскую локальную идентичность, основным механизмом

конструирования которой являются переосмысление и переинтерпретация прошлого и настоящего городского сообщества [30].

Гипертекстовый анализ раскрывает культурно значимые «ссылки» — персон, чья память актуализируется через топонимы. Эти персоны формируют своеобразный «пантеон» городских героев, что даёт ключ к интерпретации историко-культурных приоритетов и ценностных установок общества. Кроме того, топонимическая система отражает характеристики гендерного режима: количественное соотношение женских и мужских антропотопонимов, качественную представленность женщин в городской топонимике, а также их пространственное распределение. Не менее важны способы номинаций улиц и их динамика во времени, включая практики переименования (последние в рамках данной статьи затрагиваются кратко).

Таким образом, исследование было организовано по следующим аналитическим линиям: общее количество названий улиц, доля антропотопонимов среди них, соотношение женских и мужских антропотопонимов, качественный состав представленных имён, особенности пространственного расположения улиц, названных в честь женщин и мужчин. Данные собирались из нескольких источников.

Наименование улиц городов в России находится в ведении муниципалитетов: именно они ведут учёт уличных названий и их изменений. К сожалению, формы и методы работы с этой информацией муниципалитеты выбирают самостоятельно, что приводит к несогласованности данных. В результате информация о названиях улиц и их переименованиях на сайтах городских администраций зачастую требует дополнительной проверки и уточнения.

Эта ситуация неоднократно становилась предметом обсуждения российских исследователей городской топонимии. Они указывают на необходимость интеграции данных о наименованиях внутригородских объектов в различных населённых пунктах страны. Одним из возможных решений учёные называют создание единой общедоступной топонимической базы данных Российской Федерации [31; 32]. Её основой может стать комплексное лексикографическое описание урбанонимии — как официальной, так и неофициальной. Такой подход позволил бы рассматривать городскую топонимию как специфический лингвокультурный и исторический феномен [33, с. 4170].

Пока же такой единой топонимической базы данных не существует, в рамках нашего исследования для сбора данных использовались не только официальные документы городских властей, но и данные геоинформационных сервисов — Яндекс-карты и OpenStreetsMap, которые сверялись с информацией Государственного адресного реестра (ГАР). Для геомоделирования использовались данные ресурса OpenStreetMap, обработка и визуализация которых осуществлялись с помощью программного обеспечения QGIS.

Общий список названий улиц столиц регионов Центрального федерального округа, полученный из указанных источников, включает 12 893 наименования. Далее была проведена полуавтоматическая выборка названий, содержащих имена и фамилии людей (антропотопонимов), а также проведено разделение на «женские» и «мужские» антропотопонимы. Полученные цифры представлены в Приложении 1.

Результаты исследования столиц регионов Центрального федерального округа. В среднем четверть названий улиц в изученных городах составляют антропотопонимы — 24,95%. При этом наблюдается значительный разброс по-

казателей по городам: от 15,53% в Курске до 34,81% в Липецке. Из 3 217 выделенных антропотопонимов подавляющее большинство носит отфамильный характер; гораздо реже встречается совмещение отфамильного и отыменного образования; единичны случаи отыменных антропотопонимов, а также образований от прозвищ.

Всего в топонимических системах 16 региональных столиц ЦФО выявлено 209 **«женских» антропотопонимов**, которые весьма неравномерно распределены по городам. Наименьшее количество таких названий зафиксировано в Белгороде (3 улицы), Курске (3 улицы), Владимире (4 улицы). Наибольшее число «женских» антропотопонимов наблюдается в Воронеже (33) и Твери (26). Если для Воронежа такая цифра объяснима его большой численностью населения — это самый густонаселённый город среди исследуемых — то другие города не демонстрируют чёткой зависимости между количеством женских названий и размером населённого пункта или общим числом улиц.

Доля «женских» антропотопонимов в общей массе антропотопонимов составила в среднем 6,5%, тогда как доля мужских — 93,5%. Учитывая, что уличные номинации в российских городах осуществляются административными инструментами через решения местных органов власти, можно констатировать наличие городских гендерных режимов, в которых доминирование мужских номинаций в топонимике отражает более широкую социальную картину гендерной неравноправности.

Интересно, что показатель представленности женских антропотопонимов варьируется от 1,5% в Белгороде до 12% в Рязани. Причины этих различий требуют дальнейшего исследования в каждом конкретном городе.

Из 209 выявленных «женских» антропотопонимов многие повторяются в разных городах и представляют имена и фамилии 73 женщин. Группа «женских» антропотопонимов, встречающихся только один раз, относительно невелика — 67 названий, то есть в среднем таких названий всего по 3–5 на каждый город. В целом можно говорить о доминировании фигур надгородского уровня в топонимическом пространстве.

Большинство улиц, названных в честь женщин, получили свои названия в советский период. Среди наиболее часто встречающихся — следующие персоны:

Осипенко П. Д. — 21 топоним

Крупская Н. К. — 15

Космодемьянская З. А. — 14

Раскова М. М. — 13

Люксембург Р. — 12

Чайкина Е. И. — 10

Перовская С. Л. — 9

Ковалевская С. В. — 7

Шевцова Л. Г. — 6

Терешкова В. В. — 6.

Случай героини-лётчицы Полины Денисовны Осипенко особенно интересен, так как её имя в Рязани содержат 9 топонимов: улица Осипенко, переулок Осипенко и 7(!) проездов Осипенко. Кроме специфики организации городского пространства (все улицы географически связаны друг с другом и расположены в микрорайоне с частной застройкой), в данном случае, видимо, свою роль сыграло то, что крушение самолёта, в котором погибла Осипенко, произошло на территории Рязанской области 11 мая 1939 г.

Среди исторических личностей, чьи имена представлены в «женских» антропотопонимах, около трети (60 женщин, 28,7%) связаны с политикой и государственным управлением, почти четверть (52 жен., 24,9%) — с культурой, наукой и искусством, а более трети (95 жен., 34,9%) проявили себя в военной сфере.

«**Мужские**» антропотопонимы (3 006 топонимов) по сферам деятельности исторических личностей распределились несколько иначе: 43% мужчин, в честь которых названы улицы, проявили себя в сфере культуры, науки и искусства; 32% мужчин — на военном поприще; ещё 25% можно отнести к сфере политики и управления. Более двух третей (почти 70%) мужчин, в честь которых названы улицы в изученных городах — герои общенационального уровня.

Десять наиболее часто встречающихся мужских имён в топонимике исследуемых городов:

Маяковский В. В. — 34 топонима

Суворов А. В. — 31

Чапаев В. И. — 28

Чкалов В. И. — 27

Мичурин И. В. — 26

Ленин В. И. — 25

Гагарин Ю. А. — 24

Гоголь Н. В. — 24

Добролюбов Н. А. — 24

Некрасов Н. И. — 24.

Одним из важнейших факторов, влияющих на количество «женских» антропотопонимов, является общее количество улиц в городе. Однако, исследование показало, что эта связь не является жёсткой и прямолинейной. Например, Белгород по количеству улиц (699) опережает такие города как Смоленск, Владимир, Калуга, Тамбов, Кострома. При этом именно в топонимической системе Белгорода зафиксировано меньше всего «женских» наименований — всего три улицы, что составляет 1,5% от всех антропотопонимов. Все они находятся на периферии города в районах малоэтажной частной застройки: улица Княгини Волковой, улица Розы Люксембург и улица Крупской.

Напротив, Кострома, где зафиксировано наименьшее число улиц среди всех исследуемых городов (484), по доле «женских» антропотопонимов занимает первое место — 12,16%. Однако в абсолютных значениях этот показатель остаётся низким: в Костроме всего девять «женских» антропотопонимов — площадь Архитектора Рыбниковой, проезд Наты Бабушкиной, улица Наты Бабушкиной, улица Валентины Плетнёвой, улица Винокуровой, проезд Крупской, улица Крупской, улица Прасковьи Малининой, улица Терешковой.

Для объяснения выявленных различий необходимы более глубокие исследования процессов городского развития и механизмов номинации уличных пространств. Геомоделирование, выполненное с помощью программы QGIS, показало, что для всех 16 изученных городов характерна определённая модель расположения «женских» и «мужских» антропотопонимов. «Женские» антропотопонимы обычно занимают несколько улиц на границах центральной зоны города и почти не встречаются в новых районах постсоветской застройки. «Мужские» антропотопонимы этой закономерности не подчиняются, занимая разнообразные места в центрах и на периферии городов. На рисунке 1 представлен пример карты Белгорода, иллюстрирующий данную закономерность.

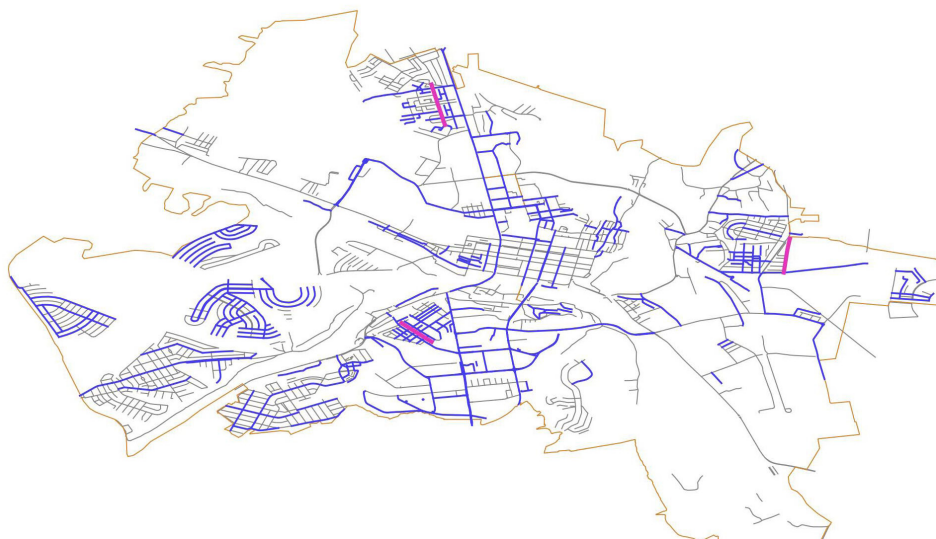

Рисунок 1. Улицы г. Белгород (синим цветом выделены «мужские», розовым — «женские» антопотопонимы)

Источник: Карта создана авторами в программе QGIS, использованы данные OpenStreetMap.

В Белгороде всего три улицы названы в честь женщин. На рисунке 1 отчётливо видно, что они расположены на периферии центральной части города и пространственно разобщены. В то же время улицы, названные в честь мужчин, занимают почти треть всего уличного пространства, причём располагаются они чаще всего плотными кластерами.

На рисунке 2 показано распределение «женских» антропотопонимов в городском пространстве г. Иванова.

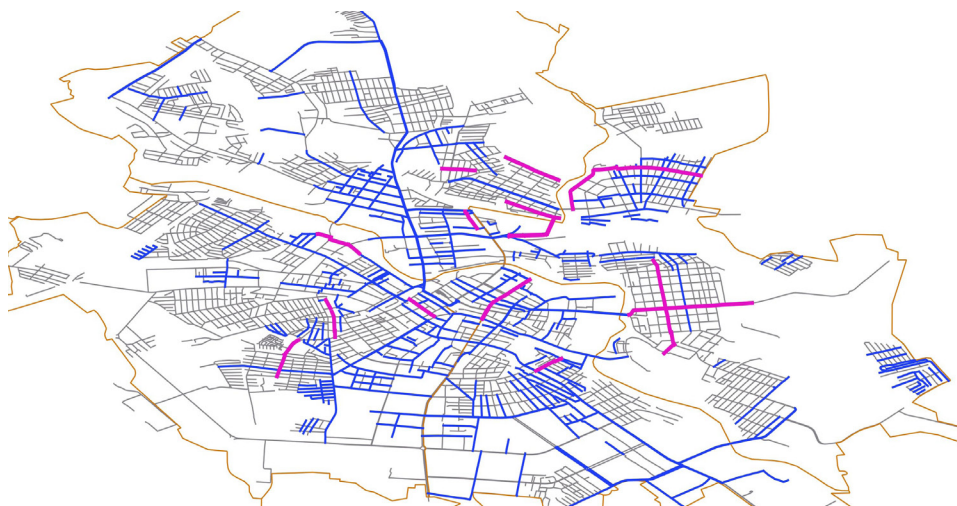

Рисунок 2. Улицы г. Иванова (синим цветом выделены «мужские», розовым — «женские» антопотопонимы)

Источник: Карта создана авторами в программе QGIS, использованы данные OpenStreetMap.

Как видно из рисунка 2, Иваново демонстрирует ту же пространственную модель: улицы, названные в честь женщин, расположены на границах центральной части города и зачастую не образуют единого пространственного контекста. Стоит отметить, что в топонимике Иваново отражаются элементы советского градоустройства, сохраняющегося в топонимике современного российского города.

Геоинформационные карты, построенные авторами для всех исследуемых городов, позволили провести детальный пространственный анализ. Он показал, что пространственное положение улиц с женскими именами во многом обусловлено временем их появления — в советский период, именно тогда было определено их место на периферии центра. С начала 1990-х годов «женские» антропотопонимы практически перестали вводиться в употребление, их почти нет в районах новой застройки, что подтверждает сложившийся характер существующих городских гендерных режимов.

Подводя итог данного раздела, можно отметить, что топонимическое пространство столиц регионов ЦФО отражает ключевую особенность изученных городских гендерных режимов — доминирование мужских имён в уличной номинации как символ их приоритетного участия в истории и развитии городов. Топонимически это выражено в доминировании мужских имён в названиях улиц, в среднем по всем городам мужское присутствие в уличных названиях более чем в 15 раз превышает женское. При этом женщины представлены в основном как героини военного времени, тогда как деятели культуры, искусства, науки и другие представительницы мирных профессий в топонимике почти не представлены.

Кроме того, гендерные различия прослеживаются и в пространственном распределении: «женские» антропотопонимы чаще всего находятся на периферии центральных районов, в то время как «мужские» равномерно распределены как в центре, так и в новых частях города. Такое положение связано с историческим формированием топонимических систем: первые антропотопонимы в подавляющем большинстве были мужскими и занимали центральные позиции в городском пространстве. Впоследствии новые женские названия получали преимущественно периферийные участки, что закрепило существующие гендерные практики в городской топонимике.

Сравнительный анализ с европейскими городами. Данные по европейским городам были получены в результате анализа результатов двух наиболее продвинутых проектов. Во-первых, это интернациональный проект Mapping diversity³, авторы которого исследовали более 30 европейских городов, составили и предоставили подробные таблицы с уличными названиями и их категоризацией. Во-вторых — амбициозный проект испанских учёных Stnameslab⁴, охватывающий все(!) города Испании и включающий интерактивную карту страны. Кроме того, на сайте проекта частично доступны данные по некоторым городам Северной Америки и Западной Европы.

Для целей нашего исследования из набора данных проекта Mapping diversity (32 города) были отобраны 16 европейских городов, соответствующих следующим критериям:

³ Mapping diversity. URL: <https://mappingdiversity.eu/> (accessed: 23.03.2025).

⁴ Stnameslab. URL: <https://en.stnameslab.com/> (accessed: 23.03.2025).

- города не являются столицами национальных государств;
- численность населения сравнима с 16 региональными столицами Центрального Федерального округа России.

В результате был составлен список из 16 городов, представляющих семь европейских стран:

Италия: Анкона, Болонья, Генуя, Палермо, Флоренция

Польша: Вроцлав, Гданьск, Катовице, Лодзь

Венгрия: Дебрецен

Франция: Лион

Швейцария: Лозанна

Испания: Севилья

Румыния: Сибиу

Молдова: Кишинёв

Германия: Эрланген.

Полные количественные данные по этим городам представлены в Приложении 2.

Прямые сравнения между российскими и европейскими городами требуют большой аккуратности и осторожности, поскольку топонимические системы формировались в разных исторических, культурных и административных условиях. В рамках данного исследования мы ограничимся сравнением относительно простых показателей: общее количество антропотопонимов, их гендерная дифференциация и пространственное распределение гендерно окрашенных топонимов. Полагаем, что этого будет достаточно для первоначальных выводов о характеристиках городских гендерных режимов в межстрановом контексте.

Начнём с очевидного факта: при сопоставимой численности населения (от 6 до 7 миллионов человек) европейские города содержат почти в три раза больше улиц, чем российские. В 16 столицах Центрального федерального округа зафиксировано 12 893 уличных названий, тогда как в изученных европейских городах — 32 486. Это различие, вероятно, связано с исторически сложившимися градостроительными условиями, включающими особенности городской разметки и размеров (длины) улиц.

Второй очевидный факт: в европейских городах не только общее число антропотопонимов выше, но и их доля в общей массе уличных названий существенно превышает российские значения: 12 100 антропотопонимов, или 37,25% (против 3 169, или 24,67%, в российских городах). Разброс значений по городам также высок, как и в России: от 58% в Болонье (Италия), до 16,4% в Эрлангене (Германия). По сравнению с российскими городами в европейском случае более чётко прослеживается корреляция между размером города, численностью населения и долей антропотопонимов, хотя исключения также имеются. Например, в испанской Севилье, самом крупном по населению и количеству улиц (более 4 000) среди изученных европейских городов, доля антропотопонимов ниже средней — чуть выше 36%.

Что касается гендерной составляющей, то в европейских городах также наблюдается доминирование мужских имён в топонимике. Однако средняя доля «женских» антропотопонимов выше, чем в российских городах: 8,51% против 6,5%. Этот показатель складывается преимущественно за счёт двух городов-рекордсменов: Эрлангена (Германия) с уровнем выше 20% и Севильи (Испания) с 17,21%. Случай Эрлангена особенно интересен, так как в научной литературе имеются описания эволюции топонимической системы этого города, где подчёркиваются специальные усилия общества и городских властей по увековечи-

ванию имён женщин в уличных названиях, предпринятых в конце XX — начале XXI веков [34]. Такие практики стали частью стратегии формирования инклюзивного городского пространства.

Всего в топонимических системах изученных европейских городов выявлено 1 030 «женских» антропотопонимов. На первых местах по распространённости — имена религиозного происхождения, особенно связанные с девой Марией. Если исключить религиозные антропотонимы, то в европейских городах не так много женских имён, которые присутствуют на улицах двух и более городов, кроме Марии Кюри. Иными словами, в топонимических системах европейских городов преобладают имена местных деятелей или деятелей национального масштаба, тесно связанных с конкретным городом. Среди «женских» антропотопонимов доминируют имена известных женщин, внёсших большой вклад в развитие культуры, науки, искусства и благотворительности.

Анализ картографической информации позволил сделать ещё один важный вывод: высокая доля «женских» антропотопонимов в отдельных городах достигается за счёт частых номинаций в новых районах городов.

На рисунке 3 представлен пример гендерного распределения антропотопонимов в городе Эрланген (Германия).

На приведённой карте Эрлангена (рис. 3) хорошо видно, что в новых, периферийных районах города созданы целые кластеры «женских» антропотопонимов.

В целом можно констатировать, что городские гендерные режимы изученных европейских городов по большинству параметров близки к городским гендерным режимам столиц ЦФО. Значимые отличия, как правило, проявляются там и тогда, когда местные власти последовательно реализуют меры по обеспечению гендерного равенства в сфере топонимической политики.

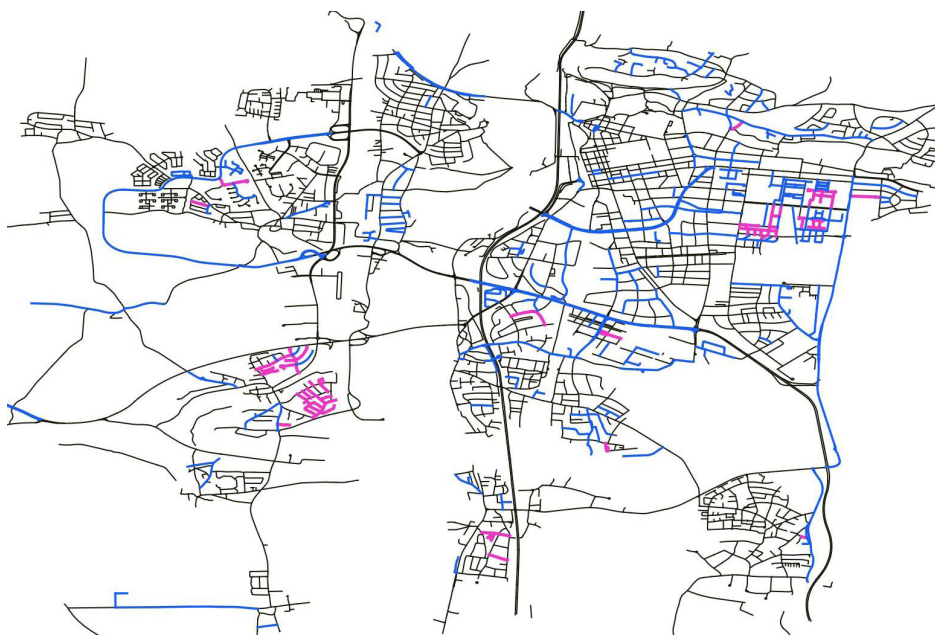

Рисунок 3. Улицы г. Эрланген, Германия (синим цветом выделены «мужские», розовым — «женские» антропотопонимы)

Источник: Карта создана авторами в программе QGIS, использованы данные OpenStreetMap.

Заключение. Проведённое исследование топонимических систем региональных столиц Центрального Федерального округа России и ряда европейских городов позволяет сформулировать ряд выводов о характере городских гендерных режимов, а также наметить перспективные направления дальнейших исследований.

Во-первых, распределение «женских» и «мужских» антропотопонимов в изученных городах подтверждает наличие устойчивых гендерных режимов как в рассмотренных российских, так и в европейских городах. Общей характеристикой данных режимов можно считать безусловное доминирование мужских имён в уличной номинации над женскими. Однако наблюдаются и различия: если в 16 российских городах доля «женских» антропотопонимов варьировалась от 1% до 12%, то в сопоставимых 16 европейских городах указанный диапазон составил от 2% до 20%.

Во-вторых, выявлены различия в качественной представленности женских имён. Для топонимики российских городов характерно доминирование имён деятелей надгородского уровня, особенно среди женских названий. В изученных европейских городах, напротив, при гораздо большем количестве «женских» антропотопонимов, значительная их часть относится к деятелям, имеющим прямую связь с конкретным городом и его историей.

В-третьих, пространственное расположение «женских» антропотопонимов свидетельствует о регулируемости городского пространства гендерными режимами во всех изученных городах. В российском случае — это периферия городского центра, преимущественно на границе старых и новых районов, построенных в 50–70 гг. Это связано с тем, что уличные номинации в честь женщин являются, прежде всего, наследием советского прошлого. В новых городских пространствах, построенных на рубеже XX–XXI вв. «женские» антропотопонимы крайне редки. В европейских городах ситуация иная: распространённость «женских» антропотопонимов связана с процессами городской экспансии конца XX — начала XXI века, а также с целенаправленной политикой местных властей по увеличению гендерного представительства в топонимике. При этом присутствие женских имён в центральных районах часто обусловлено религиозной символикой (например, дева Мария в городах Италии и Испании).

Проведённое исследование открывает возможности для дальнейшего изучения городских гендерных режимов через призму критической топонимики. Прежде всего, речь идёт о выявлении динамики изменений городского топонимического пространства; норм и практик наименования/переименования улиц; более детальной типологизации антропотопонимов; разработке методики оценки степени значимости городских объектов. Кроме того, перспективной, но почти не изученной остаётся тема влияния городской топонимики на формирование гендерных представлений и общественных отношений в городской среде.

Дальнейшая разработка обозначенных тем, дополнение выборки новыми городами и углубление аналитических подходов позволят создать прочную основу для достижения целей, поставленных в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы.

Библиографический список / References

1. Ouali N., Lannoy P., Desamoury V. [et al.]. Women in Brussels street names. Topography of a minoritisation. *Brussels Studies*. 2021. General collection, No. 154. DOI [10.4000/brussels.5433](https://doi.org/10.4000/brussels.5433). EDN [BSOHEJ](https://www.edn.ru/WSOHEJ).
2. Walby S. Varieties of Gender Regimes. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 2020;27(3):414–431. DOI [10.1093/sp/jxaa018](https://doi.org/10.1093/sp/jxaa018). EDN [WGFHZV](https://www.edn.ru/WGFHZV).

3. Lewis Ja. Gender and the Development of Welfare Regimes. *Journal of European Social Policy*. 1992;2(3):159–173. DOI [10.1177/095892879200200301](https://doi.org/10.1177/095892879200200301). EDN [JRWZAL](https://www.edn.net/JRWZAL).
4. O'Connor J. Gender, Class and Citizenship in the Comparative Analysis of Welfare State Regimes: Theoretical and Methodological Issues. *The British Journal of Sociology*. 1993;44(3):501–518. DOI [10.2307/591814](https://doi.org/10.2307/591814).
5. Sainsbury D. Women's and Men's Social Rights: Gendering Dimensions of Welfare States. In: Sainsbury D. (ed.). *Gendering Welfare States*. London: Sage; 1994. P. 150–169. DOI [10.4135/9781446250518.n10](https://doi.org/10.4135/9781446250518.n10).
6. Betzelt S. Gender Regimes: ein ertragreiches Konzept für die komparative Forschung; Literaturstudie. *ZeS-Arbeitspapier*. 2007;(12). Available at: <http://hdl.handle.net/10419/27141> (accessed: 28.02.2025).
7. Walby S. *Gender transformations*. London: Routledge; 1997.
8. Liebert U.(ed.). *Gendering Europeanisation*. Brussels: Peter Lang; 2003.
9. O'Connor J., Orloff A., Shaver S. *States, Markets, Families: Gender, Liberalism and Social Policy in Australia, Canada, Great Britain and the United States*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999. DOI [10.1017/CBO9780511597114](https://doi.org/10.1017/CBO9780511597114).
10. Macrae H. Rescaling Gender Relations: The Influence of European Directives on the German Gender Regime. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 2006;13(4):522–550. DOI [10.1093/sp/jxl009](https://doi.org/10.1093/sp/jxl009). EDN [JJDBQL](https://www.edn.net/JJDBQL).
11. Здравомыслова О. «Гендер и власть»: читаю книгу Рейвин Коннелл в России // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 3. С. 213–222. DOI [10.17323/1728-192X-2016-3-213-222](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-3-213-222). EDN [WVJPMF](https://www.edn.net/WVJPMF).
Zdravomyslova O. "Gender and Power": Reading Raewyn Connell in Russia. *The Russian Sociological Review*. 2016;15(3):213–222. (In Russ.). DOI [10.17323/1728-192X-2016-3-213-222](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-3-213-222).
12. Силласте Г. Г. Гендерная политика и социальный механизм ее возможной реализации // Гендерная политика в России и в мире: экономика, управление, общество : материалы Всероссийской научной конференции (Иваново, 25 июня 2021). Иваново: Ивановский государственный университет, 2021. С. 3–13. DOI [10.46726/Sb.2021.1](https://doi.org/10.46726/Sb.2021.1). EDN [RBOBIA](https://www.edn.net/RBOBIA).
Sillaste G. G. Gender policy and the social mechanism of its possible implementation. In: *Gender policy in Russia and in the world: economy, management, society: materials of the All-Russian scientific conference* (Ivanovo, 25 June 2021). Ivanovo: Ivanovo State University; 2021. P. 3–13. (In Russ.). DOI [10.46726/Sb.2021.1](https://doi.org/10.46726/Sb.2021.1).
13. Sainsbury D. Introduction. In: Sainsbury D. (ed.). *Gender and Welfare State Regimes*. New York: Oxford University Press; 1999. P. 1–12. DOI [10.1093/0198294166.003.0001](https://doi.org/10.1093/0198294166.003.0001).
14. Connell R. *Gender and Power: Society, the Person, Sexual Politics*. Cambridge: Polity Press; 1987.
15. Басик С. Н. Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Географический вестник. 2018. № 1(44). С. 56–63. DOI [10.17072/2079-7877-2018-1-56-63](https://doi.org/10.17072/2079-7877-2018-1-56-63). EDN [LAXWCL](https://www.edn.net/LAXWCL).
Basik S. N. Critical toponymics as a direction of geographic research: problems and perspectives. *Geographical bulletin*. 2018;(1):56–63. (In Russ.). DOI [10.17072/2079-7877-2018-1-56-63](https://doi.org/10.17072/2079-7877-2018-1-56-63).
16. Жучкевич В. А. Общая топонимика. Минск : Вышэйшая школа, 1968. 432 с.
Zhuchkevich V. A. *General toponymy*. Minsk: Vysheyshaya shkola; 1968. (In Russ.).
17. Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. The urban streetscape as political cosmos. In: Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. (eds.). *The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics, and Place*. Abingdon, U.K.: Routledge; 2017. P. 1–24. DOI [10.4324/9781315554464-1](https://doi.org/10.4324/9781315554464-1).
18. Vuolteenaho V., Berg L. *Critical Toponymies: The Contested Politics of Place Naming*. Aldershot: Ashgate; 2009.
19. Ebert V. Koloniale Straßennamen. Benennungspraktiken im Kontext kolonialer Raumaueignung in der deutschen Metropole von 1884 bis 1945. De Gruyter: Berlin; 2021.
20. Samayeen N., Wong A., McCarthy C. Space to breathe: George Floyd, BLM Plaza and the monumentalization of divided American urban landscapes. *Educational Philosophy and Theory*. 2022;54(14):2341–2351. DOI [10.1080/00131857.2020.1795980](https://doi.org/10.1080/00131857.2020.1795980). EDN [MFXSUT](https://www.edn.net/MFXSUT).
21. Hebbert M. The street as locus of collective memory. *Environment and Planning D: Society and Space*. 2005;23:581–596. DOI [10.1068/d55j](https://doi.org/10.1068/d55j).
22. Poon L. Mapping the Sexism of City Street Names. Bloomberg City Lab. 2015. Available at: <https://www.citylab.com/equity/2015/11/mapping-the-sexism-of-city-street-names/414094/> (accessed: 28.02.2025).

23. Sebastian T. Invisibility of Female Street Names in India: Exploring the Intersection of Culture, Law and Social Situations. *McGill GLSA Research Series*. 2021;(1):1–19. DOI [10.26443/glsars.v1i1.144](https://doi.org/10.26443/glsars.v1i1.144).
24. Гербут Н. А., Гербут И. А. Недопредставленность женщин в названиях улиц: гендерные нарративы городских пространств // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 62–71. DOI [10.21064/WinRS.2021.4.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.4.5). EDN GREEAR.
Herbut N. A., Herbut I. A. Women's underrepresentation in street names: gender narratives of urban spaces. *Woman in Russian Society*. 2021;(4):62–71. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2021.4.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.4.5).
25. Голомидова М. В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 3. С. 185–203. DOI [10.15826/vopr_onom.2017.14.3.029](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.3.029). EDN ZTXBNN.
Golomidova M. V. Modern Urban Naming Practices: Strategic Approaches and Practical Solutions. *Voprosy onomastiki*. 2017;14(3):185–203. (In Russ.). DOI [10.15826/vopr_onom.2017.14.3.029](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.3.029).
26. Городская топонимия: современная политика и практика именования / М. В. Голомидова, Р. В. Разумов, С. О. Горяев [и др.]. Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2023. 216 с. EDN IUPKOV.
Golomidova M. V., Razumov R. V., Goryaev S. O. [et al.]. Urban toponymy: modern policy and practice of naming. Ekaterinburg: Ural Federal University; 2023. (In Russ.).
27. Крюкова И. В. Социолингвистические аспекты ономастических исследований: постановка проблемы // Вопросы филологии. 2014. № 2(47). С. 30–35. EDN UARCEV.
Kryukova I. V. Sociolinguistic aspects of onomastic research: stating the problem. *Journal of Philology*. 2014;(2):30–35. (In Russ.).
28. Разумов Р. В. Русская урбанонимия: полевая организация, модели номинации, социолингвистические особенности функционирования. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 387 с.
Razumov R. V. Russian urbanonymy: field organisation, nomination models, sociolinguistic features of functioning. Yaroslavl: RIO YaSPU; 2022. (In Russ.).
29. Потанина Н. Л., Гололобов М. А. Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. № 1(7). С. 32–37. EDN TJJAOT.
Potanina N. L., Gololobov M. A. Urban text as a theoretical problem. *Filologicheskaya regionalistika*. 2012;(1):32–37. (In Russ.).
30. Евстифеев Р. В. Конструирование городских идентичностей: цели, механизмы, акторы // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 4(26). С. 75–89. DOI [10.23951/2312-7899-2020-4-75-89](https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-4-75-89). EDN ABLBQA.
Evstifeev R. V. Designing city identities: goals, mechanisms, actors. *Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 2020;(4):75–89. (In Russ.). DOI [10.23951/2312-7899-2020-4-75-89](https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-4-75-89).
31. Гордова Ю. Ю. Актуальные способы обработки и представления ономастических данных: 2009–2019. М. : Ленанд, 2020. 128 с. EDN DHCELO.
Gordova Y. Yu. Actual methods of processing and presentation of onomastic data: 2009–2019. Moscow: Lenand; 2020. (In Russ.).
32. Никитина Т. Г. Топонимическое пространство города: «культурные слои» в лексикографическом отображении // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15, № 2. С. 180–193. DOI [10.15826/vopr_onom.2018.15.2.020](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.020). EDN XVQYIP.
Nikitina T. G. The Urban Toponymic Space: “Cultural Layers” in Lexicographic Perspective. *Voprosy onomastiki*. 2018;15(2):180–193. (In Russ.). DOI [10.15826/vopr_onom.2018.15.2.020](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.020).
33. Разумов Р. В. Русская урбанонимия и ее лексикографическое представление: проблемы и перспективы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 12. С. 4166–4171. DOI [10.30853/phil20230633](https://doi.org/10.30853/phil20230633). EDN GNMVVR.
Razumov R. V. Russian urbanonymy and its lexicographic representation: Problems and prospects. *Philology. Theory & Practice*. 2023;16(12):4166–4171. (In Russ.). DOI [10.30853/phil20230633](https://doi.org/10.30853/phil20230633).
34. Meyer C., Hachmeister S., Schmück S. Straßennamen schreiben Geschichte. Das Beispiel des Erlanger city-text. *Mitteilungen der Fränkischen Geographischen Gesellschaft*. 2018. Band 63/64. P. 47–58.

Поступила: 08.04.2025. Доработана: 23.05.2025. Принята: 30.05.2025.

Сведения об авторах:

Евстифеев Роман Владимирович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Москва, Россия.

evstifeev@inion.ru

Author ID РИНЦ: 317061; ORCID: 0000-0002-3851-7035

Евстифеева Галина Геннадьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Владимир, Россия.

gge65@mail.ru

Author ID РИНЦ: 721768

R. V. Evstifeev¹, G. G. Evstifeeva²

¹ INION RAN. Moscow, Russia

² RANEPa Vladimir branch. Vladimir, Russia

URBAN GENDER REGIMES THROUGH THE LENS OF CRITICAL TOPONYMY

Abstract. The article presents findings from a study of the toponymic systems of regional capitals in Russia's Central Federal District (16 cities, excluding Moscow). The aim was to identify characteristics of urban gender regimes in these cities from the perspective of critical toponymics and to conduct a comparative analysis with similar data from European cities. The theoretical and methodological foundation of the research is based on the concept of gender regimes and key principles of critical toponymics. Data collection for Russian cities was based on the analysis of official documents as well as information from geospatial platforms — Yandex.Maps and OpenStreetMap. For European cities, open data integrated by the projects Mapping diversity and Stnameslab were used. Processing of the collected material involved statistical and cartographic methods using Microsoft Excel and QGIS software. The analysis confirmed the presence of stable gender regimes within the toponymic systems of all studied cities. The main characteristic of these regimes is the clear dominance of male names in street naming, both in Russian and European contexts. However, differences were observed in the content: in Russian cities, names of figures of supra-regional significance prevail, while in European cities — despite a much higher number of “female” anthroponyms — a significant share refers to individuals directly connected to the city and its development. Spatial distribution patterns indicate that urban space is regulated by gender regimes: “female” anthroponyms are most often located on the periphery of central districts. The results provide a basis for outlining promising directions for further study of urban gender regimes through the lens of critical toponymics.

Keywords: gender regimes, critical toponymy, anthroponyms, urban space, social inequality

For citation: Evstifeev R. V., Evstifeeva G. G. Urban gender regimes through the lens of critical toponymy. *Science. Culture. Society*. 2025;31(2):111–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.2.9>

Received: 08.04.2025. Corrected: 23.05.2025. Accepted: 30.05.2025.

Author information:

Roman V. Evstifeev, Doctor of Political Science, Leading researcher at the Department of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS. Moscow, Russia.

evstifeev@inion.ru

ORCID: 0000-0002-3851-7035

Galina G. Evstifeeva, Candidate of Sociology, Associate professor of Management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir branch. Vladimir, Russia.

gge65@mail.ru

Антропонимы в названиях улиц региональных столиц Центрального федерального округа

№	Город	Населе- ние, чел.	Всего назва- ний улиц, ед.	Из них ан- тропоними- мов, ед.	Гендерное распределе- ние, ед.			Доля антропого- понимов от обще- го числа улиц, %	Доля от числа антропогопо- нимов, %		
					Ж	М	Не опр.		Ж	М	Не опр.
1	Белгород	328 482	701	203	3	200	0	28,96	1,48	98,52	0,00
2	Брянск	373 310	796	257	17	240	0	32,29	6,61	93,39	0,00
3	Владимир	344 082	644	141	4	137	0	21,89	2,84	97,16	0,00
4	Воронеж	1 046 425	1516	417	33	384	0	27,51	7,91	92,09	0,00
5	Иваново	358 437	1218	247	16	230	1	20,28	6,48	93,12	0,40
6	Калуга	329 673	613	108	5	103	0	17,62	4,63	95,37	0,00
7	Кострома	265 761	486	69	9	59	1	14,20	13,04	85,51	1,45
8	Курск	436 678	940	146	4	142	0	15,53	2,74	97,26	0,00
9	Липецк	485 260	790	275	13	262	0	34,81	4,73	95,27	0,00
10	Орёл	292 406	704	175	11	164	0	24,86	6,29	93,71	0,00
11	Рязань	520 509	713	140	16	124	0	19,64	11,43	88,57	0,00
12	Смоленск	310 645	683	152	10	142	0	22,25	6,58	93,42	0,00
13	Тамбов	256 268	565	139	9	130	0	24,60	6,47	93,53	0,00
14	Тверь	412 994	826	275	28	247	0	33,29	10,18	89,82	0,00
15	Тула	461 692	724	256	17	239	0	35,36	6,64	93,36	0,00
16	Ярославль	567 443	974	217	14	203	0	22,28	6,45	93,55	0,00
	ВСЕГО	6 790 065	12 893	3 217	209	3 006	2	24,95%	6,50%	93,44%	0,06%

Приложение 2
Антропонимы в названиях улиц 16 европейских городов

№	Город	Население, чел.	Всего назва- ний улиц, ед.	Из них ан- тропонимов, ед.	Гендерное распределение, ед.			Доля антро- понимов от общего чис- ла улиц, %	Доля от числа антропотопо- нимов, %		
					Ж	М	Не опр.		Ж	М	Не опр.
1	Анкона	100 000	657	321	11	310	0	48,86	3,43	96,57	0,00
2	Болонья	388 000	2 042	1 184	63	1 119	2	57,98	5,32	94,51	0,17
3	Вроцлав	641 201	2 478	640	50	584	6	25,83	7,81	91,25	0,94
4	Гданьск	486 271	2 046	449	28	420	1	21,95	6,24	93,54	0,22
5	Генуя	566 410	4 206	1 642	134	1 496	12	39,04	8,16	91,11	0,73
6	Дебрецен	202 402	1 863	333	9	323	1	17,87	2,70	97,00	0,30
7	Катовице	290 553	1 219	422	26	390	6	34,62	6,16	92,42	1,42
8	Лион	522 969	2 096	1 214	103	1 100	11	57,92	8,48	90,61	0,91
9	Лодзь	667 923	2 385	522	44	477	1	21,89	8,43	91,38	0,19
10	Лозанна	141 000	737	123	15	108	0	16,69	12,20	87,80	0,00
11	Палермо	637 885	2 750	1 564	126	1 417	21	56,87	8,06	90,60	1,34
12	Севилья	684 234	4 377	1 592	274	1 317	1	36,37	17,21	82,73	0,06
13	Сибирь	137 000	681	199	4	195	0	29,22	2,01	97,99	0,00
14	Флоренция	382 000	2 420	1 231	73	1 156	2	50,87	5,93	93,91	0,16
15	Кишинёв	639 000	1 503	496	35	459	2	33,00	7,06	92,54	0,40
16	Эрланген	117 000	1026	168	35	132	1	16,37	20,83	78,57	0,60
	ВСЕГО	6 603 848	32 486	12 100	1 030	11 003	67	37,25%	8,51%	90,93%	0,55%

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.2.10](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.10)
EDN [BAYVWD](https://edn.ru/BAYVWD)
УДК 316.752:35(470)

М. В. Рославцева¹

¹ ИДИ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ЦЕННОСТНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основания понятия «ценности» в философии и социологии и их отражение в современной ценностно-ориентированной политике на примере национальных проектов «Семья» и «Молодёжь и дети», а также Стратегии семейной и демографической политики до 2036 года. В рамках теоретической части статьи проведено философское и социологическое осмысление понятия «ценность» на основе трудов И. Канта, Г. Риккерта, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, В. П. Тугаринова, В. А. Ядова, Н. П. Лапина. Рассмотренные теоретические подходы систематизированы по признакам интерпретации ценностей и объединены в три группы, различающиеся по акценту: нормативному, идеальному и практическому. Эта классификация послужила основой для сравнительного анализа авторского понимания ценностей и существующего в российском законодательстве подхода к осмыслению этой категории. Анализ национальных проектов и Стратегии показал, что они содержат конкретные механизмы трансляции ценностей через воспитание, образование и культурный контекст, способствуя укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, обозначенных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. Однако для повышения их эффективности необходим более широкий охват аудитории и системное взаимодействие с уже сложившимися ценностными ориентациями населения, поскольку текущая реализация проектов недостаточно учитывает эти установки. Представленный анализ позволяет сформулировать практические рекомендации по совершенствованию ценностно-ориентированных мер государственной политики и может быть полезен для учёных-демографов, правоведов и философов аксиологического направления.

Ключевые слова: аксиология, ценности, традиционные духовно-нравственные ценности, молодёжь, ценностно-ориентированная политика, национальный проект «Семья», национальный проект «Молодёжь и дети», воспитание, культура

Для цитирования: Рославцева М. В. Ценностная проблематика в национальных проектах Российской Федерации // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 129–144. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.10](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.10). EDN [BAYVWD](https://edn.ru/BAYVWD).

Введение. Научное осмысление категории ценностей представлено во многих гуманитарных науках — философии, психологии, социологии. В рамках представленной статьи акцент сделан на философском осмыслении ценностей и рассмотрении социологических теорий, описывающих это понятие. Ценности как достаточно сложная и абстрактная категория, которая во многом определяет образ жизни людей, нуждается в конкретизации и точной формулировке. Это даёт возможность её актуализации в новых законодательных актах с целью гармонизации государственной политики в отношении ценностей и общественного мнения. Анализ теоретических подходов к определению ценностей, включая их типологии и функциональные характеристики, позволяет более обоснованно

подойти к оценке юридических актов и норм, регламентирующих ценностно-ориентированную политику Российской Федерации, а также выработать практические рекомендации по совершенствованию этих юридических документов.

Теоретические концепции ценностей. Одними из первых размышлений о природе ценностей являются работы И. Канта. Центральной идеей его ценностной концепции выступает соотношение поведения человека с моралью [1; 2]. С точки зрения философа мораль лежит в основе мотивационной системы личности: *«суть всякой нравственной ценности поступков состоит в том, что моральный закон непосредственно определяет волю»* [1, с. 40]. Кант подчёркивает, что истинная нравственная ценность действия проявляется лишь тогда, когда оно совершается из сознательного признания долга перед моралью. Если действие совершено без осознания этого долга, оно не может считаться нравственно значимым — причиной тому отсутствие внутренней ценностной мотивации, основанной на осмыслении моральных норм. Описывая теорию Канта, также стоит отметить его разграничение ценностей на четыре ключевые составляющие: логические, этические, эстетические и религиозные [3].

Один из последователей Канта — Г. Риккерт — уделял особое внимание природе ценностей в своих работах [4; 5]. Учёный отмечает, что современное ему знание начала XX века делает особый акцент на биологических аспектах философии. По его мнению, именно *ценности придают смысл и содержание вещам и жизни в целом*. Такой подход формирует взгляд на ценности как на критерий жизненности человеческого бытия: то, что соответствует более полноценной, насыщенной и гармоничной жизни, признаётся ценным, тогда как то, что подавляет жизненную активность, наоборот, рассматривается как противоестественное, социально неприемлемое и не имеющее самостоятельной ценности. Риккерт также задавался вопросом о возможности систематизации ценностей. С одной стороны, любая система предполагает завершённость, но с другой — динамика исторического развития и общественный прогресс делают её постоянство маловероятным. Риккерт предлагает создать открытую систему, допускающую включение новых элементов по мере развития человеческой истории. Прежде всего учёный подразумевает появление новых культурных ценностей, обусловленных технологическим прогрессом.

Одной из наиболее актуальных в текущем исследовании является концепция советского философа В. П. Тугаринова, изложенная в работах «О ценностях жизни и культуры» и «Теория ценности в марксизме» [6; 7]. Его работы являются осмыслением ценностей с точки зрения марксистской философии. Проблема ценностей у него рассматривается через призму различий в смысле жизни у людей с разными способностями и задатками, находящихся в рамках единого строящегося социалистического общества. С точки зрения учёного, каждый человек должен прилагать усилия для придания смысла собственной жизни. Говоря о ценностях В. П. Тугаринов также отмечает, что они являются необходимыми критериями для удовлетворения человеческих потребностей. По его определению, ценности — это: *«предметы, явления и их свойства, которые нужны <...> людям определённого общества или класса и отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также — идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала»* [8, с. 11].

Категория ценностей в социологии возникла одновременно с становлением самой науки и была представлена уже в работах её основоположников. Первое

социологическое осмысление понятия ценностей даёт Эмиль Дюркгейм, определяя в одноимённой работе ценностные и реальные суждения [9]. Реальные суждения непосредственно принадлежат индивиду и формируются в процессе непосредственного восприятия. Именно это обуславливает тот факт, что реальными суждениями невозможно поделиться. В отличие от них, ценностные суждения для индивида носят внешнюю природу и являются отражением позиций определённой группы, для которых эта ценность является общеизвестной.

Дюркгейм отмечает, что *«ценностное суждение выражает связь вещи с идеалом»* [9, с. 114]. Производя типологию ценностей, он выделяет экономическую ценность отдельно от прочих, имеющих нематериальную природу [9, с. 109]. При этом материальные или экономические ценности всегда занимали менее приоритетное положение в сравнении с нематериальными. Основой всех ценностных систем и приоритетов учёный называет чувство достоинства и уважение к человеческой жизни в конкретном обществе. Согласно убеждениям Дюркгейма, общество транслирует отдельным индивидом жизненный идеал, степень реализации которого зависит от силы этой трансляции.

Созвучным является взгляд на ценности у основателя немецкой школы социологии Макса Вебера. Социология для Вебера начинается с анализа действий отдельных индивидов. Особое внимание он уделяет такому виду действия, как социальное действие, при котором индивид соотносит свою активность не только с окружающими людьми, но и с некоторым идеалом. Учёный пишет: *«Для определённых (не всех) целей исторической и социологической науки тот факт, что субъективно осмысленное поведение (мышление или действие) ориентировано соответственно правильному типу, в противоречии с ним или приближенно к нему, чрезвычайно важен «сам по себе», то есть вследствие лежащего в его основе отношения к ценности»* [10, с. 500]. Вебер также производит классификацию действий по степени их рациональности и отдельно выделяет ценностно-рациональные действия, то есть соотнесённые с некоторым идеалом. Таким образом позиция Вебера здесь близка к кантовскому пониманию моральной ценности.

Ещё один ключевой теоретик — Т. Парсонс, основатель структурно-функционального подхода в социологии, использует понятие ценностей для описания социальной структуры. В своей четырёхфункциональной структуре Парсонс выделяет функцию воспроизводства и поддержания образца, за которую отвечают именно ценности: *«Ценности занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца, так как они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулирует процессы принятия субъектами действия определённых обязательств»* [11, с. 17].

Парсонс относит ценности в раздел культурной подсистемы, отличительной особенностью которой является наличие системы эталонов, передаваемых через символы в процессе диффузии социальных систем и личностного взаимодействия [12]. Культурная подсистема представляет собой три ключевых компонента, где ценности представляют последний: 1) система идей или верований; 2) система экспрессивных символов; 3) система ценностных ориентаций [12].

Помимо воспроизводства культурного образца, ценности выполняют функцию легитимации поведения [13, с. 168]. В теории Парсонса ценности представляют собой различного рода правила, которые транслируются в межпоколенческом взаимодействии. Эти правила предоставляют индивиду набор альтернатив действий, упрощая его жизненный выбор. Представляемые ценностями альтер-

нативы позволяют индивиду предсказать долгосрочные последствия поведения. [12, с. 488].

Один из известных российских исследователей, В. А. Ядов, развивал диспозиционный подход к ценностям — взгляд на поведение человека с позиции его соответствия внутренней иерархии ценностей [14; 15]. Изначально интерес заключался в том, чтобы научиться прогнозировать поведение человека, основываясь на диспозиционной системе. Возникновение диспозиций Ядов объясняет тем, что потребности человека удовлетворяются в повторяющейся ситуации, вследствие чего возникает установка на повторное воспроизводство этого действия.

При этом диспозиции, по Ядову, существуют не в отрыве друг от друга, а образуют иерархическую структуру. Низший её уровень составляют установки на повторяющиеся действия, которые мы рассмотрели выше. Затем располагаются социальные установки, которые конструируют наши действия в соотношении с другими людьми или аттитюды. Выше по уровню — общая сфокусированность личности на определённой сфере жизнедеятельности, таких как семья, работа и т.д. Верхний уровень диспозиционной структуры *«образует система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства их достижения»* [14, с. 36]. Верхние уровни диспозиционной системы напрямую зависят от нижних и не должны противоречить им логически и психологически, хотя на практике такое противоречие встречается часто. Активация того или иного элемента диспозиционной системы зависит от цели текущей деятельности.

Ещё одним современником, который занимался ценностной проблематикой, был Н. П. Лапин. Однако фокус его исследований сосредоточен не столько на внутренней структуре ценностных ориентаций, сколько на их видоизменении под влиянием общественных процессов [16]. Под ценностями он понимал прежде всего *«цели человека совместно с методами их реализации, формирующиеся в период его взросления и интегрирующие его в общество»* [17, с. 125].

Эмпирические исследования Лапина были посвящены анализу изменений ценностных структур россиян в 1990-е годы в период распада Советского Союза. Одним из крупнейших исследований Лапина является сравнительный анализ ценностей россиян в 1990 и 1994 гг. [18]. Гипотеза исследования заключалась в том, что в условиях кризисных преобразований происходит не только смена ценностных ориентаций, но и изменение самих функций ценностей — они становятся «магнитами», притягивающими людей в условиях социального хаоса.

На первом этапе исследования в 1990 г., Лапин обнаружил, что ранее монолитная структура ценностей начала приобретать более дифференцированный характер. В ней начали наблюдаться отдельные смысловые блоки: потребительский конформизм, противоположный ему предприимчивый неконформизм и властолюбивый эгоизм. Ко второму этапу всё чаще проявлялись ценности нового типа, например, свобода самоопределения. Труды Лапина актуальны в рамках данного исследования, поскольку посвящены прежде всего ценностной трансформации общества, на которую направлены те законы и проекты, в которых сейчас ценностная проблематика в России получает все большее и большее осмысление.

Стоит отметить, что в связи с актуализацией ценностно ориентированной политики в современной России всё большее число ведущих учёных обращается к теоретическим аспектам понятия «ценность». Так Т. К. Ростовская и

Т. Б. Калиев [19] рассматривают изменение восприятия ценностей на разных исторических этапах и выделяют несколько подходов в аксиологии. Исследователи описывают постепенную трансформацию античного понимания ценностей как блага до современной, постиндустриальной трактовки ценностей как объективного знания и информации [19, с. 6–11]. Интересен их анализ следующих аксиологических концепций. Первой из них является натуралистический психологизм, который представляет ценности как основу эффективного функционирования человеческого организма. Второй подход — аксиологический трансцендентализм — сосредоточен на взаимосвязи ценностей как ключевом предмете философского анализа. Персоналистский онтологизм видит в ценностях уникальный объект философского изучения, целью которой является раскрытие их сути и природы. Культурно-исторический релятивизм как отдельное направление сосредотачивается на плюрализме ценностей в различных культурах. Последним рассмотренным исследователями направлением является социологизм, согласно которому ценности являются важным элементом нормативной структуры общества [19, с. 12–22].

Ростовская и Калиев предлагают собственное определение ценностей, при этом разграничивая их с ценностными ориентациями. По их мнению, ценности представляют собой *«относительно устойчивое, избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных благ и идеалов, которые рассматриваются как предметы, цели или средства для удовлетворения потребностей жизнедеятельности личности»* [19, с. 162]. Ценностные ориентации, в свою очередь, являются отражением этих ценностей в индивидуальном сознании, результатом чего является их признание как жизненных целей и ориентиров [19, с. 162].

На основе разработанной теоретической модели ценностей было проведено эмпирическое исследование ценностных ориентиров молодёжи России и Казахстана. Результаты показали, что среди молодёжи существуют две полярные ценностные модели. Одна из них выражена в постиндустриальной ценностной модели, основой которых является западный леволиберальный ориентир. Другая сосредоточена на сохранении традиционных ценностей во всех сферах общественной жизни. Кроме того, было установлено наличие корреляции между социально-экономическим развитием региона и преобладающей среди молодёжи ценностной моделью. Учёные прогнозируют возможные вызовы, связанные с тем разрывом в ценностных моделях, которые присутствуют в казахском и российском обществе. Полученные выводы подтверждают актуальность настоящего исследования. Необходимость устранения озвученного выше противоречия побуждает к активному изучению ценностной политики Российской Федерации. Формирование единой, традиционалистской модели ценностных ориентаций, особенно среди молодёжи, способствует гармонизации и консолидации общественного мнения в ключевых сферах жизни.

Подводя итог подробного анализа понятия «ценность» в философской и социологической литературе, можно систематизировать различные подходы к его осмыслению. Это необходимо для последующего сопоставления с действующим российским законодательством. Прежде всего выделяется группа теорий, в которых **система ценностей строится на основе определённого критерия**. Такую точку зрения имеет Кант (ценность действия, совершённого из морального долга) и Риккерт (ценность вещей, способствующих полноценной жизни). Другая точка зрения рассматривает **ценности как идеалы, присутствующие в личном**

и общественном сознании. К этой позиции можно отнести Дюркгейма, трактующего ценности как связь вещей с идеалом; Вебера и его идеальный тип социального действия; а также Парсонса, у которого ценности выступают желаемыми образцами для воспроизводства социальных подсистем. Последняя группа теорий представлена практическим подходом, где **ценности понимаются как жизненные цели или ориентиры**. В. П. Тугаринов отмечает, что эти цели и способы их достижения должны разделяться сообществом; В. А. Ядов подчёркивает, что ценности – это не сами цели, а ориентации на них; Н. П. Лапин дополняет эту концепцию утверждением о формировании ценностей в период взросления личности.

Анализ российского законодательства. В рамках исследования рассмотрены ключевые документы, отражающие ценностно-ориентированную политику на национальном уровне:

- Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»;
- национальные проекты «Семья» и «Молодёжь и дети»;
- «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года».

Для работы с теоретическими и нормативными источниками в рамках освещения ценностной проблематики использовались методы анализа, синтеза, систематизации и категоризации.

Одной из целей **национального проекта «Семья»** является «реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности»¹ (цель № 2). Как отмечает российский демограф Т. К. Ростовская, общей задачей проекта является «увеличение числа семей с детьми, включая многодетные семьи, что предполагает сочетание уже существующих мер поддержки с внедрением новых подходов, соответствующих современным социально-экономическим вызовам» [20, с. 13]. Ценностный аспект реализации этой цели связан со вторым её подпунктом: «2.2. Создание к 2030 году условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей»². Таким образом, национальный проект напрямую ссылается на положения **Указа Президента РФ № 809**, где определены основные ориентиры государственной ценностно-ориентированной политики.

Проект имеет практико-ориентированный характер: согласно паспорту проекта, акцент сделан на создании условий для формирования рассмотренных в Указе традиционных ценностных установок у молодого поколения. Это позволяет говорить о наличии реального механизма построения политики, направленной на формирование ценностей. Вместе с тем в документах не предусматривается работа с уже сложившимися в российском обществе ценностными моделями.

Интересующим нас в рамках данного исследования целевым показателем национального проекта «Семья» стал «4.2. Количество созданных центров воспроизведения аудиовизуального контента в малых населённых пунктах с численностью населения до 50 тыс. человек, оснащённых необходимым оборудо-

¹ Паспорт национального проекта «Семья». URL: https://stavregion.ru/_/cms_page_media/11368/Pasport%20natsionalnogo%20proekta%20_Semya.pdf (дата обращения: 06.05.2025).

² Там же.

ванием и подключённых к единой цифровой платформе с библиотекой современных продуктов российской киноиндустрии». Формирование ценностной системы будущих поколений в рамках национального проекта связано прежде всего с культурным просвещением через продукты отечественного кино. В рамках национального проекта наш интерес сфокусирован прежде всего на федеральном проекте «Семейные ценности и инфраструктура культуры», в котором закреплён показатель, ориентированный на «дополнительные возможности для посещения и участия в культурно-просветительских мероприятиях и для обеспечения семейного досуга»³. Этот показатель состоит из двух компонентов:

1. создание культурных центров;
2. повышение «удовлетворённости граждан работой государственных и муниципальных организаций культуры, искусства и народного творчества»⁴.

С одной стороны, здесь дана важная связь культурно-просветительских мероприятий и семейного досуга. В то же время остаётся недостаточно объяснённой взаимосвязь семейного досуга и ценностных ориентаций будущего поколения, которое должно формировать семьецентристские установки через положительные ассоциации в процессе воспитания. Одним из значимых целевых показателей федерального проекта следовало бы сделать просветительскую деятельность, направленную на информирование молодого поколения о базовых знаниях, необходимых для создания семьи. Например, в проект могли быть включены уже реализуемые уроки «Семьеведения», которые раскрывают преимущества семейно-детного образа жизни, способы преодоления трудностей, разрешения конфликтов и решения бытовых задач в семье⁵. Дисциплина «Семьеведение» является факультативной и имеет небольшой объём — 34 учебных часа. В рамках национального проекта её содержание может быть расширено за счёт секций и кружков, которые позволят обучающимся углубить свои знания о семье. Ещё одной перспективной инициативой могут стать предложенные Т. К. Ростовской «программы ЗАГСов добрачного консультирования, выдачи сертификатов на проведение социальных свадеб, информационных просветительских программ для молодёжи и молодожёнов» [20, с. 372].

Стоит также рассмотреть сайт федерального проекта о семейных ценностях, поскольку паспорт проекта является узконаправленным юридическим, хотя и общедоступным документом. Отметим, что за последние месяцы федеральный проект был доработан, рассмотрим первоначальную версию. Посетителей сайта встречал вводный текст: *«Семейные ценности — главное для многих жителей России. Чтобы больше людей разделили эту точку зрения, а также захотели создать свою семью или больше внимания уделять близким, по федпроекту создаются все условия для совместного досуга. Благодаря им можно узнать что-то новое, сформировать семейные традиции и просто хорошо провести время. Также ежегодно в регионах запланированы образовательные программы для школьников»*⁶. Сейчас эта цитата сохранена в презентационных материалах национального проекта. Следует отметить, что здесь акцент сделан уже не толь-

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Рабочая программа курса внеурочной деятельности «Семьеведение». URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2024/08/2_5300844784137559930.pdf (дата обращения: 06.05.2025).

⁶ Инициатива «Семейные ценности» национального проекта «Семья». URL: https://coiruk.nso.ru/sites/coiruk.nso.ru/wodby_files/files/page_6485/2._nacionalnyy_proekt_semya.pdf (дата обращения: 06.05.2025).

ко на воспитании молодого поколения, но и на влиянии на группы населения с уже сформированной ценностной моделью. В то же время в тексте упоминаются школьные образовательные программы, о которых не говорится в паспорте федерального или национального проекта. Чтобы ознакомиться с результатами проекта, пользователям сайта предлагалось перейти в один из четырёх разделов: «Прикоснуться к уникальным книгам», «Посмотреть редкие кинофильмы», «Построить план культурного саморазвития» и «Послушать мировых звёзд в виртуальном концертном зале». Первый раздел знакомил с книгами, представленными на сайте национальной электронной библиотеки. Две следующих инициативы являлись схожими и направляли пользователя на национальный портал «Культура.рф» для просмотра фильмов, спектаклей и других медиаматериалов. Последний проект был связан с работой виртуальных концертных залов, о создании которых говорилось в паспорте проекта.

В настоящее время из проекта исключены инициативы «Посмотреть редкие кинофильмы» и «Послушать мировых звёзд в виртуальном концертном зале». Они заменены на две похожие направленности: «Ходить в современные театры» и «Купить билеты в кино, театр, музей по Пушкинской карте»⁷. Первая инициатива делает акцент на реставрации театров для взрослых и детей как места совместного времяпрепровождения — просмотра спектаклей и участия в актёрских мастер-классах. Суть второй инициативы отражена в названии, однако в содержании нет никаких связей с ценностной проблематикой. Представленный перечень позволяет сделать вывод о том, что на практике рассматриваемый федеральный проект изначально имел акцент на культурных инициативах. В настоящее время, к сожалению, национальный проект всё сильнее отдаляется от формирования ценностей, и этот акцент только усилился. С нашей точки зрения, его содержание может быть значительно дополнено образовательными и просветительскими интерактивными программами, связанными с формированием семьи.

Следующим национальным проектом, где ценности были использованы как одна из ключевых категорий, является **проект «Молодёжь и дети»**. В рамках исследования нас интересует вторая цель проекта, прописанная в паспорте: «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности»⁸. Стоит отметить, что эта цель полностью созвучна с той, которая стоит вторым номером в национальном проекте «Семья», что свидетельствует о единой ценностно-ориентированной политике государства. При этом содержательное наполнение подпунктов различается: здесь акцент сделан на выявление талантливой и активной молодёжи с последующей профессиональной ориентацией. На данный момент этот проект не имеет аналогов и количественных показателей.

Ещё одним направлением проекта является продвижение традиционных российских ценностей в рамках культурных инициатив. Доля таких проектов к 2030 г. должна будет составить 70% от общего их числа, к 2036 г. — увеличиться до 80%. На момент подготовки этого национального проекта в 2024 г. доля таких культурных проектов составляла 60%.

⁷ Инициатива «Семейные ценности» национального проекта «Семья». URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/semeynye-tsennosti-i-infrastruktura-kultury/> (дата обращения: 15.06.2025).

⁸ Паспорт национального проекта «Молодёжь и дети». URL: https://stavregion.ru/_/cms_page_media/11366/Pasport%20natsionalnogo%20proekta%20_Molodezh%20i%20deti.pdf (дата обращения: 06.05.2025).

Следующая важная цель — создание к 2030 г. «условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности», основанных на обращении к традиционным российским духовно-нравственным и культурно-историческим ценностям. Таким образом, здесь также наблюдается согласованность целей проекта с положениями **Указа Президента РФ № 809**. Показателем для этой цели является индекс создания условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально-ответственной личности. Однако в паспорте проекта отсутствует информация о методике расчёта данного индекса. Данные приводятся в Приложении № 8 к постановлению Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2021 г. № 542⁹. Большинство параметров, входящих в индекс, связаны с проведением культурно-просветительских мероприятий, работой образовательных организаций и числом участников этих процессов. В 2024 году значение индекса составляло 73 пункта, тогда как к 2030 году планируется достичь уровня в 95 пунктов.

К числу других целевых показателей относится увеличение доли молодых людей, уверенных в возможностях самореализации в родной стране, до 85% к 2030 году (сейчас эту позицию разделяют 83%). Также предусмотрен рост числа молодых граждан, занятых общественной и волонёрской деятельностью — до 45% к 2030 г. (в настоящее время — 28,9%). Последний подпункт цели национального проекта связан с увеличением числа молодёжи, вовлечённой в проекты, направленные на профессиональное и личностное развитие, а также патриотическое воспитание. Ожидаемое значение к завершению проекта — 75%, в то время как в 2024 году этот показатель составлял лишь 27,9%, что говорит о наибольшем разрыве между текущими и целевыми значениями.

Отличительной чертой национального проекта «Молодёжь и дети» является принцип описания и построения целевых показателей. Здесь прослеживается более социологический подход, выраженный в чётком определении и измерении необходимых показателей и их доли в общественном мнении. Кроме того, в перечне традиционных российских духовно-нравственных ценностей, фигурирующих в проекте, акцент сделан на созидательный труд, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и историческую память. Это позволяет охватить более широкий спектр ценностей по сравнению с проектом «Семья», что обусловлено спецификой и направленностью каждого из проектов.

Важной частью национального проекта «Молодёжь и дети» является федеральный проект «Мы вместе», направленный на реализацию описанных выше воспитательных целей. В качестве цели этого проекта на сайте указывается: «воспитать всесторонне развитых людей, любящих свою страну и гордящихся ей»¹⁰. Здесь, как и в предыдущем проекте, пользователям предлагаются четыре возможные активности: принять участие в историко-патриотических лагерях, стать частью детско-юношеского образовательного движения, путешествовать по России и узнать больше об истории страны.

Первая активность — тематические смены в лагере «Истоки», её участниками могут быть активисты семейных движений, люди, занимающиеся историей

⁹ Приложение № 8 к постановлению Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2021 г. № 542. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/nuyXbEDM/MET010008.pdf> (дата обращения: 06.05.2025).

¹⁰ Паспорт национального проекта «Молодёжь и дети». URL: https://stavregion.ru/_/cms_page_media/11366/Pasport%20natsionalnogo%20proekta%20_Molodezh%20i%20deti.pdf (дата обращения: 06.05.2025).

и археологией, студенты творческих специальностей, представители Движения Первых и участники конкурса «Большая перемена». Например, итогом работы участников профильной смены «Семейные ценности» стал сборник практических рекомендаций для будущих и молодых родителей. Такие мероприятия могут рассматриваться как дополнительный образовательный ресурс для трансляции и популяризации традиционных ценностей, что может служить одним из элементов, дополняющих национальный проект «Семья».

Вторая инициатива — участие в детско-юношеском образовательном движении — приглашает участников присоединиться к «Движению первых». Эта инициатива объединяет большое количество программ воспитания и развития молодёжи с акцентом на традиционные духовно-нравственные ценности и ориентирована на школьников от 6 до 14 лет. Присоединение к движению возможно при наличии согласия родителей или законных представителей.

Третья и четвертая инициатива федерального проекта связаны с культурным и туристическими активностями. Возможность путешествовать по России предоставляется победителям и участникам конкурсов, проводимых на базе образовательных платформ «Россия — страна возможностей» и Российского общества «Знание». Заключительная инициатива посвящена знакомству с историей страны через посещение исторического парка «Россия — моя история» — масштабного мультимедийного проекта мирового уровня, расположенного в Москве на ВДНХ. Обе инициативы являются содержательно насыщенными и соответствуют целям федерального проекта. В то же время, они обладают потенциалом для совершенствования: возможность путешествий по России в рамках патриотического воспитания может быть предоставлена более широкому кругу участников, а мультимедийные выставки, связанные с исторической памятью, внедрены в регионах вне столицы.

Анализ национального проекта «Молодёжь и дети» с позиции раскрытия в нём ценностно-ориентированной политики и категории ценностей в целом позволяет выделить ряд особенностей. Прежде всего это касается подхода к разработке и измерению целевых показателей: заранее обозначенная доля населения, которая должна придерживаться традиционных ценностей, позволяет чётче понять потенциал проекта, делает его цели конкретными и измеримыми. Создание и расчёт индексов, отражающих сложное многогранное явление — ценности, — также является важной частью государственной политики.

Однако имеются и возможности для совершенствования. Поскольку в показателях национального проекта указаны значительные доли населения, затронутые его результатами, то для достижения поставленных целей необходимо расширение целевой аудитории. В настоящее время инициативы затрагивают в основном молодых людей, которые уже включены в систему воспитательных и просветительских программ. Расширение круга участников позволит повысить эффективность и популярность заданных в проектах ценностных установок.

Рассмотрим последний принятый в рамках ценностно-ориентированной российской политики документ — **«Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики, поддержки многодетности в Российской Федерации до 2036 года»¹¹**. Прежде всего стоит отметить, что как в названии, так и в содержании стратегии сделан акцент на многодетной и многопоколенной

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 N 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года». URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/11> (дата обращения: 06.05.2025).

семье. Причиной такого акцента является необходимость трансляции семейных ценностей от старшего поколения к более молодому, что возможно лишь при совместном проживании трёх и более поколений в одном домохозяйстве. В то же время одной из ключевых целей стратегии является «укрепление института семьи и брака как союза мужчины и женщины на основе сохранения и продвижения традиционных семейных ценностей»¹².

Документ содержит в себе наиболее полный перечень мер, реализованных к текущему моменту. Демографические процессы, происходящие в российском обществе, представлены в тексте с обоснованием и детализацией. В Стратегии также указано, что ценностные установки молодёжи в вопросах семьи и детей трансформируются. Это выражается в изменении приоритетов: на первое место выходят образование и карьера, а создание семьи откладывается на более поздние этапы жизни. Стратегия подчёркивает вред такой постановки жизненных планов с точки зрения здоровья родителей и будущих детей, а также невозможности создания многодетной семьи за счёт откладывания рождения первого ребёнка. В тексте стратегии также подчёркивается, что репродуктивный потенциал сельского населения выше, чем городского, в первую очередь благодаря более устойчивым репродуктивным установкам.

Стратегия включает количественные показатели, позволяющие оценить состояние ценностной модели российского населения в вопросах семьи. Так, наличие двух и более детей выступает приоритетной репродуктивной установкой для 70% россиян (как среди мужчин, так и среди женщин). При этом отмечается снижение желаемого и ожидаемого числа детей, однако разрыв между этими показателями имеет тенденцию к сокращению. Согласно приводимым в Стратегии данным социологических исследований, 67% россиян считают крепкую семью одной из ключевых ценностей. Этот показатель имеет корреляцию с возрастом: в группе опрошенных до 24 лет этот ответ встречается на 10% реже. Ещё одним важным демографическим показателем является отложенное вступление молодёжи в брак.

Среди мер, повышение значимости семьи в российском обществе, перечислены следующие:

- учреждение ряда семейных государственных праздников;
- введение системы наград для семей с детьми;
- проведение просветительских и информационно-коммуникационных кампаний;
- организация спортивных и культурных мероприятий семейного формата;
- информационная поддержка семей с детьми;
- включение просветительского блока о семье в школьное образование.

Ещё одной важной особенностью стратегии, отличающей её от других документов, является чётко зафиксированная связь между ценностью семьи и необходимой для её реализации ценностью здоровья. Эта взаимосвязь обусловлена необходимостью разработки мер по поддержанию репродуктивного здоровья молодёжи, в том числе через популяризацию здорового образа жизни.

Стратегия содержит перечень приоритетных мер в том числе и в рамках укрепления института семьи. Предполагается проведение информационных кампаний, направленных на популяризацию института семьи, родительства и многодетности. Предлагается активнее использовать образ многодетной се-

¹² Там же.

мы в медиаконтенте как государственного, так и коммерческого сегментов. Также планируется учреждение нового государственного праздника — Дня многодетной семьи. Документом предусмотрено более активное вовлечение семей с детьми во внутренний туризм и другие формы совместного досуга. Как отмечает Т. К. Ростовская: «Особое внимание уделено роли многопоколенной семьи, которая становится моделью социальной устойчивости и передачи культурных традиций. В условиях роста числа разводов, неполных семей и низкой рождаемости многопоколенные семьи рассматриваются как ключевой элемент в системе укрепления семейных ценностей» [21, с. 65].

Ряд мер направлен на сохранение семьи и преодоление внутрисемейных конфликтов:

- развитие инструментов психологической помощи семьям;
- популяризация института медиации в семейных конфликтах;
- поддержка волонтерских проектов по укреплению семьи;
- информирование молодёжи о возможностях решения сложных семейных ситуаций.

Некоторые меры направлены и на пожилых членов семьи. Так, акцент сделан на развитии межпоколенческой коммуникации и формировании среды, способствующей трансляции ценностей. Предполагается расширение системы наград для представителей старших поколений семей. Все члены семьи в рамках стратегии должны быть привлечены к поддержанию здорового образа жизни.

В заключении Стратегии указано, что ключевым механизмом её реализации выступает национальный проект «Семья», рассмотренный выше. Можно заметить, что в перечне мер, предполагаемых Стратегией, отражены большинство практических рекомендаций, предлагаемых исследователями в контексте разработки новых национальных проектов. Таким образом, Стратегия выполняет функцию актуализации и расширения национальных проектов «Семья» и «Молодёжь и дети», обеспечивая их дальнейшее развитие и согласованную реализацию.

Заключение. Проведённый анализ показал, что ценностная проблематика в современной России получает всё большее отражение в государственной политике, особенно в рамках реализации национальных проектов и стратегических документов. К числу ключевых направлений ценностно-ориентированной политики относится укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, формирование патриотических и семейных установок среди молодого поколения, а также создание условий для гармоничного развития личности в русле культурно-исторического контекста.

В рамках исследования были рассмотрены теоретические подходы к пониманию категории «ценность» в работах отечественных и зарубежных философов и социологов. В результате анализа подходы были систематизированы в три группы на основе их смысловой схожести. Такая классификация позволила провести сравнительный анализ между академическим осмыслением ценностей и их отражением в законодательстве и государственных программах.

Анализ нормативно-правовой базы и проектных документов осветил включённые в них механизмы просветительской, образовательной и культурной направленности, направленные на трансляцию традиционных ценностей и возможный потенциал их расширения.

Так, национальный проект «Семья» и его федеральный компонент «Семейные ценности и инфраструктура культуры» делают акцент на культурно-про-

светительском и досуговом взаимодействии с населением. Однако в текущей формулировке недостаточно прописана связь этих мероприятий с процессом формирования конкретных ценностных установок. Предложено расширить содержание проекта за счёт внедрения курса «Семьеведение», программ добрачного консультирования и активного вовлечения школьников в тематические занятия, посвящённые семейным ценностям.

Национальный проект «Молодёжь и дети» демонстрирует более чётко выраженную методологию: здесь определены количественные показатели, описаны целевые группы и механизмы влияния. Отличительной чертой является использование индекса, отражающего уровень воспитания социально ответственной и патриотичной личности. Вместе с тем значительный разрыв между текущими и целевыми значениями указывает на необходимость расширения целевой аудитории и усиления информационного сопровождения инициатив.

«Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» выступает важным документом, дополняющим и актуализирующим национальные проекты. Она содержит наиболее полный перечень мер, направленных на популяризацию семьи как ценности, формирование здорового образа жизни, поддержку многодетных и многопоколенных семей, а также развитие просветительских инициатив. Особое внимание уделено связи между семьёй и здоровьем, что позволяет говорить о комплексном подходе к формированию ценностной модели.

Подводя итог рассмотрению тех инструментов ценностно-ориентированной семейной политики, которые активно внедряются в нашей стране, можно сделать вывод, что эти меры активно совершенствуются и дополняют друг друга. Приоритетом ценностной политики России в настоящий момент является не просто поддержание семьи, а создание её конкретного образа: большая семья, с тремя и более детьми, а также как минимум с тремя поколениями родственников, проживающими совместно. Ещё одним приоритетным направлением ценностной политики в России является развитие патриотических чувств, воспитание уважения к историческому наследию и укрепление исторической памяти.

В заключение следует отметить, что в настоящий момент российское законодательство в сфере формирования ценностных ориентаций граждан находится на этапе активного становления и развития. Это можно видеть по появляющимся в последнее время законодательным актам и инициативам со стороны органов государственной власти. Систематизация этих документов и мер позволяет с одной стороны облегчить реализацию и популяризацию уже выполненных задач, а с другой — определить перспективы и потенциал для повышения эффективности заложенных идей.

Библиографический список

1. Кант И. Критика практического разума / Пер. с нем. Н. М. Соколова. М. : Юрайт, 2025. 177 с.
2. Kant I. Kritik der Urtheilskraft. М. : АСТ, 2006. 419 р. EDN [QWKTOD](#).
3. Кант И. Основы метафизики нравственности. М. : АСТ, 2025. 384 с.
4. Мешков И. М. Феноменология «аксиологической предметности», отношение предмета и ценности в философии И. Канта, неокантианстве Г. Риккерта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 1-2(100). С. 106–111. DOI [10.24412/2500-1000-2025-1-2-106-111](#). EDN [WMLXPW](#).

5. Привалова И. В. Аксиологический компонент паремий: специфика и роль в межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 3. С. 143–157. DOI [10.29025/2079-6021-2021-3-143-157](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-3-143-157). EDN [ZTACLB](https://elibrary.ru/ztaclb).
6. Айвазян О. О. Аксиологическая парадигма ценностных ориентаций сквозь призму социологической науки в аспекте формирования коммуникативно-правовой культуры // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 15–19. DOI [10.23672/SAE.2020.2.56082](https://doi.org/10.23672/SAE.2020.2.56082). EDN [WXEMNT](https://elibrary.ru/wxemnt).
7. Каримова Л. Н., Дустова З. С. Исследование ценностно-смысловых ориентаций студенческой молодежи в поликультурной среде // Педагогический журнал Башкортостана. 2023. № 2(100). С. 12–24. DOI [10.21510/18173292_2023_100_2_12_24](https://doi.org/10.21510/18173292_2023_100_2_12_24). EDN [HKVNAM](https://elibrary.ru/hkvnam).
8. Тузарин В. П. Избранные философские труды. Л. : Изд-во ЛГУ, 1988.
9. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения. Пер. и вступительная заметка А. Б. Гофмана // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 106–114.
10. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. 804 с. EDN [SGUYOR](https://elibrary.ru/sguyor).
11. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева. М. : Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
12. Orazo Marmentini Ju. E. Returning to the young Talcott Parsons: the critique of utilitarian rationality, the problem of social integration, and the role of institutions and their link to ultimate values // Sociologica. 2024. Vol. 39, No. 109. P. 51–86. DOI [10.24275/ther1103](https://doi.org/10.24275/ther1103). EDN [MFFIYJ](https://elibrary.ru/mffiyj).
13. Павенков О. В. Нормативистские концепции ценностей и ценностных ориентаций в социологической науке (Э. Дюркгейм, М. Вебер и Т. Парсонс) // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2011. № 2(91). С. 164–171. EDN [NYBKZV](https://elibrary.ru/nybkzv).
14. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / В. А. Ядов, А. А. Семенов, В. В. Водзинская [и др.]. 2-е расшир. изд. М. : ЦСПиМ, 2013. 376 с. EDN [SWYNQU](https://elibrary.ru/swynqu).
15. Ядов В. А. Исследование сознания и ценностного мира советских людей в период перестройки общества. М. : ИС, 1990. 60 с.
16. Лапин Н. И. Динамика ценностей населения реформируемой России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 2. С. 141–150. EDN [CYIAGM](https://elibrary.ru/cyiagm).
17. Лапин Н. И. Динамика ценностей населения реформируемой России. М. : Эдиториал УРСС, 1996. 224 с.
18. Лапин Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3–23. EDN [MOUHOH](https://elibrary.ru/mouhon).
19. Ростовская Т. К., Калиев Т. Б. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции. М. : Русайнс, 2019. 228 с. EDN [CNRZAQ](https://elibrary.ru/cnrzaq).
20. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад — 2024 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, В. Н. Архангельский [и др.]. М.; Вологда : Вологодский научный центр РАН, 2025. 385 с. EDN [GTPIJV](https://elibrary.ru/gtpijv).
21. Ростовская Т. К., Ситковский А. М. Многодетная многопоколенная Семья как ключевой ресурс новой долгосрочной Стратегии демографического развития России // Вестник Российской академии наук. 2025. № 4. С. 63–74. DOI [10.31857/S0869587325040127](https://doi.org/10.31857/S0869587325040127). EDN [EGFZIS](https://elibrary.ru/egfzis).

Поступила: 30.04.2025. Доработана: 03.06.2025. Принята: 09.06.2025.

Сведения об авторе:

Рославцева Мария Васильевна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. maria.roslavtseva@yandex.ru
Author ID РИНЦ: [1137594](https://elibrary.ru/1137594); ORCID: [0000-0003-3947-1793](https://orcid.org/0000-0003-3947-1793)

M. V. Roslavl'tseva¹

¹ IDR FCTAS RAS. Moscow, Russia

VALUE ISSUES IN NATIONAL PROJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article explores the theoretical foundations of the concept of “values” in philosophy and sociology, as well as their reflection in contemporary value-oriented policy, using as examples the national projects “Family” and “Youth and Children” and the Strategy for Family and Demographic Policy until 2036. Within the theoretical framework of the paper, the notion of “value” is examined from philosophical and sociological perspectives, based on the works of I. Kant, H. Rickert, É. Durkheim, M. Weber, T. Parsons, V. P. Tugarinov, V. A. Yadov, and N. P. Lapin. The reviewed theoretical approaches have been systematized according to their interpretative characteristics and grouped into three categories distinguished by their focus: normative, ideal, and practical. This classification served as a basis for a comparative analysis between the author’s understanding of values and the existing interpretation of this category within Russian legislation. An analysis of the national projects and the Strategy revealed that they include specific mechanisms for transmitting values through upbringing, education, and cultural context, contributing to the reinforcement of traditional Russian spiritual and moral values outlined in Presidential Decree No. 809 of November 9, 2022. However, to increase their effectiveness, broader audience engagement and systematic alignment with already established societal value orientations are required, as current project implementations insufficiently account for these attitudes. The analysis presented allows for the formulation of practical recommendations aimed at improving value-oriented measures in state policy and may be useful for demographers, legal scholars, and philosophers working within the axiological tradition.

Keywords: axiology, values, traditional spiritual and moral values, youth, value-oriented policy, national project “Family”, national project “Youth and children”, education, culture

For citation: Roslavl'tseva M. V. Value issues in national projects of the Russian Federation. *Science. Culture. Society*. 2025;31(2):129–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.2.10>

References

1. Kant I. Kritik der praktischen Vernunft. Transl. by N. M. Sokolov. Moscow: Yurait; 2025. (In Russ.).
2. Kant I. Kritik der Urtheilskraft. Moscow: AST; 2006.
3. Kant I. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Moscow: AST; 2025. (In Russ.).
4. Meshkov I. M. Phenomenology of “axiological objectivity”. The relationship between object and value in the philosophy of I. Kant and H. Rickert’s neo-kantianism. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2025;(1-2):106–111. (In Russ). DOI [10.24412/2500-1000-2025-1-2-106-111](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2025-1-2-106-111).
5. Privalova I. V. Axiological component of paroemias: specificity and role in intercultural communication. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2021;(3):143–157. (In Russ). [10.29025/2079-6021-2021-3-143-157](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-3-143-157).
6. Ayvazyan O. O. The axiological paradigm of value orientations through the prism of sociological science in the aspect of formation of a communicative legal culture. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2020;(2):15–19. (In Russ). DOI [10.23672/SAE.2020.2.56082](https://doi.org/10.23672/SAE.2020.2.56082).
7. Karimova L. N., Dustova Z. S. Research of value-semantic orientations of student youth in a multicultural environment. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*. 2023;2:12–24. (In Russ). DOI [10.23672/SAE.2020.2.56082](https://doi.org/10.23672/SAE.2020.2.56082).
8. Tugarinov V. P. Selected philosophical works. Leningrad: LSU Publ.; 1988. (In Russ.).
9. Durkheim E. Value and “real” judgments. Transl. and intro by A. B. Hoffman. *Sociological Research*. 1991;(2):106–114. (In Russ).
10. Weber M. Selected works. Transl. from German. Moscow: Progress, 1990. (In Russ).
11. Parsons T. The system of modern societies. Transl. by L. A. Sedova, A. D. Kovaleva. Moscow: Aspect-Press; 1998. (In Russ).

12. Opazo Marmentini Ju. E. Returning to the young Talcott Parsons: the critique of utilitarian rationality, the problem of social integration, and the role of institutions and their link to ultimate values. *Sociologica*. 2024;39(109):51–86. DOI [10.24275/thcr1103](https://doi.org/10.24275/thcr1103).
13. Pavenkov O. V. Normativistic concepts of values and valuable orientations in the sociological science (E. Djurkgejm, M. Veber and T. Parsons). *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*. 2011;(2):164–171. (In Russ).
14. Yadov V. A., Semyonov A. A., Vodzinskaya V. V. [et al.]. Self-regulation and forecasting of social behavior of a personality: A dispositional concept. 2nd exp. ed. Moscow: CSPiM; 2013. (In Russ).
15. Yadov V. A. A study of the consciousness and value world of Soviet people during the period of perestroika of society. Moscow: IS; 1990. (In Russ).
16. Lapin N. I. Dynamics of values of the population of reformed Russia. *Bulletin of the Russian foundation for humanities*. 1996;(2):141–150. (In Russ).
17. Lapin N. I. Dynamics of values of the population of reformed Russia. Moscow: Editorial URSS; 1996. (In Russ).
18. Lapin N. I. Modernization of the basic values of Russians. *Sociological Studies*. 1996;(5):3–23. (In Russ).
19. Rostovskaya T. K., Kaliev T. B. Value orientations of modern youth: features and trends. Moscow: Rusains; 2019. (In Russ).
20. Rostovskaya T. K., Shabunova A. A., Arkhangelsky V. N. [et al.] Demographic well-being of the regions of Russia. National Demographic Report — 2024. Moscow; Vologda: Vologda Scientific Center of the RAS; 2025. (In Russ).
21. Rostovskaya T. K., Sitkovsky A. M. Large multi-generation family as a key resource of the new long-term strategy for demographic development of Russia. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2025;(4):63–74. (In Russ). DOI [10.31857/S0869587325040127](https://doi.org/10.31857/S0869587325040127).

Received: 30.04.2025. Corrected: 03.06.2025. Accepted: 09.06.2025.

Author information:

Maria V. Roslavl'tseva, Junior researcher, Institute for Demographic Research of FCTAS
RAS, Moscow, Russia. maria.roslavl'tseva@yandex.ru
ORCID: [0000-0003-3947-1793](https://orcid.org/0000-0003-3947-1793)

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

сетевой научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30 июня 2021 г.

Соучредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Общественная российская академия социальных наук

Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 24/7, стр. 1

Главный редактор:

Виктор Константинович Левашов

Ответственный секретарь:

Оксана Валерьевна Гребняк

Журнал «Наука. Культура. Общество» включён в базу РИНЦ и перечень ВАК.

ISSN 2713-0681

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте

<https://www.journal-scs.ru>

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции. При использовании материалов ссылка на журнал
«Наука. Культура. Общество» обязательна.

2025. Том 31. № 2. Дата выхода в свет: 30.06.2025.

Адрес редакции: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1

Тел.: +7 499 530-27-32. E-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru